

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛИАЛ МГУ В ГОРОДЕ СЕВАСТОПОЛЕ

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА

ВЫПУСК XV (V)

СЕРИЯ В. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ИЗБРАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ
XI МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ЛАЗАРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

К 15-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ОСНОВАНИЯ
ФИЛИАЛА МГУ В ГОРОДЕ СЕВАСТОПОЛЕ

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛИАЛ МГУ В ГОРОДЕ СЕВАСТОПОЛЕ**

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА

ВЫПУСК XV (V)

СЕРИЯ В. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

**ИЗБРАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ
XI МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ЛАЗАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»**

**Севастополь
2014**

Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск XV (V). Серия В. Международные отношения. Избранные материалы XI Международной научной конференции «Лазаревские чтения» / Под общей редакцией С.Ю. Сапрыкина. – Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2014. – 118 с.

Сборник содержит статьи, подготовленные по материалам отобранных оргкомитетом для публикации докладов профессоров, преподавателей и студентов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и Филиала МГУ в г. Севастополе, сотрудников научных и музейных учреждений России, Украины, Крыма и Севастополя, прочитанных на заседаниях секции «Международные отношения» Международной научной конференции «Лазаревские чтения» в 2013 г.

Представленные статьи будут интересны широкому кругу специалистов в области международных отношений и политологии.

Редакционная коллегия:

- Иванов В.А.,** доктор физико-математических наук, профессор, академик НАН Украины, зам. директора Филиала МГУ в г. Севастополе по научной работе.
- Сапрыкин С.Ю.,** доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, зав. кафедрой истории древнего мира исторического факультета МГУ (главный редактор).
- Усов С.А.,** доктор политических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.
- Филимонов С.Б.,** доктор исторических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков ТНУ имени В.И. Вернадского (зам. главного редактора).
- Юрченко С.В.,** доктор политических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, заведующий кафедрой политических наук и международных отношений ТНУ имени В.И. Вернадского, профессор кафедры новой и новейшей истории зарубежных стран ТНУ имени В.И. Вернадского (зам. главного редактора).
- Цимбаев Н.И.,** доктор исторических наук, профессор кафедры истории России XIX – начала XX веков исторического факультета МГУ.
- Буйских А.В.** доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии НАН Украины.
- Петрова Э.Б.** доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков ТНУ имени В.И. Вернадского.
- Бойцова Е.Е.,** кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, проректор по научной работе Севастопольского городского гуманитарного университета.
- Ставицкий А.В.,** кандидат философских наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, зам. декана историко-филологического факультета Филиала МГУ в г. Севастополе.
- Мартынкин А.В.,** кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.
- Ушаков С.В.,** кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.
- Хапаев В.В.,** кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе (ответственный секретарь).

Публикуется по решению Оргкомитета Международной научной конференции «Лазаревские чтения»

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редколлегии.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Геополитика	
<i>Ирхин А.А.</i> Сирийский узел противоречий в региональной и мировой политике	6
<i>Пашковский П.И.</i> К вопросу о преимуществах и перспективах евразийской интеграции Украины	12
<i>Ставицкий А.В.</i> Украинский проект в контексте глобализации	18
<i>Юрченко С.В.</i> Противоречия мировой политики и взгляд в будущее	26
Диалог цивилизаций	
<i>Автушенко М.Н.</i> О деятельности партии «Хизб ут-Тахрир» в России (на примере Северного Кавказа)	36
<i>Булгова Д.Д.</i> Арабские женщины в арабской весне: гендерное измерение революции	45
<i>Игумен Никон</i> Военнослужащие мусульмане в Российской империи	48
<i>Канах А.М.</i> Джихадийский салафизм как новое явление в международной политике	53
<i>Мартынкин А.В.</i> Становление радикального крыла исламистской оппозиции в исламских странах в последней четверти XIX века	57
<i>Чибисова А.А.</i> Концепция «Русского мира» патриарха Кирилла и попытки ее реализации на Украине	76
Международная экономика	
<i>Грушецкий П.Б.</i> Роль Болгарии в формировании ОЧЭС (1990-1998 годы)	81
История международных отношений	
<i>Евсеев В.М.</i> Органы обеспечения мобильности Вооруженных Сил США как инструмент американской внешней политики: историческая ретроспектива	86
<i>Камакин М.В.</i> Роль внешних факторов в процессе дезинтеграции СССР в концепциях З. Бжезинского, Ф. Фукуямы и С. Хантингтона	94
<i>Ставицкий А.В.</i> Переяславский миф в контексте цивилизационного выбора Украины	99
Научное творчество студентов	
<i>Мартынкин Г.А., Шелест А.Г.</i> Экономическая интеграция как средство достижения политической стабильности Черноморского региона	102
<i>Михайленко Е.А.</i> Разграничение сфер влияния Великобритании и России в Центральной Азии в конце XIX в.	110
<i>Хоменко С.В.</i> Роль ислама во взаимоотношениях Афганистана со странами Востока (1747 г. – начало XX века)	112
Сведения об авторах	116

ПРЕДИСЛОВИЕ

Международная научная конференция «Лазаревские чтения» проводится в Филиале МГУ в городе Севастополе с 2002 года. С 2005 года секция «международные отношения в Причерноморье» была выделена в самостоятельное направление конференции.

В предлагаемом выпуске сборника «Причерноморье. История, политика, культура» на суд читателей выносятся избранные статьи, подготовленные участниками «Лазаревских чтений» 2013 года. Выпуск сборника в этом году посвящен 15 – летию Филиала МГУ в г.Севастополе, основанного Решением Ученого совета МГУ 29 марта 1999 года. Это оказало влияние на тематику статей сборника, значительная часть которых посвящена вопросам, актуальным именно для города федерального значения Севастополь и Республики Крым.

Статьи представлены в пяти разделах, отражающих основные направления научной дискуссии в рамках секции «международные отношения»: геополитика, диалог цивилизаций, международная экономика, история международных отношений, научное творчество студентов.

В разделе **«Геополитика»** работы авторов традиционно посвящены изучению серьезных изменений геополитической ситуации в Причерноморье и прилегающих регионах, произошедших в последние годы. Естественно, что события последних лет сконцентрировали внимание авторов этого раздела на различных аспектах влияния изменений в российско-украинских взаимоотношениях на трансформацию геополитического пространства в Причерноморье и перемены в геополитической картине мира в целом. Именно этой тематике посвящены статьи постоянных авторов раздела – кандидата политических наук П.И. Пашковского и кандидата философских наук доцента А.В. Ставицкого. Анализу влияния событий на Ближнем и Среднем Востоке вообще и войны в Сирии в частности на изменение позиций в основных геополитических игроков посвящена статья доктора политических наук профессора А.А. Ирхина. Опыт теоретического осмысления влияния противоречий современной мировой политики на будущее глобальных политических процессов предпринял доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук и международных отношений ТНУ им. В.И. Вернадского С.В. Юрченко.

Статьи второго раздела – **«Диалог цивилизаций»** – традиционно посвящены рассмотрению роли религиозного фактора в современных политических процессах. Попытка анализа деятельности исламистской партии «Хизб ат-Тахрир» на территории России предпринята в статье М.Н. Автушенко. Рассмотрению интересного в исламском мире феномена – роли женщин в революционных событиях «Арабской весны» — посвящена статья исследовательницы Д.Д. Булговой. К важной проблеме организации нормального человеческого взаимодействия представителей различных религиозных систем в рамках службы в дореволюционной российской армии обращается магистр богословия, настоятель Свято-Покровского храма г. Судака, наместник Кизилташского Свято-Стефано-Сурожского мужского монастыря игумен Никон. Другой аспект диалога цивилизаций – концепцию «Русского мира» патриарха Кирилла и попытки ее реализации на Украине анализирует аспирант кафедры истории стран Ближнего зарубежья Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова А.А. Чибисова. Важной проблеме становления и роста влияния в мире салафитских движений посвящены статьи кандидата политических наук доцента А.М. Канаха и кандидата исторических наук доцента А.В. Мартынкина.

В разделе **«Международная экономика»** аспирант кафедры новой и новейшей истории зарубежных стран Таврического национального университета имени В.И. Вернадского П.Б. Грушецкий представил глубокий анализ роли Болгарии в формировании ОЧЭС в 1990-1998 годах.

Актуальные вопросы **истории международных отношений** подвергнуты анализу авторами четвертого раздела сборника. Важной теме анализа роли внешних факторов в процессе дезинтеграции СССР в концепциях З. Бжезинского, Ф. Фукуямы и С. Хантингтона посвящена статья аспиранта кафедры политических наук и международных отношений Таврического национального университета им. В.И. Вернадского М.В.Камакина. Основные этапы формирования и трансформации органов обеспечения мобильности вооруженных сил США, как инструмента американской внешней политики, рассматриваются в работе кандидата исторических наук В.М. Евсеева. Актуальная, с учетом современных российско-украинских отношений, проблема – Переяславский миф в контексте цивилизационного выбора Украины – анализируется кандидатом философских наук А.В. Ставицким.

В разделе **«Научное творчество студентов»** представлены три работы. Это статья Г.А. Мартынкина и А.Г. Шелест «Экономическая интеграция как средство достижения политической стабильности Черноморского региона», а также статьи Е.А. Михайленко «Разграничение сфер влияния Великобритании и России в Центральной Азии в конце XIX в.» и С.В. Хоменко «Роль ислама во взаимоотношениях Афганистана со странами Востока (1747 г. – начало XX века)».

* * *

Оргкомитет Международной научной конференции «Лазаревские чтения» приглашает историков, политологов, культурологов, а также студентов, магистрантов и аспирантов соответствующих специальностей, проживающих в государствах Причерноморья, к научному сотрудничеству, аргументированным и толерантным дискуссиям, как на заседаниях конференции, так и на страницах сборника «Причерноморье. История, политика, культура».

I ГЕОПОЛИТИКА

СИРИЙСКИЙ УЗЕЛ ПРОТИВОРЕЧИЙ В РЕГИОНАЛЬНОЙ И МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Ирхин А.А.

Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского

Процессы формирования новой системы международных отношений проходят в условиях доминирования ведущих держав западной цивилизации, которые на протяжении последних нескольких столетий, посредством имплементации механизмов «мягкой» и «жесткой силы», успешно реализуют технологии периферизации своих конкурентов, включая последних в свой мировой порядок, создаваемый ими исключительно под своё цивилизационное мировосприятие.

Четыре системные переменные: мировой экономический кризис, рост новых центров силы, убывающая мощь США и усиление роли транснациональных компаний взаимно влияют друг на друга, определяя модель будущего мирового порядка. Несмотря на технологические достижения в области НТР и перенесение акцента в процессе конкуренции государств в область «мягкой силы» и финансовых технологий, борьба за геополитическое пространство остается основной сферой соперничества великих держав, а в современном мире две противоположные тенденции – глобализация и регионализация (логика сфер влияния) жестко конкурируют между собой, формируя значительный потенциал конфликта.

Гражданская война в Сирии показала, что мир в отдельных регионах или даже странах остается отражением биполярной системы периода «холодной войны». При этом баланс мировых сил изменился не в пользу Запада, который с конца 1970-х сумел создать американо-китайский альянс против СССР. После данного виртуозного стратегического хода Вашингтона петля военно-политического, экономического, технологического удушения советского пространства замкнулось. В настоящее время Китай играет самостоятельную игру, а внешнеполитические линии обороны Пекина и Москвы во многом совпадают. В то же время Запад, опьяненный победой в «холодной войне», стал более разобщенным. Политическое руководство США на протяжении последних 15 лет проводило односторонние силовые акции, перестраивая мир под новую американскую модель глобального доминирования. Эти действия способствовали расколу Запада как минимум на два ядра – Западную Европу и США.

Традиционным полем конкуренции великих держав является Ближний и Средний Восток. Причины банальны: современная человеческая цивилизация – это цивилизация нефти. Но в этом регионе она еще и качественная и дешевая (низкое содержание серы и низкая себестоимость ее добычи, даже по сравнению с Латинской Америкой, не говоря уже о России). При этом, рынок США зависит от поставок из этого региона на 5-7%, тогда

как европейская зависимость значительно выше. Однако, и до открытия нефти, как важнейшего вида сырья современной экономики, данный регион сохранял свое значение в мировой политике. Эпоха крестовых походов и столкновение Запада и Востока в период средневековья, строительство важнейшей водной коммуникации – Суэцкого канала, от стабильности функционирования которой зависело существование Британской империи, занимающей четверть мировой суши.

В современном мире Ближний и Средний Восток, как источник углеводородных ресурсов, и Восточное Средиземноморье как путь их транспортировки, имеют стратегическое значение для наиболее развитых экономик мира. Этот факт ставит в зависимость экономические системы западных государств и Китая от стабильности в указанных регионах. В то же время, эти районы насыщены различными видами вооружения, в них присутствуют опасные международные очаги напряженности: турецко-сирийские, ирано-иракские, греко-турецкие противоречия, войны в Ираке, Афганистане, палестинско-израильский конфликт. Несмотря на то, что в регионах отсутствует стабильность, последним и решающим арбитром в них является американская военная мощь.

США распространили свое влияние на этот регион после Второй мировой войны. До середины 1940-х гг., Ближний и Средний Восток был зоной исключительного влияния Британии. Для управления регионом Вашингтон начал использовать те же технологии, что и Лондон, выстраивая на основе парадигмы «balance of power» систему балансов из конкурирующих государств, игра на которых дает максимальные дивиденды их субъекту.

В традиции западной цивилизации для продвижения своих национальных интересов используются два вида баланса сил – французский (raison de tat – национальный интерес) и английский «balance of power». Французский предполагает непосредственное участие субъекта в одном из разыгрываемых балансов, тогда как английский баланс сил предполагает дистанционное разыгрывание субъектом различных комбинаций без непосредственного участия, и только когда ситуация становится критической, субъект всей своей мощью вступает в игру на стороне, которая позволяет ему разрешить свои национальные интересы в полной мере [3].

Для США в регионе Ближнего и Среднего Востока существуют три противоборствующие пары: арабы и израильтяне, индийцы и пакистанцы, иракцы и иранцы; и до 2003 года США на Ближнем и Среднем Востоке руководствовались английским принципом «баланса сил». После указанного рубежа, США начали проводить прямые интервенции в Ираке и Афганистане, перейдя к французской методологии, и тем самым уничтожили или существенно подорвали выстроенные ранее балансы: Ирак – Иран, Пакистан (Афганистан и Пакистан воспринимается Вашингтоном, как единый регион АфПак) – Индия.

По мнению Генри Киссинджера, весь американский механизм влияния в регионе сводится к следующим трем интересам: поддержание регионального баланса сил, обеспечение бесперебойных поставок нефти и разгром исламистских групп, которые угрожают Америке. Всякий ход Соединенных Штатов, преследующий любую из указанных целей, должен предприниматься при учете двух других, что существенно усложняет достижение каждой из них.

Из нерегиональных субъектов, влияющих на ситуацию на Ближнем и Среднем Востоке, особенно необходимо выделить интересы и геополитические возможности Китая и России. Если остаточное влияние последней получило второе дыхание в связи с сирийским кризисом, то экспансия Пекина носила экономический характер, и к 2011 году, к моменту «Арабской весны», приобрела угрожающие для Запада масштабы. Китай нуждается в углеводородных ресурсах для своей «мировой мастерской», а военные кампании США, даже без видимой победы – в ограничении возможностей Пекина получать эти ресурсы.

Внутрирегиональный расклад сил выглядит таким образом: на Ближнем и Среднем Востоке существуют два претендента на роль региональных держав (ВВП, технологический потенциал, ВПК, наличие различных природных ресурсов, мобилизационные возможности, способность предложить цивилизационные модели развития) – Иран и Турция. Оба государства – непримиримые в прошлом империи, представляющие два различных проекта внутри Ислама – шиитский и суннитский. До 1979 года оба государства входили

в американскую систему интересов, составляя прочный треугольник Тель-Авив – Тегеран – Анкара, однако Исламская революция в Иране существенно трансформировало американские подходы и возможности. Безусловной региональной державой является Израиль, развивающийся во враждебном окружении. Саудовская Аравия, Египет, Катар, Сирия и др. представляют собой более слабые государства, обладающие ограниченными возможностями влияния на регион.

В Турецкой Республике, с приходом к власти в 2002 году умеренных исламских политических сил в лице Партии справедливости и развития (АКР), трансформируются внешнеполитические подходы в сторону реанимации османских технологий. Р.Т. Эрдоган ставит своей целью чтобы Турция в среднесрочной перспективе достигла статуса лидера исламского суннитского мира. Современная внешнеполитическая стратегия государства реализуется в рамках концепции «Стратегической глубины», выдвинутой министром иностранных дел Ахметом Давутоглу [4]. Её суть сводится к вынесению центров экономического и военно-политического развития Турецкой Республики вглубь турецкой территории и окружение себя кольцом дружественных стран, ранее входивших в Османскую империю. На основе общих или схожих взглядов лидеры правящей в Турции партии Справедливости и развития стали устанавливать связи и тесное сотрудничество с умеренной исламской арабской силой – ассоциацией «Братья мусульмане».

С 2011 года данный регион захлестнула «арабская весна», в результате которой к власти стали приходиться умеренные арабские исламские политические силы (ассоциация «Братьев мусульман»), которые потеснили авторитарные консервативные режимы. Для Запада как цивилизации умеренный исламский проект, носителями которого являются правящая турецкая партия Справедливости и развития и общеарабская ассоциация «Братья мусульмане», представляет системную угрозу, сопоставимую с большевистским проектом сто лет назад. Проект имеет детально разработанную модель государственного, экономического, финансового и юридического сторон развития общества, радикально отличную от западных принципов.

Разделение Ислама на шиитскую и суннитскую части в регионе часто лежит в основе противостояния различных государств и сил. В Сирии данное разделение также присутствует: алавитское меньшинство (15 % шиитского населения) является элитой в суннитском государстве. Естественным геополитическим и культурным (в рамках противостояния шиитов и суннитов) союзником Сирии является Иран.

В конфликте в Сирии столкнулись нерегиональные акторы: разделенный Запад (США, ЕС), Россия и Китай, региональные – Турция, Саудовская Аравия, Катар, Иран, Израиль. Практически выбыл из игры Египет. Внутривосточные военно-политические силы – салафиты (корень – салаф, то есть исламские фундаменталисты), боевое крыло «Братьев мусульман» (умеренные исламисты) и курды.

Еще до начала существующего конфликта, взаимоотношения Сирии и Турции были осложнены территориальной проблемой, а также проблемой распределения водных ресурсов рек Тигра и Евфрата. Первая проблема была инициирована европейскими странами передачей в июле 1939 года Францией Турции Александреттского санджака, считавшейся сирийской территорией, в настоящее время одного из крупнейших нефтяных портов Средиземноморья (порт Искендерун). Вторая вызвана экономической программой Турецкой Республики, связанной со строительством комплекса плотин («проект Ататюрка») на двух основных реках региона. Таким образом, Турция в состоянии регулировать естественный ток воды в направлении Сирии и Ирака. Такой инструмент воздействия на соседние государства оказывается весьма эффективным фактором политического и экономического давления.

В современном конфликте внешнеполитическая линия Анкары в отношении Дамаска изначально была подчинена логике всесторонней поддержки сил ассоциации «Братья мусульмане», главной оппозиционной силы режиму Башара Аль Асада, без непосредственного вступления в войну, по крайней мере, в ее острой фазе. Вступление Турции в войну против Сирии немедленно давало бы узел негативных производных. Так, прямое вторжение турецких войск приведет к дезинтеграции Ливана, который сразу распадается по ли-

нии межконфессионального разлома между шиитами и суннитами. Шиитская партия «Хезболла», которая, располагает значительным боевым потенциалом (война с регулярными частями Израиля в 2006 году была фактически выиграна) автоматически становится врагом турецкой армии. Учитывая глобальный масштаб деятельности организации, динамику развития и методы работы, необходимо констатировать, что данная организация является лидером среди политических и военных движений исламского мира.

Кроме того, учитывая, что на территории Сирии проживает значительная часть курдов, то на новом качественном уровне начинает развиваться «курдский вопрос», и с учетом наличия «проблемы» иракского Курдистана как модели развития (широкая автономия), Анкара получает узел противоречий, затрагивающих стабильность республики уже внутри Турции. Если учитывать, что в Сирии находится значительное число замороженных баз отдыха и подготовки членов курдской рабочей партии (КРП), то Сирия имеет значительный запас давления на своего регионального конкурента. И наконец, в случае открытого вступления Турции в конфликт, Иран автоматически становится врагом Турции, что также дает массу военно-политических производных с непонятным результатом.

Если в условия моделирования включить одну, но очень существенную переменную – возможную американскую агрессию против Сирии, Турция вынуждена будет как можно дольше оставаться в стороне от боевых действий. Данное положение может изменить только массовые истребления мирного суннитского населения со стороны режима Башара Аль Асада, однако, они должны будут иметь безупречную доказательную базу, а не являться продуктом информационной войны.

Вторым по значимости региональным субъектом в сирийском вопросе является Израиль. Его позиция, как ни странно заключается скорее в заинтересованности сохранения режима Башара Аль Асада, что связано со значительной протяженностью общей сухопутной границы и предсказуемостью нынешнего политического режима Башара Аль Асада для Тель-Авива. Кроме того, политическая сила «Братья мусульмане» напрямую связаны с Организацией Освобождения Палестины - «Хамас», последняя, по сути, является ее дочерней организацией. Поэтому в случае реализации самого благожелательного для Турции сценария, то есть прихода к власти в Сирии представителей «Братьев мусульман», вся Сирия превращается для Тель-Авива в «Сектор Газа № 2».

Но, несмотря на заинтересованность Израиля в сохранении политического режима Аль Асада, он предпринимает попытки для того, чтобы на общем фоне уничтожить как можно большую часть военной инфраструктуры Дамаска. Очевидно, для того, чтобы выйти на возможные будущие переговоры с более выгодными позициями.

Одной из главных причин низкой эффективности военных успехов сирийской оппозиции, является ее раздробленность и разобщенность. А начиная с апреля 2013 года, в сирийском конфликте произошли события, которые изменили подходы Запада и Востока и региональных держав. Так, руководство Фронта (Джабхд Аль Нусра Аль Исламия – «Фронт победоносного Ислама»), который входит в Оппозиционный совет Сирии и возглавляется Абу Мухаммедом Аль Джуляни (по прозвищу Аль Фатех – завоеватель), объявил о создании государства – Даулят Аль Ирак ва Аль Шам (Шам). По планам руководства Фронта, политическое устройство государства Шам должно быть идентичным политическому режиму Афганистана периода правления движения Талибан. Таким образом, данный фронт публично признал себя филиалом «Аль-Каиды» в Сирии. При этом в данное государство (Шам) входят современные территории Сирии, Ливана, Иордании, часть Ирака, что является прямой угрозой для США, Турции, Израиля и Ирана одновременно.

Для Турции реализация идеи государства Шам даже на гипотетическом уровне является мощнейшей угрозой. Салафизм-джихадизм – идеология, которая сформировалась в Афганистане в середине 1980-х гг., в ходе деятельности миссионеров в лагерях моджахедов. По сути «Аль-Каида» сейчас дискредитировала антиасадовское движение. В сложившемся военно-политическом раскладе Башар Аль Асад стал естественным союзником США, Турции и Израиля. При этом необходимо учитывать, что эта часть «Аль-Каиды» имеет иракское происхождение, то есть уровень антиамериканизма в ней имеет чрезвычайно высокий уровень.

Главными союзниками США в регионе являются нефтедобывающие монархии и сафитские государства (Саудовская Аравия, Арабские Эмираты, Бахрейн и Оман). Современная региональная дилемма для США выглядит таким образом – с ассоциацией «Братья мусульмане» нельзя переходить к открытой конфронтации, так как существует гораздо более дееспособный противник – «Аль-Каида». Создается система балансов – Западу (и его союзникам) с «Аль-Каидой» необходимо воевать, «Братьям мусульманам» – противодействовать, так как чрезмерное усиление ассоциации будет влиять на внутривосточную стабильность нефтедобывающих монархий – Саудовской Аравии, Арабских Эмиратов, Бахрейна и Омана.

Динамичность развития сирийской ситуации трансформирует подходы практически всех сторон, вовлеченных в конфликт. Идея создания государства Шам и агрессивные действия «Аль-Каиды» сыграли, наверное, еще большую роль для временного компромисса вокруг Сирии, чем успехи российской дипломатии, направленные на получение контроля над химическим оружием государства. Однако «Сирийский котел» продолжает кипеть, заставляя великие державы трансформировать свои подходы к кризису.

На глобальном уровне за последние несколько лет сформировались определенные технологии конфликтного управления миром. Сирия стала звеном в цепи данных механизмов. Так, несмотря на глобальный кризис капиталистической экономики, США, как ведущая держава мира, продолжает активный глобальный внешнеполитический курс, который требует значительных капиталовложений. Хотя именно США находятся в «ядре» финансового коллапса, внешняя политика Вашингтона продолжает сохранять свою военно-силовую составляющую, которая достаточно дорого обходится американскому бюджету и налогоплательщикам.

Однако, такая активная силовая политика США, несмотря на растущий внешний долг и системные проблемы в экономике, имеет свой практический, в том числе, финансовый смысл. Так, именно такая внешнеполитическая линия США имеет следующие последствия в доллароцентричной мировой экономике.

Во-первых, военные кризисы в мире проходят по двум сценариям – на периферии экономических центров (страны группы БРИКС), которые одновременно являются и геополитическими соперниками Вашингтона (Северная Корея, китайско-японские отношения, Кавказ, Сирия, российско-грузинские противоречия и т.д.). Капитал при этом уходит из этих регионов в «тихую гавань» мировой экономики, то есть в США и доллар. Второй сценарий представляет следующую производную – в условиях глобализации экономики и финансового сектора, Вашингтону не обязательно предпринимать силовые акции на периферии своих геоэкономических и геополитических конкурентов. Практически тот же эффект достигается, если потенциальная точка напряжения в военно-политической сфере возникает в любой точке мира. Если напряжение возникает в различных регионах, поочередно и на системной основе, обеспечивается постоянный приток экономических инвестиций в проблемную американскую экономику, таким образом, поддерживается американская экономическая система, которая служит основой для военно-технологического и силового лидерства США.

Во-вторых, за исключением Китая, который нуждается в ресурсах для своей «мировой мастерской», в современной глобальной экономической системе другие силовые центры попадают в исключительную ситуацию, когда их экономические интересы входят в противоречие с геополитическими. Так, от силовых акций США на Ближнем Востоке, выигрывает российский бюджет и в целом существующая экономическая система РФ, правда, речь идет о краткосрочных интересах. Возникает ситуация соблазна поддержки любых акций сверхдержавы, которые будут приносить краткосрочные экономические выгоды, даже если они противоречат геополитическим интересам. По крайней мере, такой соблазн будет возникать у части государственной и бизнес элиты, интересы которой связаны с сырьевым и финансовым сектором мировой экономики. Современная ситуация вокруг Сирии – явный пример таких противоречий.

Война – этой действенный способ списания долгов. Но если масштаб долгов беспрецедентный и носит глобальный характер, то и конфликт должен быть глобальным. Иначе

эффект их «сгорания» будет недостаточным для финансового сектора мировой экономики. После того, как Сирия сыграла роль эпицентра столкновения, великие державы переносят центр военно-экономического, политического и цивилизационного противостояния с периферии России и Европейского союза (Ближний и Средний Восток) в зону интересов Китая, Японии и США (Юго-Восточную Азию). Данные трансформации происходят с одновременными революционными внешнеполитическими договоренностями между Россией и Японией, переброской американского флота в регион и военным возрождением Токио. Начинается новый этап пробы сил в рамках формирования нового мирового порядка.

Источники и литература.

1. Киссинджер Г. Дипломатия / Г. Киссинджер; [пер. с англ. В. В. Львова]. М.: Ладомир, 1997. 848 с.
2. Мартынкин А.В. «Основные направления деятельности исламистского руководства Турции по превращению страны в региональную державу» // Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск V (II). Серия В. Международные отношения, Севастополь, 2011. С. 29-35.

К ВОПРОСУ О ПРЕИМУЩЕСТВАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ УКРАИНЫ

ПАШКОВСКИЙ П.И.

**Институт стран Востока и Африки
Международного славянского университета (г. Симферополь)**

В начале второго десятилетия XXI века происходит активизация интеграционных процессов на постсоветском пространстве, связанная с реализацией идеи Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Так, в июле 2011 г. глава российского правительства В. Путин заявляет, что в *«следующем году»* намечается подписание декларации Евразийского союза. А 3 октября 2011 г. в газете «Известия» публикуется его статья [13], где представлены контуры проекта создания ЕАЭС на базе России, Белоруссии, Казахстана и соответствующих интеграционных структур СНГ – Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), Единого экономического пространства (ЕЭП) и Таможенного союза (ТС). По замыслу основного идеолога проекта, академика С. Глазьева, формирование ЕАЭС предполагает три стадии: зону свободной торговли в рамках Содружества, ТС в формате ЕврАзЭС, а также ЕЭП (РФ, Казахстан, Белоруссия), состоящее из ряда проектов и соглашений, членство в которых определяется каждой страной самостоятельно [3].

Впоследствии проект предусматривает образование конфедеративного союза государств с единым политическим, экономическим, военным, таможенным, гуманитарным и культурным пространством по аналогии с ЕС и другими подобными региональными объединениями. При этом подчёркивается, что ЕАЭС будет строиться по модели мощного наднационального объединения, способного стать самостоятельным рынком и одним из геополитических «полюсов» современного мира, играя роль эффективной «связки» между Европой и динамично развивающимся Азиатско-Тихоокеанским регионом [15].

Субъектами ЕАЭС могут быть и другие участники Содружества. Первые шаги на этом пути уже сделали Кыргызстан (о начале процесса его присоединения к ТС объявлено 19 октября 2011 г. на межгосударственном совете ЕврАзЭС) и Таджикистан (сможет присоединиться к ТС только после Кыргызстана вследствие отсутствия общих границ с его первыми тремя членами). После подписания 18 ноября 2011 г. лидерами РФ, Белоруссии и Казахстана декларации о Евразийской интеграции, создаётся Евразийская экономическая комиссия, контролирующая около 170 функций союза. С 1 января 2012 г., на территории трёх стран-участниц ТС, начало действовать ЕЭП. В полной мере интеграционные соглашения по ЕЭП, принятые 18 ноября 2011 г., стали работать с июля 2012 г. Конечная цель – формирование к 2015 г. ЕАЭС, что, предполагаемо, создаст условия для стабильного и эффективного развития экономик государств-участников и повышения уровня жизни их населения. Насколько эффективным на практике окажется данный проект, покажет время.

На этом фоне актуализируются традиционные дилеммы внешнеполитического позиционирования Украины относительно выбора между евроатлантическим и евразийским направлением интеграции. Характерно, что в современных отечественных и зарубежных международно-политических исследованиях по разным причинам много внимания уделяется анализу негативных последствий участия Украины в российских интеграционных проектах, в том числе ЕАЭС. Подобное зачастую основывается на выводах о стремлении РФ установить стратегический контроль над Украиной, что порождает определённые угрозы её национальным интересам: вероятность конфликта с одним из центров силы; ограничение внешнеполитической самостоятельности; экономическая и энергетическая зависимость в случае перехода украинских стратегических объектов под контроль российских ТНК энергетического, машиностроительного и оборонного сектора; потеря транзитных возможностей вследствие утраты

контроля над газотранспортной системой; угроза внутривнутриполитической стабильности и территориальной целостности государства [4; 6; 17; 21; 22].

Вместе с тем, явно недостаточно говорится о том, что взаимодействие в рамках ЕЭП, ТС, а в дальнейшем и, сформированного на их основе ЕАЭС, открывает перед Украиной значительные перспективы развития, которые обусловлены возможностью решения ряда объективных проблем. Отмечая обоснованность аргументации приведённых угроз украинским национальным интересам, целью настоящей статьи является обзорное рассмотрение некоторых преимуществ и перспектив евразийской интеграции для нашего государства.

К одной из наиболее значимых в настоящее время проблем относится крайне уязвимое экономическое положение страны: ВВП Украины оценивается в 66 % от уровня 1990 г. А декларируемое в качестве антикризисного варианта создание зоны свободной торговли с ЕС прогнозируемо обусловит спад выпускаемой Украиной продукции минимум на 1,13 %, уменьшение ВВП на 0,42 %, рост экспорта на 3,1 % при увеличении импорта на 6,7 % [15]. По оценкам экспертов Института экономики и прогнозирования НАНУ и Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, опубликовавших в 2012 г. совместное исследование, вступление Украины в зону свободной торговли с ЕС приведёт к снижению её экспорта в страны ЕЭП и увеличению объемов импорта из стран ЕС, что будет компенсироваться некоторым увеличением объемов экспорта в ЕС лишь частично. В рамках данного сценария наша страна может потерять до 1,5% базового уровня объёма ВВП [9, с. 167].

В свою очередь, российский интеграционный проект открывает возможности развитию ряда отраслей украинской промышленности. Примечательно, что преобладающей в структуре экспорта украинских товаров в Россию является продукция машиностроения (порядка 36 %) и металлургической промышленности (порядка 20 %) [7; 16]. Следуя мнению аналитиков, без украинского машиностроения российский интеграционный проект не будет эффективным, а на создание дублирующих мощностей нет времени и средств [15]. Это открыто признали и такие авторитетные российские политические деятели, как председатель Высшего совета партии «Единая Россия», председатель Государственной Думы РФ прошлого созыва Б. Грызлов, который 11 ноября 2011 г., в ходе встречи с участниками международного дискуссионного клуба «Валдай», заявил: *«У нас (с Украиной. – П.П.) тесные экономические связи, много совместных проектов. Например, производство самолетов «Ан». Мы хотим видеть Украину в будущем Евразийском союзе, и считаем, что без нее он будет неполным»* [5].

Преимущества интеграции страны в российский проект обусловлены и возможностями развития её научно-технической сферы. *«За узким исключением военных технологий, – отмечает украинский исследователь А.Ирхин, – Украина потеряла свой научно-технический потенциал. В России произошли тождественные изменения, однако Москва изначально, включая советский период, ориентировалась на фундаментальные научные исследования (долговременность и меньший уровень капитализации), тогда как Киев на прикладные (среднесрочные и краткосрочные прикладные исследования с высоким уровнем капитализации). В итоге, после деградации промышленного производства, Россия сохранила подушку технологической безопасности, а начавшийся переход РФ к инновационной модели даёт украинскому государству шанс получить место в едином научно-техническом пространстве и восстановить возможности государственной системы обеспечивать фундаментальные потребительские блага для населения Украины, выпрямив кривую социально-экономической деградации»* [8, с. 252-253].

Участие в российском интеграционном проекте может быть экономически выгодным для Украины и потому, что она относится к энергодефицитным странам: собственные источники обеспечивают только 47-49 % имеющихся потребностей. Из них добыча нефти на территории государства покрывает примерно 10-12 %, а природного газа 20-25 % нужд. Поэтому важным фактором государственной стабильности и национальной безопасности является зависимость нашей страны от поставок российских энергоресурсов. Украина является наибольшим потребителем российского газа в Европе. Если в целом европейские страны потребляют порядка 110-120 млрд. куб. м. газа, поставляемого из РФ, то на Ук-

раину до недавнего времени приходилось 55-60 млрд. куб. м. [11, с. 172]. Украинская газотранспортная система осуществляет транзит около 80 % экспорта российского «голубого топлива» в европейские государства (например, в 2008 г. он составлял 116,9 млрд. куб. м.), имея исключительное геостратегическое значение как своеобразный «газовый мостик» между Россией и странами Западной Европы [1, с. 22].

Согласно официальным данным, *«стабильное обеспечение Россией украинской экономики энергоресурсами – важный фактор бесперебойной работы и развития украинских предприятий промышленности и сельского хозяйства»* [15]. Российские компании завоевали прочные позиции в ряде отраслей украинского топливно-сырьевого комплекса и производствах, перерабатывающих их продукцию. В частности, они контролируют четыре из шести крупнейших нефтеперерабатывающих украинских заводов (Кременчугский, Лисичанский, Херсонский и Одесский), работающих преимущественно на российском сырье [12, с. 284-287]. Учитывая это, а также значительное экономическое влияние РФ на Украину, в том числе посредством действующих газовых контрактов 2009 г., интеграционное взаимодействие в рамках ЕАЭС несёт очевидные экономические преимущества Украине [15].

Кроме того, отмечая высокую степень украинско-российской взаимозависимости в торгово-экономической, энергетической, промышленной, культурно-гуманитарной и других сферах [7; 16], экономически целесообразной выглядит интенсификация двустороннего взаимовыгодного сотрудничества в следующих областях: торгово-экономическое взаимодействие; партнёрство в сфере энергетики; научно-техническое и инновационное взаимодействие; развитие транспортной сети; инвестиционное сотрудничество; военнотехническое взаимодействие; развитие фондовых рынков и процессов взаимного инвестирования; расширение рынка трудовых ресурсов; развитие межрегионального сотрудничества; совместное противодействие тенезации экономики и нелегальной миграции и т. д. В этом смысле справедливым представляется мнение известного украинского социолога И. Кононова, что *«Украина больше заинтересована в развитии экономических отношений с РФ, чем Россия с Украиной. Это сотрудничество касается не только рынка энергоносителей. Переход украинской экономики к инновационному типу развития предполагает её широкую экспансию на российском рынке. Вообще, инновационные программы могли бы стать главной сферой перспективного сотрудничества Украины и РФ»* [10, с. 125]. По видимому, активизация интеграционного взаимодействия в условиях ЕАЭС позволила бы увеличить и эффективность реализации совместных инновационных программ.

Исходя из сказанного, участие Украины в ЕАЭС выглядит экономически оправданным и перспективным в плане дальнейшего многостороннего развития, как нашей страны, так и других государств-членов данного объединения. Как отмечают украинские и российские исследователи, присоединение Украины к ЕЭП означает, что за счет торговых эффектов объем годового ВВП к 2030 г. будет превышать объем ВВП в базовом сценарии на 1%. В условиях технологической интеграции и развития кооперационных связей, оценка экономического эффекта к 2030 г. может быть повышена до 6-7% объема ВВП. При реализации этого сценария величина ВВП Украины к концу прогнозного периода будет примерно на 6-7% выше, чем в сценарии, исключающем интеграцию с ЕЭП. Суммарный накопленный эффект от создания ЕЭП и последующего присоединения к нему Украины за период 2011-2030 гг. может достигнуть для четырех стран \$ 1.1 трлн в ценах 2010 г. В страновом разрезе эффект составит около 14% ВВП Беларуси, 6% ВВП Украины, 3,5% ВВП Казахстана и 2% ВВП России. В расчете на душу населения основными выгодополучателями от интеграции станут Беларусь, Украина и Казахстан; в абсолютном значении – РФ [9, с. 168]. Максимальный суммарный положительный эффект интеграции оценивается для украинской экономики в период с 2011 по 2030 г. в \$ 219 млрд в ценах 2010 г. [9, с. 141]. В то же время, думается, что логика и принципы указанного интеграционного проекта пока прописаны весьма поверхностно [3; 13]. Не следует забывать и в целом неоднозначный опыт интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Чего стоит только пример ТС, соглашения о котором подписывались едва ли не трижды, прежде чем он начал реально функционировать 1 июля 2011 г.

Вследствие неясности перспектив российского проекта и вероятности возобновления конфликта РФ с Западом, участие Украины в нём не пользуется поддержкой лидеров основных промышленно-финансовых группировок, контролирующих украинскую экономику [15]. Как справедливо подчеркивает канадский аналитик Т. Кузио, в Украине наблюдается противоречие между политической элитой и обществом в выборе вектора внешнеполитического позиционирования государства. С момента обретения независимости, внешнеполитические предпочтения большей части элит были либо устремлены на Запад (вплоть до заявлений о необходимости вступления в НАТО), либо характеризовались многовекторностью [20]. В противовес этому значительная часть общества ориентируется на Восток, укрепление отношений с Россией и интеграцию постсоветского пространства. Современные социологические исследования показывают, что в общенациональном срезе «скорее положительно» к идее присоединения Украины к союзу России и Беларуси относятся 60,3% опрошенных. «Скорее отрицательно» оценивает данную идею значительно меньшая часть респондентов – 24,3%. Тех, кому трудно определить свою позицию по этой проблеме, – 15,4%. Примечательно, что за 12 лет мониторинга по указанному вопросу поддержка союза лишь один раз опустилась ниже 50-процентной отметки – в 2000 г. (40,8%), когда были неясны перспективы РФ в постъельцинскую эпоху [2, с. 18-19].

Вместе с тем, учитывая видимый раскол в мировоззрении украинского социума, очевидным представляется, что какая бы из имеющихся в нашей стране группировок ни пришла к власти, она, ведомая стремлением сохранить и приумножить свои капиталы [14; 19], не будет заинтересована в «полном» вхождении в российский интеграционный проект, который, естественно, подразумевает не только вероятность приумножения доходов, но и необходимость делиться ими. Обратное в условиях правления современных элит, ориентированных на многовекторную политику, видится возможным лишь в двух случаях. Во-первых, если украинские правящие круги будут уверены в получении наибольшей экономической выгоды от подобного интеграционного взаимодействия. Во-вторых, при наличии фактора угрозы их имеющемуся положению, когда интеграция станет панацеей сохранения status quo или императивом выживания.

И, всё-таки, реалии таковы, что в скором времени украинские элиты будут вынуждены сделать выбор в плане внешнеполитического позиционирования государства. Это объясняется тем, что продолжительность и глубина современного финансово-экономического кризиса, нанесшего удар по мировой экономике, *«обуславливают восприятие будущего как эпохи формирования крупных политико-экономических блоков, поскольку гармонизации мировой политической и экономической систем можно добиться двумя способами: создав международную политическую систему регулирования тех же масштабов, что и мировая экономика, или сократив экономические системы до таких размеров, когда ими смогут управлять существующие политические структуры»* [18, с. 350]. В этом отношении преимущества реализации евразийского направления во внешней политике нашей страны, как отмечает крымский исследователь С. Юрченко, *«связаны с долговременным и успешным опытом интеграции Украины и России; позитивными перспективами восстановления экономических связей в рамках общего рынка; возможностью координации действий при переходе к инновационной модели развития; общностью украинской и российской культур, развивающихся от одного восточнославянского корня, что предполагает более благоприятную синхронизацию общественных процессов на уровне элит и населения, чем участие в интеграционных проектах с государствами других цивилизаций»* [18, с. 350].

Проведённое исследование показывает, что интеграция Украины в ЕАЭС несёт для нашей страны, помимо указанных угроз, и определённые преимущества: объективные возможности развития ряда отраслей отечественной промышленности (в частности, машиностроения и металлургии, которые преобладают в структуре экспорта украинских товаров в РФ); восстановление научно-технического потенциала и способностей государственной системы обеспечивать фундаментальные потребительские блага населения, выпрямив кривую социально-экономической деградации; активизация сотрудничества в сфере инновационных программ, способствующего переходу украинской экономики к инновационному типу развития; улучшение и стабилизация взаимодействия в области

энергоресурсов (уменьшение их стоимости и, следовательно, увеличение объёма поставок положительно скажется на обеспечении транзитной функции Украины, развитии предприятий промышленности, сельского хозяйства и общем благосостоянии населения); значительное в сравнении с альтернативными вариантами интеграции увеличение ВВП.

Следует добавить, что плюсы подобной интеграции, обуславливаясь историческим опытом украинско-российского взаимодействия и высокой степенью взаимозависимости, сводятся к взаимовыгодному сотрудничеству в культурно-гуманитарной и торгово-экономической сферах, развитию транспортной сети, военно-технической сферы, фондовых рынков, процессов взаимного инвестирования, расширению рынка трудовых ресурсов, межрегиональному сотрудничеству, а также совместному «ответу» на нетрадиционные угрозы и т.д.

Однако, несмотря на обозначенные выгоды и видимую активизацию интеграционных усилий с российской стороны, перспективы вхождения Украины в формирующийся ЕАЭС в настоящее время осложняются рядом факторов. Кроме того, функциональные принципы данного проекта сегодня представляются недостаточно разработанными. Его практическому воплощению мешает и знание местными элитами неоднозначного опыта постсоветской интеграции 1990-х гг. как «времени упущенных возможностей», и опасения вероятности нарастания конфликтности в отношениях России и Запада вследствие успешных попыток реализации российского проекта. Всё это увеличивает «страхи» возможных последствий подобной интеграции в среде основных промышленно-финансовых группировок, контролирующих украинскую экономику, очевидно, более заинтересованных в многовекторном внешнеполитическом курсе.

Источники и литература

1. Власюк О.С., Прейгер Д.К. Сучасна зовнішня енергетична політика Російської Федерації та її вплив на енергобезпеку України // Стратегічні панорама. 2010. № 1 (38). С. 17-26.
2. Геополитические ориентации населения и безопасность Украины. По данным социологов / А.А. Беленок, А.И. Вишняк, А.А. Зоткин, А.Н.Малюк, В.А. Поддубный, А.С.Резник, Л.С. Рязанова, Н.А. Шульга / Сост. Н.А. Шульга. К., 2009. 88 с.
3. Глазьев С. Итоги и перспективы интеграционных процессов на постсоветском пространстве [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.glazev.ru/econom_polit/295/.
4. Горбулін В.П., Литвиненко О.В. Національна безпека: український вимір. К., 2008. 104 с.
5. Грызлов: Без Украины Евразийский союз будет неполным [Электронный ресурс]. // Режим доступа: <http://korrespondent.net/ukraine/politics/1282493-gryzlov-bez-ukrainy-evrazijskij-soyuz-budet-nepolnym>.
6. Гуменюк Б.І. Формування архітектури європейської безпеки: місце і роль України // «Ялтинская система» и современный мировой порядок: проблемы глобальной и региональной безопасности: Материалы международной научной конференции (Крым, Ялта, Ливадийский дворец-музей, 17-21 февраля 2010 г.): Сб. науч. ст. / Под. ред. С.В.Юрченко. Симферополь, 2010. С. 73-83.
7. Довідка про стан торговельно-економічного співробітництва між Україною і Російською Федерацією за січень-серпень 2010 року [Електронний ресурс]. // Режим доступу: http://www.me.gov.ua/control/uk/publish/category/main?cat_id=73401.
8. Ирхин А.А. Геополитические циклы Евразии и национальные интересы Украины. Севастополь., 2011. 294 с.
9. Комплексная оценка макроэкономического эффекта различных форм глубокого экономического сотрудничества Украины со странами Таможенного союза и Единого экономического пространства в рамках ЕврАзЭС: Итоговый научно-технический отчёт / Институт экономики и прогнозирования НАНУ; Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. СПб., 2012. 168 с.
10. Кононов И.Ф. Факторы притяжения и отталкивания в современных отношениях Украины и России // Современный мировой порядок и интеграционные процессы на постсоветском пространстве: Материалы международной научной конференции (Крым, Ялта, Ливадийский дворец музей, 5-9 февраля 2008 г.): Сб. науч. ст. / Под ред. С.В.Юрченко. Симферополь, 2008. С. 119-135.
11. Кудряченко А.І. Геополітичні виклики сучасної України // Стратегічні пріоритети. 2006. № 1. С. 167-174.
12. Либман А. Модели экономической интеграции: мировой и постсоветский опыт [Электронный ресурс] // MPRA Paper. № 19434, posted 18. December 2009. 412 с. // Режим доступа: http://mpra.ub.uni-muenchen.de/19434/1/MPRA_paper_19434.pdf.
13. Путин В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.izvestia.ru/news/502761>.
14. Рудич Ф. Політичний клас, правляча еліта, їх роль у визначенні й здійсненні внутрішньої і зовнішньої політики Української держави // Наукові записки Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І.Ф.Кураса НАН України. К., 2008. Вип. 38. С. 8-22.

15. Толстов С.В. Перспективы Евразийского интеграционного проекта. Россия примеряется к мировым экономическим и политическим процессам [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.ng.ru/courier/2011-10-31/11_perspective.html.
16. Украина. Справочная информация [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/foreigneconomicactivity/cooperation/economicsng/doc20110121_04.
17. Шергин С.А. Геополитическая идентичность и геополитические интересы Украины на современном этапе глобализации и модернизации // «Ялтинская система» и современный мировой порядок: проблемы глобальной и региональной безопасности: Материалы международной научной конференции (Крым, Ялта, Ливадийский дворец-музей, 17-21 февраля 2010 г.): Сб. науч. ст. / Под. ред. С.В.Юрченко. Симферополь, 2010. С. 84-99.
18. Юрченко С. Украина и Россия в меняющемся мире: проблемы взаимодействия в контексте мировых тенденций // Этничность и власть: коллективная память и технологии конструирования идентичности. Материалы XII международного семинара 20 – 25 мая 2013 г., г. Ялта / Под ред. Т. А. Сенюшкиной. Севастополь, 2013. С. 348-350.
19. Kuzio T. Political Cultural and Democracy. Ukraine as an Immobile State // East European Politics and Societies. February 2011. Vol. 25. № 1. P. 88-113.
20. Kuzio T. Populism in Ukraine in a Comparative European Context // Problems of Post-Communism. November / December 2010. Vol. 57. № 6. P. 3-18.
21. Sherr J. Russia and the West: A Reassessment // The Shrivenham Papers. January 2008. № 6. 44 p.
22. Socor V. Russian Energy Projects in the Black Sea Reach End of an Era [Electronic recourse] // Access mode: http://www.jamestown.org/single/?no_cache=1&tx_ttnews%5Btt_news%5D=37669.

УКРАИНСКИЙ ПРОЕКТ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ОЦЕНКИ И ПРОГНОЗЫ

Ставицкий А. В.

Филиал МГУ в городе Севастополе

Хотя состояние и развитие страны очень зависит от того, какая элита руководит обществом, сводить проблему больного состояния и бессмысленного существования Украины к политике её новоявленной «элиты» было бы слишком просто. Ведь т.н. «элита» существует не сама по себе [33]. И зависимость её, несмотря на заверения в независимости, существует и довольно хорошо просматривается, так как эта «элита» с самого начала создавалась под Руину и должна обслуживать её, сознательно или нет, выполняя чей-то заказ. Заказ тех, кто разделяет её либеральные взгляды, рассматривая их как инструмент мирового господства [11]. Тех, кто нуждается в ресурсах Украины, но не собирается за это платить, помогая разыгрывать сюжет с «независимостью» в рамках другой, более глобальной Игры.

Мы думали, что наша новоявленная верхушка, «экспроприировав» государственную собственность, перерастет период «бури и натиска», а потом успокоится и, желая соблюдения законности и порядка, будет инвестировать свою экономику, создавая условия для её роста. Но, видимо, дело обстоит иначе, поскольку это ограбление – не разовое, а стратегическое, рассчитанное на десятилетия [47]. Так Запад грабит Украину с помощью украинской «политической верхушки», готовой ради присоединения к мировой элите на всё [49, с. 3-28, 36-47]. В том числе, на предательство стратегических интересов своей страны [51].

На это можно, конечно, возразить, что Запад помогает Украине, инвестируя её экономику и предоставляя так необходимые ей кредиты. Но тогда уточним: Запад, в отличие от России, не вкладывает инвестиции в экономику Украины, не считая наш рынок для себя привлекательным. Он даёт кредиты. Те т.н. «дестабилизирующие кредиты», условием получения которых является экономическая капитуляция страны. Только по процентам с этих кредитов Украина должна была выплатить в 2004 году около 2,5 миллиардов долларов [49, с. 10], что составляет более 50 долларов на каждого гражданина Украины, включая стариков и младенцев. А спустя восемь лет обслуживание долга вынуждает Украину отдавать по процентам уже 6,5 миллиардов у.е. И нет оснований полагать, что в условиях нарастающего системного кризиса [С5] долги рассосутся сами собой [62].

Всего же Украина должна кредиторам и инвесторам около 70 миллиардов долларов. Но где они? Как были использованы? Чем помогли стране? В принципе, ничем, потому что их нет в Украине. Они не работают на страну, так как после их «получения» возвращаются обратно в виде выплат по процентам либо перемещаются на частные заграничные счета нашей «элиты», отслеживаемые и контролируемые спецслужбами США. Эти кредиты находятся в банках Запада и инвестируют экономики совсем других стран. Но отдавать и платить по процентам за них будет украинский народ. Естественно, что для «украинской элиты» это – та связь, которая должна быть и идеологически обоснована, и всеми средствами укреплена [9].

Иначе говоря, не имея своего проекта, «элита» обслуживает чужой проект. Этот проект – современный «план Ост», в котором главной мечтой-целью для якобы «освобождённого от колониального ига» России украинского народа является бесконечная дорога в Европу [3], оформленная и подаваемая как возвращение «блудного сына» домой [65].

Мифическая история, ставшая заменой сказке о движении к коммунизму с той оговоркой, что «элита» давно связана с Европой и свой коммунизм в одной отдельно взятой семье уже «построила», передав Западу и свои капиталы, и свою судьбу.

Только должен ли народ принимать чужой проект и чужие цели за свои? Вопрос остаётся открытым. Но ясно уже одно: народ Украины своей элиты не только лишён [45], но и не

имеет возможности её полноценно воспроизводить и оценивать. А полагать, что если кто кричит на «мове» о «любові до рідної неньки», то уже свой, в свете этого – верх легкомыслия.

Никто не ведёт Украину в землю обетованную. Никто не может гарантировать украинскому народу, что его многолетнее «хождение по пустыне» закончится, когда умрёт последний «совок». А украинские «элитарии» – не власть даже, а для Украины своего рода надсмотрщики. И значит, первое, что должен сделать народ: понять, что Украину мародёры спасти не будут [12]. Наоборот, они сделают всё, чтобы Украина с колен не поднялась. И умереть не дадут, и подняться не позволят, используя в качестве «смирительной рубашки» для страны разоружающие её либерализм, международные кредиты и западные технологии [31].

Однако, что должен делать в этой ситуации народ? И каковы перспективы Украины? Вопросы, естественно, риторические. Тем временем процесс кризиса постепенно, но верно набирает критическую массу, после которой будет возможно всё [41]. И тогда реализация самых ужасных для Украины прогнозов из области футурологии перейдет в реальность [18].

Впрочем, кризис всегда подразумевает не только проблемы [44], но и новые возможности [6]. Надо только понимать, оценивать и просчитывать те глобальные вызовы, которые в ближайшее время нас ждут [38].

Отсутствие системного видения проекта «Украина» в развитии демонстрирует общий стратегический тупик [24]. Гипотетически претендуя на роль регионального лидера и субъекта глобальной игры, мы не можем стать субъектом даже собственного развития [36]. В долгосрочной перспективе ситуация в Украине уже не контролируется, превращая страну в своеобразное украинское минное поле чудес, которое в любой момент может похоронить страну. Возможно, поэтому на этом «поле» украинская «элита» вновь и вновь разыгрывает бесконечный политический спектакль с целью создания видимости, что она знает, что делать, и полностью контролирует ситуацию [10]. Хотя вызовы стране остаются без стратегически выверенных ответов [51].

Что же мешает Украине двигаться вперёд – неспособность «элиты» к проведению долгосрочной и системно реализуемой политики и выработке общенационального позитивного проекта или неправильные исходные императивы, заложенные в основу этого украинского проекта, мешающие его успешной реализации? Быть может, украинская «элита» недостойна собственного народа? Но вполне возможно, что и выдвинутый ею проект недостойн Украины. Впрочем, в данном случае одно не исключает другого [42].

В любом случае для Украины это означает, что ресурс её экстенсивного развития исчерпан. Страна не может развиваться дальше на основе старых технологий и идей, остро нуждаясь в новом цивилизационном мировоззрении, которое должно лечь в основу государственной политики на десятилетия [17].

Напомним, что основная «производительная» проблема – не в снижении социально-экономических показателей, а в системном подрыве самих основ общества. Под угрозой финансовая и экономическая жизнеспособность страны. Чтобы спасти её, нужны кардинальные реформы по созданию инновационно ориентированной среды [25]. Но у нас все силы и ум «элиты» брошены на то, чтобы видом «стабилизации» и лозунгом «устойчивого развития» сохранить и укрепить существующую систему, а не изменить её [22].

Основные усилия власти сводятся к работе по удержанию ситуации. Но уже сейчас многим экспертам ясно, что власти нужно не столько бороться с кризисом, сколько создавать новую экономику, избавляясь от неэффективно действующих структур.

Для этого обществу надо иметь иные цели, найти новые средства для их достижения и подобрать других исполнителей. А поскольку и для нас, и для всего мира, процессы эти происходят в эпоху глобальных перемен [16], главная проблема в данных условиях – понять не то, с кем Украине будет лучше, где основным критерием оценивания является общее качество социального состояния тех или иных субъектов, принимаемого как данность [26]. Так главная проблема становится задачей, и суть её – выяснить, как устроен и работает механизм управления глобальной и региональной социодинамикой, и по возможности овладеть им.

В рамках господствующих отношений сделать это, скорее всего, невозможно. Вдохнуть жизнь в неэффективные и коррумпированные структуры сейчас представляется крайне проблематичным. При этом ясно, что выросшая на утилизации страны «элита» в большинстве своём не способна ни положительно воспринять новые идеи, ни осознать губительность старых. Тем более что новый проект должен нести в себе новое социальное качество, а не выстраиваться вокруг истории «возвращения блудного сына» в лоно европейской цивилизации.

В частности, чтобы динамично развиваться и быть более устойчивой к вызовам времени, Украине надо закрепить в политической системе то разнообразие, которое сложилось в ней исторически. Проще говоря, чтобы раскола страны не произошло, необходимо придать большую гибкость системе. Если не за счёт введения пугающего центральную власть федерализма, то за счёт существенного расширения прав регионов.

Возможно, поэтому вопрос о подлинной независимости Украины ставится с новой силой. Но, чтобы понять, в какой степени мы можем оценивать независимость Украины в контексте системно разворачивающихся процессов глобализации, достаточно честно ответить на следующие вопросы:

1) Независима ли Украина от исторических условий, тенденций и обстоятельств, в которые попала? В состоянии ли самостоятельно управлять своим будущим, планируя и реализуя его в системно оценённой и комплексно просчитанной стратегии?

2) Независима ли от глобальной политики и процессов, борьбы за ресурсы и сферы влияния, толкающих страну к внешнему управлению в режиме ресурсного планирования? Выступает ли она в «Большой игре» хотя бы в качестве субъекта-игрока или является её типичным объектом?

3) Независима ли Украина от процесса тотальной разрухи, которого никто в стране остановить и повернуть вспять не только не может, но даже не пытается? Способна ли она на инновационную трансформацию, или её удел – стать страной-ресурсом, обслуживающей потребности Запада в сырье, транзитных поставках и полуфабрикатах?

4) Независима ли она от собственной «элиты», которая выросла на продаже и утилизации Украины, обслуживая интересы глобальной элиты, и функционирует в режиме внешнего управления?

5) Независима ли от идеологических доктрин, которые не только не объединяют Украину и не способствуют формированию проекта будущего, но системно и целенаправленно испытывают её на разрыв, включая и стимулируя процессы самопожирания?

Вот такие простые вопросы, на которые в Украине отвечать не хотят. И они наглядно показывают, что Украина по всем основным показателям развития **НЕСОСТОЯТЕЛЬНА**. И не может эту состоятельность реализовать ни в одной из жизненно важных для неё сфер. Ни в экономике, ни в политике, ни в социальной сфере, ни в культуре.

О чём это говорит, если учесть, что несостоятельность только одной из этих сфер, уже по принципу «бритвы Оккама» ведёт к общей несостоятельности страны и тянет за собой остальное? Пока эта несостоятельность ещё не бросается в глаза и позволяет «элите» делать вид, что проблемы решаются. Однако вызов глобализации остаётся без ответа.

При том, что теперь на Украину надвигается настоящее глобальное цунами [39]. И то, что сейчас проявляется, как финансовый кризис, на деле есть начало цивилизационного кризиса-матрёшки [62], когда происходит наложение и схлопывание самых разных кризисов, которые будут разворачиваться в ближайшие десятилетия по нарастающей [32]. Итак, налицо вызовы и угрозы глобального масштаба, от которых содрогнутся и кардинально изменятся, если выживут, великие страны и цивилизации. И есть ли у Украины будущее вообще как у государства в свете этого? Она **ПОКА** несостоятельна или **ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ**? Сможет ли Украина стать состоятельной или нет в перспективе? И если да, то что для этого нужно сделать? «Элита» над этими вопросами не задумывается, вынуждая думать, что Украина – сама себе угроза, **САМА СЕБЕ ВЫЗОВ**. И на этот вызов она не знает ответа. Более того, его даже не распознаёт.

И поскольку в определённом смысле нынешний кризис есть плата за отказ от гуманистических ценностей в угоду ориентированным на обогащение ценностям либерального рынка, вполне возможно именно им мы обязаны своим состоянием.

В связи с этим следует уточнить, что либеральные ценности на фоне обострения борьбы за глобальные ресурсы и страны превращают их в выгодный товар [40]. И нам следует понять, что Украина тоже превращена в товар. Что ею давно торгуют и продают по частям, зачастую к этому сводя всю стратегию. Возможно, для кого-то это звучит цинично. Ведь мы все любим эту страну и не хотим ей зла. Но для многих представителей ее «элиты» такой подход является не злом по отношению к стране, а наоборот, добром [14].

В самом деле, считают они, а почему бы и нет? Если человек превратился в товар, то почему не стать товаром стране? Более того, в современных условиях товаром стала планета, её ресурсы, культурные ценности. Почему Украина должна стать в этом списке исключением? Исходя из этого, напрашивается вывод, что наша «элита» не просто готова продаться. Она уже давно продаётся, с кем-то торгуясь, а кому-то навязываясь. Хотя не секрет, что она представляет из себя некую ценность лишь в той мере и до тех пор, пока и поскольку контролирует страну [15].

Очевидно, что, пытаясь наращивать свою экспансию, Запад активно использует столь популярные пока в Украине идеи либерализма, превращая их в эффективный инструмент обоснования экспансии [63]. Однако это совершенно не учитывается. Не учитывается, что в современных условиях либерализм кардинально трансформировался. И рассматривать его вне исторического контекста, когда он стал обоснованием и инструментом глобализации, будет принципиально неправильным [11].

Понимая это, один из современных исследователей пишет: *«Идеология либерализма, которая является стержнем капиталистической системы и которая должна по своей сути формировать толерантное отношение к любым законным способам распоряжения собой и своей собственностью, превратилась в ширму для прикрытия истинных интересов мощных финансовых группировок, деятельность которых направлена на агрессивное поглощение свободного от их влияния мирового экономического пространства»* [48].

При этом западные страны присваивают себе право оценивать других на предмет соблюдения прав и свобод, используя либеральные идеи как прикрытия своих глобальных планов по созданию «нового мирового порядка», когда объектом их «плана "Ост"» является уже не Россия, а весь мир [57]. Собственно, судя по тому, какую роль в мировой экономике играет доллар, позволяя Америке откачивать в свою пользу ресурсы других стран всего лишь за счёт выпуска нужного количества зелёных банкнот, которые стали аналогом раздаваемых индейцам в обмен на золото дешёвых погремушек, можно сказать, что американский мировой порядок уже состоялся [1]. И для сохранения его США не остановятся и перед большой войной [55], которая позволит им закрепить за собой те преимущества и завоевания, что они сумели обеспечить себе в 90-е годы XX века после распада СССР [56].

По существу для этого нет никаких особых препятствий. Только нужно подобрать те страны, которые сцепятся между собой в большой войне во благо мировой гегемонии и процветания США, как то было во Второй мировой войне [54]. И выбор этих стран невелик, так как в него в первую очередь попадают наиболее вероятные конкуренты (страны, народы, государства, цивилизации) и те «бесхозные», но стратегически и ресурсно важные для США территории, которые пока недостаточно контролируются Западом, чтобы не породить геополитических и ресурсных проблем.

Безудержное обогащение ведущих мировых финансовых группировок за счёт менее развитых стран происходит путём эмиссии Федеральной Резервной системы США. Благодаря ей, мировая экономика накачивается ничем не обеспеченными долларовыми бумажками, с помощью которых Америка выкачивает из других стран товары и потребляет в два раза больше благ, чем создаёт: *«производя около 20% мирового ВВП, США умудряются потреблять приблизительно 40% этого мирового ВВП. Да и те 20% «производимого» – в основном финансовые мыльные пузыри, в отличие от потребляемых реальных 40%, состоящих из материальных нефти, сельхозпродукции, машин, оборудования»* [20]. И откачиваться от этого США, естественно, не собираются. Значит, их построенное на тотальной экспансии лидерство будет продолжаться.

Естественно, для Запада, несмотря на глобальные планы создания нового мирового порядка, прямая военная угроза воспринимается крайней и довольно нежелательной. Зачем к ней прибегать, если есть ВТО, МВФ и им подобные организации, способные под видом помощи посадить на иглу финансовой и технологической зависимости нужную страну? Основные технологии привязывания – комплекс целенаправленных мер, проводимых в режиме «мягкой силы» и не выходящих за рамки стратегии не прямых действий, включая технологии «управляемых конфликтов», «войн низкой интенсивности» и «стратегии напряжённости» [64].

К тому же такая политика позволяет скрывать свои истинные цели, с помощью культурной и идеологической манипуляции создавая образ «спасителя», друга, незаинтересованного в конечной цели глобализации «лица». Того, кто хочет всех осчастливить и знает, как [57]. Однако, латентно проявляемая историческая преемственность, несмотря на пока господствующий у нас имидж «освободителя», позволяет за либерализмом увидеть целенаправленные действия преступных по своей сути [59] «постнацистских элит атлантизма» [7].

Иначе говоря, в данном случае речь идёт о тех элитах, которые в своё время взрастили Адольфа Гитлера и сумели с его помощью расчистить пространство для своего мирового господства, свалив всё на нацистскую Германию [54]. Сейчас у них появилась возможность сделать свою власть безграничной. И для этого они, живя в кредит [13], будут использовать тот цивилизационный кризис, который надвигается на мир подобно цунами [53], не останавливаясь даже перед большой войной [55; 32].

Спрашивается: что, помимо отмирания и распада отжившего, надвигающийся системный кризис ускорит? Формирование новых структур глобальной интеграции, новых механизмов взаимоотношений и противовесов, новых форм взаимодействия, интеграции и линий разлома, новых контуров миропорядка, где основными уровнями взаимодействия, вполне возможно, выступят инновационные центры с политикой «технологического империализма», индустриальные пояса и сырьевые периферии.

Скорее всего, первыми и наиболее заметными будут изменения в области технологий [61; 34]. Они подготовят инновационный прорыв и выведут на новый виток научно-технический прогресс. А вместе с ним и интеграцию [29].

При оптимистическом для народов развитии событий в цивилизационном плане мир будет строиться как единство множеств при тотальной информационной открытости [30]. Последнее для нас особенно важно. Но как принять его в мире, если мы не ценим его в себе? Как спрогнозировать политику в условиях смещения центров конкуренции и борьбы за ресурсы на борьбу за информацию и интеллект [28]? В новом миропорядке главным объектом конкуренции становится человеческий ресурс, национальные культуры и их возможности, система образования, как метатехнология, а также – производство образа жизни [35], мифоструктур сознания, сетевых форм общественной организации [19]. Именно в это видение надо встраивать украинскую политику, делая её стратегически осмысленной. Но понимает ли это наша «элита» [60]? А если не понимает и не может понять, что нас тогда ожидает?

Украина должна быть достойной новых глобальных вызовов, иначе её как государства просто не будет. Но как новые проблемы обратить в преимущества? Где взять под «украинский прорыв» ресурсы? Как вновь научиться использовать возможности больших пространств [27]? Как научиться в режиме стратегии не прямых действий успешно конкурировать в открытых информационной и геоэкономической сферах, гармонизируя национальные и транснациональные, региональные и глобальные интересы, интегрируя их в одно целое? [2].

Ответа пока нет, как непонятно и желание украинской «элиты» быть достойной новых вызовов, сохраняя подходы и идеалы галицкого селянского Начала [23]. Естественно, не надо отказываться от традиции, которая на Украине преимущественно связана не с городом, а с селом. Но наивно полагать, что она откроет двери в будущее. Она не даёт и не даст ответов ни в мировоззренческом плане, ни в цивилизационном, ни в технологическом. Более того, на базе такого мировоззрения современные вызовы даже не распознаются [52]. Значит, ставка на аграрный сектор без его освобождения и трансформации бесперспективна.

Возможно, поэтому жёсткая потребность в технологическом перевооружении и прорыве «элитой» не только не осознаётся и не готовится, но даже скорее пресекается, подводя к вполне определённом выводу: руины прежних узконациональных смыслов и стереотипов не могут стать основой прорыва [37]. В новых условиях они нежизнеспособны. Наше прикрытое «евровыбором» виртуальное фолк-наследие не может стать основой прорыва и тянет страну назад, а нынешний украинский «евровыбор» диктуется не знанием и силой, но общей слабостью страны, не её реальной идентичностью и стратегическим интересом, а сиюминутными потребностями её «элиты» [43].

Какой же мы хотим видеть страну? Выбор невелик.

Вариант первый: однородная в этническом, политическом, идеологическом и религиозном плане страна, живущая по принципу «один народ, один язык, одна вера», исповедующая и культивирующая селянскую архаику, живущая своим придуманным прошлым [8].

Вариант второй: страна открытая, мультикультурная, объединённая общим делом, инновационно мотивированная, возрождающаяся через единство множеств, способная использовать в своих интересах имеющиеся у неё геоэкономические, геополитические и мультикультурные возможности, трансформируя энергию потенциальных проблем региона в общую созидательную деятельность.

Таким образом, для Украины выбор стоит не просто между узкоэтническим или мультикультурным проектами. Речь уже идёт о выборе между прошлым и будущим. Хроническим отставанием и загниванием или прорывом. Ставкой на отсталую и депрессивную аграрно-сырьевую сферу или инновацию.

Стране надо, пока не поздно понять, что ей нужно на самом деле и приходиться в движение. Определяться в выборе и переходить от политики противостояния, сдержек и защит к политике стимулов, делая ставку не на разное прошлое, а на общее дело. Стремиться к высокому в культуре, отношениях, технологиях. Искать союзников, а не врагов [46].

Удастся ли это сделать? Что будет в анализе глобальных трансформаций определяющим: геополитика, геоэкономика, геокультура [21]? Какая новая эпоха, новое качество нас ждёт: постмодерн, новый модерн или новое сетевое средневековье? Какого бы определения мы бы ни придерживались, ясно одно: жизнь окажется сложнее тех схем, которые предложат учёные для её отражения. И она наверняка будет разворачиваться на разных уровнях реальности и в разных формах одновременно.

Вопрос в другом: есть ли в ней место Украине?

Источники и литература.

1. Азроянц Э.А. Глобализация: катастрофа или путь к развитию? Современные тенденции мирового развития и политические амбиции. М.: Новый век, 2002. 416 с.
2. Александров В. Великая шахматная доска. Русский ответ – Сицилианская защита [Электронный ресурс] // Сайт «Русский мир. Украина». – Режим доступа: <http://nsi-press.ru/2010/09/velikaya-shaxmatnaya-doska-russkij-otvet-%e2%80%93-sicilianskaya-zashhita/>
3. Алчинов В. М. Процессы региональной интеграции в Европе и на постсоветском пространстве: интересы России: автореф. дис. ... док. полит. наук. М., 2006. 40 с.
4. Амельченко Н. Образ России в современном интеллектуальном и политическом дискурсе Украины [Электронный ресурс] // Сайт «Информационно-аналитический Центр по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве». – Режим доступа: http://www.ia-centr.ru/archive/public_details0619.html?id=478
5. Аттали Ж. Мировой экономический кризис. Что дальше? СПб.: Изд-во Питер, 2009. 176 с.
6. Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия. М.: Международные отношения, 1993. 136 с.
7. Баумгартен А. Третья Барбаросса [Электронный ресурс] // Сайт «Лефт.ру». – Режим доступа: <http://left.ru/2007/11/baumgarten163.phtml>
8. Бердник М. Арийские корни украинского нацизма [Электронный ресурс] // Сайт «2000». – Режим доступа: <http://2000.net.ua/print?a=%2Fpaper%2F382>
9. Богуш Д. Не имея своих идей, мы обречены жить в плену чужих [Электронный ресурс] / Сайт «Диалог». – Режим доступа: http://dialogs.org.ua/dialog.php?id=72&op_id=1224#1224
10. Ваджра А. Украинский абсурд и общество спектакля [Электронный ресурс] // Сайт «Руська правда». – Режим доступа: <http://www.ruska-pravda.com/2008-05-08-14-25-53/39-st-alternativa/110-2008-08-22-12-02-00.html>

11. Валлерстайн И. После либерализма: Пер.с англ. / Под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. М.: Едиториал УРСС, 2003. 256 с.
12. Вассерман А. Аксиомы конспирологии [Электронный ресурс] // Сайт «Разговор». - Режим доступа: <http://razgovor.org/special/article242>
13. Впервые в истории США государственный долг страны превысил планку девять триллионов долларов. Об этом сообщило 7 ноября министерство финансов [Электронный ресурс] // Сайт «Finance.ua». - Режим доступа: <http://news.finance.ua/ru/~1/0/all/2007/11/09/110523>
14. В. Яворовский: «Мы 350 лет были подстилкой России, и ни одного дня - Америки, а стоило бы попробовать» [Электронный ресурс] // Сайт «From.ua». - Режим доступа: <http://www.from-ua.com/politics/7eec447d7219b.html>
15. Галин В.В. Политэкономика войны. Заговор Европы. М.: Алгоритм, 2007. 432 с.
16. Гальтунг Й. Десять тенденций, меняющих мир... Неотвратимые потрясения и революционное обновление [Электронный ресурс] // Сайт «Россия в глобальной политике». - Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Desyat-tendencii-menyayuschikh-mir-15276>
17. Гриффен Л. А. Миф о «постиндустриальном обществе» [Электронный ресурс] // Сайт «Русский мир. Украина». - Режим доступа: <http://rusmir.in.ua/pol/167-mif-o-postindustrialnom-obshhestve.html>
18. Дубинянский М. Расколет ли кризис Украину? [Электронный ресурс] // Сайт «Газета по-киевски». - Режим доступа: <http://mycityua.com/articles/country/2009/01/15/083418.html#rtl1kzgvh4>
19. Дугин А. Г. Трансформация политических институтов и структур в процессе модернизации традиционных обществ: автореф. дис. ... доктора полит. наук. Ростов - на - Дону. 2004. 45 с.
20. Дудчак А. 2012. Украина на «Великой шахматной доске». Часть 2 [Электронный ресурс] // Сайт дискуссионного клуба «Саммит». - Режим доступа: <http://dc-summit.info/temy/vneshnjaja-politika/2038-2012-ukraina-na-velikoj-shahmatnoj-doske-2.html>
21. Ермолаев А. От геополитики к геоэкономике — вызовы для национальных правительств [Электронный ресурс] // Сайт «Диалог». - Режим доступа: http://dialogs.org.ua/club_ua_full.php?m_id=12647
22. Ермолаев А. Что нам делать в условиях трансформационного кризиса? [Электронный ресурс] // Сайт «Диалог». - Режим доступа: http://dialogs.org.ua/ua/club_ua_full.php?m_id=14940
23. Єшкілев В. Кривий шлях до «Великого діалогу» або Дещо про причини поразки українства у сучасних цивілізаційних змаганнях [Электронный ресурс] // Сайт «Zaxid». - Режим доступа: http://zaxid.net/home/showSingleNews.do?kriviy_shlyah_do_velikogo_dialogu&objectId=1235428
24. Жданов И., Якименко Ю. Украина в XXI веке: вызовы для политической элиты [Электронный ресурс] // Сайт Українського центру економічних і політичних досліджень імені Олександра Разумкова. - Режим доступа: <http://www.uceps.org.ua/show/552/>
25. Згуровский М.З. Концепция устойчивого развития [Электронный ресурс] // Сайт «Известия науки». - Режим доступа: <http://www.inauka.ru/blogs/article82635.html>
26. Згуровский М. З. Мучительное выздоровление через кризис // Зеркало Недели/деньги, № 47 (726) 13 — 19 декабря 2008 — [Электронный ресурс] // Сайт «Зеркало недели». - Режим доступа: <http://www.zn.ua/2000/2020/64949/>
27. Иншакова Е.И. Экономическая интеграция в СНГ: методология, стратегия, механизм. Волгоград: Волгогр. научн. изд-во, 2004. 328 с.
28. Ирхин А. А. Большие пространства Евразии: типология, виды модернизации, моделирование будущего развития [Электронный ресурс] / Сайт «Украина: Русское пространство». - Режим доступа: <http://rusprostranstvo.com/article/view/350>
29. Ирхин А. А. Геополитические циклы Евразии и национальные интересы Украины. Севастополь: Рибэст, 2011. 294 с.
30. Ирхин А. А. Постсоветское пространство: геополитические параметры и методология моделирования интеграционных процессов // Ученые записки ТНУ, серия политические науки. 2009. Т.22 (61). №1. С. 77-88.
31. Кагарлицкий Б. Мир как угроза [Электронный ресурс] // Сайт «Скепсис». - Режим доступа: http://scepsis.ru/library/id_785.html
32. Калашников М. Глобальный Смуткризис. Минск: Харвест, 2009. 639 с.
33. Калашников М. Низшая раса / М. Калашников. - М.: Яуза-пресс, 2010. - 512 с.: ил. - (Проект «Россия»).
34. Калашников М. Третий проект. Спецназ Всевышнего: книга-расследование. М.: АСТ: Астрель, 2006. 1134 с.
35. Караваев А. В. «Образ России»: векторы и механизмы гуманитарного продвижения [Электронный ресурс] // Сайт лаборатории общественно-политического развития стран ближнего зарубежья «Информационно-аналитический центр». - Режим доступа: http://www.ia-centr.ru/archive/public_details373c.html?id=1027
36. Караганов С. Россия и Европа: украинская развилка [Электронный ресурс] // Сайт Сергея Караганова. - Режим доступа: <http://www.karaganov.ru/articles/258.html>
37. Кириллов А. В ожидании национальной реанимации [Электронный ресурс] // Сайт «Диалог». - Режим доступа: http://dialogs.org.ua/ua/issue_full.php?m_id=12699
38. Клэр М. Планета над пропастью: экономический крах ведет к социальным беспорядкам [Электронный ресурс] // Сайт «Диалог». - Режим доступа: http://dialogs.org.ua/crossroad_full.php?m_id=15049
39. Комиссаров С. Цунами по имени Кризис [Электронный ресурс] // Сайт информационного агентства «УНН». - Режим доступа: <http://imk.com.ua/ru/articles/38355>

40. Коллон М. Нефть, PR, война. Глобальный контроль над ресурсами планеты. Тула: «Крымский мост – 9Д», 2002. 415 с.
41. Кушнирук Б. Украина и глобальный кризис: накануне идеального шторма [Электронный ресурс] // Сайт информационного агентства «УНИАН». – Режим доступа: <http://www.unian.net/rus/news/news-278667.html>
42. Лепшин И. Перегрузка - власть земная и небесная [Электронный ресурс] // Сайт «Военные материалы». Режим доступа: <http://gidepark.ru/community/1196/content/661614>
43. Лупаций В. Українські еліти перед вибором: реінтеграція чи стихійна фрагментація? [Электронный ресурс] // Сайт «Діалог». – Режим доступа: http://dialogs.org.ua/print.php?part=club_ua&m_id=7171-14.02.2008
44. Медоуз Д., Медоуз Д., Рандерс Й. Пределы роста. М.: ИКЦ Академкнига, 2007. 342 с.
45. Панарин А. С. Народ без элиты / А.С. Панарин. – М.: Изд-во Алгоритм, Изд-во Эксмо, 2006. – 352 с.
46. Панарин А. С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Издательская корпорация «Логос», 1998. 392 с.
47. Паршев А. Почему Америка наступает?. М.: ООО Издательство АСТ: ООО Издательство Астрель, 2002. 370 с.: ил. («Великие противостояния»).
48. Подгорный В. В. Кризис человеческих теорий жизнеустройства. Что дальше? [Электронный ресурс] // Сайт «Русский мир. Украина». – Режим доступа: <http://rusmir.in.ua/eko/1973-krizis-chelovecheskix-teorij-zhizneustrojstva.html>
49. Сенченко Н. И. Общество истребления – стратегическая перспектива «демократических реформ». К: МАУП, 2004. 224 с.
50. Сергей Кара-Мурза: «Счетчик тикает» [Электронный ресурс] // Сайт «КМ.RU». – Режим доступа: http://www.km.ru/news/rossiya_i_krizis_schetchik_tikaet
51. Сокуров-Величко С. Зрада как визитная карточка молодой демократии или на Сечи без перемен [Электронный ресурс] // Сайт «Руська правда». – Режим доступа: <http://www.ruska-pravda.com/index.php/200902021134/stat-i/mnenija/q-q.html>
52. Ставицкий А. В. Современная мифология: опыт постижения Иного. Севастополь: Рибэст, 2012. 192 с.
53. Стариков Н. Кризис: Как это делается? СПб.: Питер, 2010. 304 с.: ил.
54. Стариков Н. Кто заставил Гитлера напасть на Сталина? Роковая ошибка Гитлера? СПб.: Лидер, 2010. 365 с.: ил.
55. Стариков Н. Спасение доллара – война. СПб.: Питер, 2010. 256 с.: ил.
56. Уткин А.И. Вызов Запада и ответ России. М.: Эксмо, 2003. 608 с.
57. Уткин А. И. Новый мировой порядок. М.: Алгоритм, Эксмо. 2006. 640 с.
58. Хомский Н. Гуманитарный империализм. Новая доктрина имперского права [Электронный ресурс] // Сайт «Скепсис». - Режим доступа: http://www.scepsis.ru/library/id_2334.html
59. Шестаков Д. А. Планетарная олигархическая преступная деятельность: девятый уровень преступности [Электронный ресурс] // Социальная сеть «Махпарк». – Режим доступа: <http://mahpark.com/community/politic/content/1478674>
60. Шишков Ю.В. Интеграционные процессы на пороге XXI в. Почему не интегрируются страны СНГ. М.: III тысячелетие, 2001. 421 с.
61. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / Пер. с англ. М. Б. Левина. М.: ООО Издательство АСТ: ОАО ЛЮКС, 2004. 349 с.
62. Фурсов А. Кризис-матрёшка. Демонтаж капитализма и конец Эпохи Пирамид [Электронный ресурс] // Сайт «Око планеты». – Режим доступа: <http://oko-planet.su/first/161031-andrey-fursov-krizis-matreshka-demontazh-kapitalizma-i-koniec-epohi-piramid.html>
63. Юрченко С. В. Геостратегические императивы во внешнеполитической традиции США (от первых поселений до второй мировой войны) / С. В. Юрченко. – Севастополь: издательство «Флот Украины, 2001. - 76 с.
64. Юрченко С. В. Геостратегия США в процессе становления глобальной державы: дис. ... доктора полит. наук. К., 2001. 430 с.
65. Ющенко: или Украина вернется домой, в Европу, или утратит независимость [Электронный ресурс] // Сайт «Новый регион». – Режим доступа: <http://www.nr2.ru/ua/256029.html>

ПРОТИВОРЕЧИЯ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ И ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

ЮРЧЕНКО С.В.

Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского

В настоящее время, отражая основные противоречия окружающего мира, внимание исследователей мировой политики и международных отношений сосредоточено на таких проблемах, как усиление глобальной взаимозависимости; появление на мировой арене новых акторов; повышение уровня турбулентности международной системы; актуализация вопроса о новых механизмах регулирования противоречий.

Особенностью современной международной системы является константа флюидности – стабильность с распадом биполярной системы заменяется масштабными и бесконечными изменениями. *«Мы вступили в период великих потрясений, и непонятно, как долго он продлится, – подчеркивает американский политолог Т. Грэм, – хотя биполярная система закончилась вместе с холодной войной почти два десятилетия назад, борьба вокруг формирования новой мировой системы только началась»* [1, с. 49].

В исследованиях в качестве важнейших тенденций мировой политики выделяются глобализация, интеграция, регионализация, децентрализация, фрагментация, изменение роли национальных государств и демократизация, при этом подчеркивается взаимовлияние и противоречивость этих процессов. Российский ученый-международник А. Уткин, конкретизируя конфигурацию указанных тенденций, подчеркивает, что несколько *«мощных сил меняют прежнюю картину мира и уверенно подводят мировое сообщество к новому состоянию»*, результатом чего будет *«новая конфигурация миропорядка, новое соотношение сил, новая геополитическая, экономическая, цивилизационная картина мира»* [14, с. 18, 19].

Среди этих сил, он выделяет реализацию геополитической мощи Соединенными Штатами и ее экстраполяцию на глобальное окружение, создающую однополярную структуру мира; бурный рост экономики в индустриальном треугольнике – Северная Америка, Западная Европа и Восточная Азия, в результате которого развитое меньшинство подчиняет своей власти огромное большинство людей; разрушительный хаос, наступающий вследствие ослабления государств-наций (на фоне укрепления влияния ТНК и негосударственных организаций, создающих нерегулируемые процессы); обращение государств к новой идентичности; грозящую глобальным взрывом поляризацию бедного большинства населения и материально благоденствующего меньшинства; демографический рост населения Земли, особенно его бедной части; подъем новых гигантов – Китая, Индии, Бразилии; иммиграцию – смещение колоссальных масс населения в зоны чуждых им цивилизационных канонов; конфессиональное разобщение человечества; оскудение земной оболочки ресурсами; и развитие науки, давшей толчок развитию производительных сил, но и оснастившей человека средствами глобального разрушения.

Определяющей тенденцией современного мира стала глобализация. Этот процесс, полагает известный немецкий исследователь К. Кайзер, *«де-факто стал необратимым мегатрендом, определяющим все остальные тенденции»* [3, с. 9]. Настоящим певцом глобализации выступил американский автор Т. Фридман, который видит в ней доминирующую характеристику XXI века, в соответствии с которой расширяются мировые рынки; для государств устанавливаются единые правила игры; формируется мировая «электронная» экономика. По его мнению, *«глобализация – это не просто сила, которая оказывает влияние на события в современном мире, но и, в известной степени, путеводная звезда и всемирная направляющая сила»* [4, р. XVIII]. Эта сила и определила актуализацию проблем соотношения глобализации и процессов модернизации и вестернизации в 1990-е годы. Однако этот период не стал временем постепенной модернизации и растущей инте-

грации, когда все пользуются одинаковыми преимуществами. Напротив, мир был поставлен перед альтернативой: конфликт либо ассимиляция. Поэтому, стремясь избежать противостояния с «носителями глобализации», другие государства все больше стремятся «пойти в обход», минуя Запад. Это укрепляет позиции сторонников эволюционных оценок глобализации, которые постулируют императив постепенной адаптации государственных к большей взаимозависимости в нестабильном мире [5-7].

Противоречия глобальных процессов вызвали и пессимистические подходы, позиционируемые в рамках «антиглобалистского направления исследований» [8, с. 32-34]. *«Глобализация – это самый амбициозный проект западной цивилизации, это объективная неизбежность и... абсолютная невозможность»*, – отмечает президент Фонда поддержки законодательных инициатив Г.Томчин (Россия) [9, с.68]. Стремление к переосмыслению феномена глобализации в первое десятилетие XXI века нашло отражение в мыслях американского исследователя И. Валлерстайна: широко распространенное мнение о том, что глобализация меняет все и вся оказалось *«гигантской ошибкой при осмыслении реальности – обман, спровоцированный на нас мощными своекорыстными группами – и, что еще хуже, этот дискурс оказался самообманом, поскольку он игнорирует реальность и ложно трактует исторический кризис, в центре которого мы оказались»* [10, р. 45]. Директор ИМЭМО НАН Украины Ю. Пахомов заключает, что *«глобализация во многих своих аспектах – явление объективное, продукт глобальной информатизации и изменения роли финансов»*, однако она *«не только объективна, но и «субъективна», поскольку «в глобализации, наряду с объективной заданностью в виде мощнейшей составляющей, наличествует и западный проект. Дело в том, что Запад, особенно в лице доминирующих в мире Соединенных Штатов, способен не только пользоваться дарами глобализации, но и умело оседлать глобализационные волны, что дает наибольший доход»* [11, с.4-5].

Подобная приватизация глобализации оказала серьезное воздействие на усиление разделительных линий между Севером и Югом, и американские исследователи Р. Каплан, П. Кеннеди и М. Коннелли прогнозируют противостояние между блоком богатых стран Севера и бедными государствами Юга [12 – 14]. Тенденции экономического роста в государствах Запада, в совокупности с высоким уровнем жизни, феноменом «общества потребления» и проблемой исчерпаемости мировых ресурсов, актуализировали концепцию «золотого миллиарда», которая постулирует идеи «интернационализации и взаимозависимости» государств, направленные на создание мирового центра с единым распределением капиталов, товаров, рабочей силы и сырья в интересах западных обществ. При этом российский ученый С.Г. Кара-Мурза, полагает, что *«на данный момент западное общество психологически и идеологически подготовлено к любым, самым разрушительным действиям против «возмущенных голодных орд», которые вздумают как-то угрожать благоденствию «золотого миллиарда»»* [15].

Дефицит природных ресурсов определит и то, что важнейшей целью глобальной конкуренции будет контроль за энергоресурсами. Российский исследователь С. Караганов отмечает, что *«начинается новая эра нефтяной геополитики, борьбы за контроль над месторождениями и маршрутами транспортировки нефти»* [16, с. 45]. Именно нефть, доказывает российский аналитик А. Паршев, *«определяет лицо западной цивилизации»*, и в ближайшие пятьдесят лет будут попытки установления военного контроля США над Ближним Востоком и Средней Азией [17, с. 318-326].

Ещё одним фактором, усиливающим неуправляемость мира, является ослабление государств-наций. Институты государства, отмечают украинские исследователи Ю. Пахомов и Ю. Павленко, *«утрачивая под влиянием глобализации свою былую самодостаточность..., с одной стороны, как бы затягивают экономику и весь общественный организм в новый глобальный общественный уклад, а с другой – наталкиваются на растущие преграды в своем стремлении обрести какую-то определенность»* [18, с. 650]. В числе этих преград – ослабление традиционных лояльностей, усиление поиска основ для новой самоидентификации, рост национальных устремлений населения регионов, сепаратистские настроения и действия. А.Уткин констатирует: *«Наивными теперь видятся все те, кто десятилетие назад провозглашал «конец истории», кто воспевал общемировую взаимозависимость, глобализацию международного развития, Интернет и CNN, экономическое и*

информационное развитие мира. Оказывается, что преждевременная модернизация создания отрывает от реальной почвы. А реальность – это то, что встав на дорогу главенства принципа национального самоопределения, мир делает двадцать первый век временем, когда на карте мира возникнут еще двести государств и процесс их образования... будет смыслом существования нашего поколения и следующего, и еще одного» [19, с. 77]. А ведь этнический сепаратизм далеко не единственный фактор, подтачивающий государства-нации, которые продолжают оставаться основными элементами системы международных отношений. Суверенные страны претерпевают от политики более мощных соседей и международных объединений, от деятельности ТНК, воздействия «третьего сектора» и многих других факторов. В этом отношении и проблема миграции больших масс людей рассматривается как одна из главных в XXI веке.

Тенденция «размывания» суверенитета государств, однако, вызывает осторожность у представителей школы «политического реализма», которые отмечают, что государство не может исчезнуть как результат центробежного развития; что государства показывают свою устойчивость, несмотря на сепаратизм политически сил; что большинство стран из «третьего мира» будут имитировать развитые страны, и это надолго продлит жизнь государств-наций, которые остаются моделью политической организации народов и основными элементами международной системы.

Глобальные процессы вызвали и изменения мировосприятия у миллионов людей, как правило, в тех странах и регионах, которые по разным причинам не воспользовались благами глобализации. Впрочем, чемпионы экономической эффективности также переосмысливают причины и последствия своих успехов. В любом случае речь идет о поисках новой идентичности. Украинские исследователи подчеркивают: *«В условиях глобализации мир не столько унифицируется в соответствии с поверхностно воспринятыми американскими стандартами, сколько приобретает вид полицивилизационной структурно-функциональной системы, в которой отдельные цивилизационные составляющие ведут себя по-разному и собственными традиционными идейно-ценностно-мотивационными основаниями во все большей степени определяют составляющих их народов и государств. Это непосредственно касается и Украины» [18, с. 11].* Однако сам процесс поиска новой идентичности, безусловно, снижает уровень стабильности современной мировой системы, поскольку конкуренция между государствами переходит из сферы борьбы за территорию, ресурсы, коммуникации в духовно-цивилизационную сферу, сферу сознания, и объектом воздействия становятся его устои, традиционные ценности народов, их религия, культурные коды, нормы морали, архетипы поведения.

Исследователи единодушно отмечают колоссальную роль в мировой политике быстрого роста населения планеты, особенно его бедной части. Немецкий политолог А. Рар отмечает: *«Мы перешли в новую эру. И сегодня мир все больше идет к конфликту Север-Юг. Самый большой вызов для европейской цивилизации помимо экологических проблем – это демография. Сегодня в Южном полушарии планеты живет 5 миллиардов человек. Через несколько десятилетий их станет 8 миллиардов. Ресурсов для проживания такого количества людей там нет. Легко себе представить, куда они пойдут – сюда, завоевателями. А если у южных народов появится еще и объединяющая идеология, такая как экстремистский ислам, то мы окажемся на грани создания нового биполярного мира. Реалии таковы, что Европе придется сотрудничать не только с Россией, но и с Китаем. Я убежден, что НАТО и Евросоюз будут меняться буквально на глазах» [20].*

Усиление Азии, в частности Китая и Индии, полагают исследователи, приведет к тому, что *«к 2020 году КНР, скорее всего, обгонит все экономики мира, за исключением США, а Индия оставит позади большинство европейских стран. Китай займет место Японии в качестве экономического лидера Азии»,* а *«глобализация приобретет более отчетливые азиатские черты» [3, с. 9, 10].* Поэтому, отмечал В. Седнев, *«все это дает основания утверждать, что в начале XXI в. локомотивом мировой политики становятся успешные страны Азии. Феномен этот получил название «Новая Азия». Во главе этого процесса – Китай, следующей следует Индия» [21, с. 37].* Для мировой политики это означает, *«что соревнование за влияние на Азиатский регион становится... главной составляющей международной политики»,* при этом *«в Азии налицо тенденция к формированию*

регионального экономического центра – мягкого интеграционного блока» [16, с. 38]. В более широком плане, отмечал Ю. Пахомов: «Успехи, достигнутые Китаем, симптоматичны и в том отношении, что они демонстрируют неизбежность пересмотра западной доктрины о либерально-капиталистической модели развития как единственно победоносной и правильной» [22, с. 14].

Фундаментальным фактором, меняющим мир, выступает наступление новой эры, о которой американский исследователь Ч. Капхен писал: «В настоящее время на пороге новая эпоха – цифровая эра... Индустриальное общество разрушается все очевиднее по мере того, как происходит внедрение цифровых технологий... «Рассвет» эры цифровых технологий и закат индустриальной эпохи оказывают значительное воздействие на основные политические и социальные институты, явившиеся плодом индустриализации, а именно на республиканскую демократию и национальное самосознание. В самом деле, закат индустриальной эпохи и переход к цифровой экономике способны серьезно пошатнуть основы демократической государственности» [23, с. 526]. Продолжая эту линию рассуждений, Ч. Капхен подчеркивает, что «переход от эпохи к эпохе, как правило, сопровождается «смутными временами», из чего следует, что завершение нынешнего исторического цикла ознаменуется не столько демократическим миром и глобальным консенсусом, сколько грандиозными переменами в политической и геополитической жизни», и эта турбулентность будет сопровождать возврат к мультиполярному миру и растущее напряжение между лидерами и аутсайдерами цифровой технологической гонки.

Переплетение этих основных тенденций развития мировой политики актуализируют проблему глобального регулирования и управления. «В анналах XX века, – отмечает российский исследователь А. Неклесса, – контур выстраиваемой общемировой, глобальной системы управления и контроля до некоторого момента прорисовывался в основном в контексте сменявших друг друга поколений «мировых регулирующих органов»: от экспериментального дизайна Лиги Наций до вполне универсалистской ООН во главе с элитарным Советом Безопасности, обладавшим уникальным статусом, дающим право на легитимное использование силы. На протяжении столетия были зафиксированы, однако, и другие футуристические порывы к новому мировому порядку: их диапазон – от идеи и практики перманентной коммунистической революции, реализовавшей себя в конце концов в аморфном организме «мировой социалистической системы», до не слишком внятных, но достаточно мрачных планов установления на планете нацистского *Ordnung'a*» [24]. Однако, отмечает американский политолог Д. Дрезнер, «глобальные институты перестают соответствовать своему назначению, когда состав их руководящих структур, принимающих решения, уже не отвечает соотношению сфер влияния в мире, а именно так обстоят дела на данный момент» [25, с. 27].

В настоящее время идеи глобального управления структурируются в рамках нескольких основных подходов: управление мира единственной сверхдержавой; международной организацией; мировым правительством; совокупностью усилий государств, межгосударственных образований и негосударственных акторов. Поэтому в настоящее время существует несколько моделей организации глобального управления, которое, при наличии различных механизмов и уровней коррелируют с геополитической структурой мира, представленной несколькими моделями.

Первая модель предполагает существование в течение десятилетий однополюсного мира во главе с единственной сверхдержавой – Соединенными Штатами. После того, как Ф. Фукуяма с завершением «холодной войны» выдвинул идею «конца истории», стало формироваться новое видение роли США в мире как единственной сверхдержавы. По мнению многих специалистов, лидерство США в экономической сфере, безусловное доминирование в военной области, технологическое первенство, притягательность американской массовой культуры и контроль в ключевых регионах мира позволят им поддерживать существование такого мирового порядка. Идея однополюсности стала камертоном работ Р. Кагана, Ч. Краутхаммера, У. Кристола, Дж. Муравчика. Одним из наиболее последовательных сторонников «американской империи» выступает З. Бжезинский. «Поражение и развал Советского Союза, – подчеркивал он, – стали финальным аккордом в быстром вознесении на пьедестал державы Западного полушария – Соединенных Штатов – в качестве

единственной и действительно первой подлинно глобальной державы» [26, с. 11]. И «цель политики США должна была без каких-либо оправданий состоять из двух частей: необходимости закрепить собственное господствующее положение, по крайней мере, на период существования одного поколения, но предпочтительно на еще больший период времени, и необходимости создать геополитическую структуру мира», соответствующую американским интересам [26, с. 254]. Позднее некоторые из исследователей заговорили даже о возможности «нескольких столетий» американского всемогущества [27, р. 205].

Специфику американского миропорядка историки Ч. Мейер и Г. Люндстад акцентировали в категориях «консенсуальной империи» и «империи приглашения». О «либеральной гегемонии» говорит Дж. Айкенберри подчеркивая, что США «формируют миропорядок и главенствуют в нем, гарантируя определенные преимущества другим странам в обмен на их молчаливое согласие. В отличие от имперского, этот американский мировой порядок определяется договорами, регламентирующими правила игры между лидером и всеми остальными» [28]. По его мнению, «развитые демократические страны входят в состав т.н. «сообщества взаимного обеспечения безопасности», в котором угроза применения силы просто немыслима. Эти страны тесно связаны экономически. Вместе они формируют политический порядок, который держится на взаимовыгодных торговых отношениях, теснейшем взаимодействии, целом ряде межправительственных институтов и специальных рабочих связях. Это не империя, это демократический миропорядок при лидерстве США, который не имеет названия и исторических аналогов» [28]. Многие исследователи соглашались с тем, что после периода поиска своего места в новом мире на протяжении 1990-х годов, Соединенные Штаты сделали выбор в пользу этого сценария построения международной системы. В 2004 г. один высокопоставленный советник президента Дж. Буша заметил в разговоре с журналистом: «Мы теперь – империя, и своими действиями мы формируем рукотворную реальность... Мы движем историю» (Цит. по: [29]).

Но большинство специалистов солидарны и в том, что Рах Americana – «мир по-американски» – во временном отношении будет менее продолжительным, чем кое-кому представлялось. Еще в 1994 г. Г. Киссинджер отметил, что в XXI веке «Америка останется великой и могущественной страной, но нацией, с которой уже будет кому равняться; «первой среди равных», но тем не менее одной из ряда подобных» [30, с. 737]. «Сегодняшние империи – особенно если они не признают себя таковыми – непрочны, но по особым причинам, отличающим нашу эпоху от предыдущих, – подчеркивает гарвардский профессор Н.Фергюсон. – В случае с американской империей ее эфемерность связана в первую очередь не с враждебностью покоренных народов или угрозой со стороны держав-конкурентов..., а с внутривнутриполитическими ограничениями. Эти ограничения проявляются в трех главных формах. Первую можно назвать «дефицитом войск»... Вторым сдерживающим фактором для американской «неофициальной» империи служит бюджетный дефицит США... Наконец, и это, пожалуй, самое важное, американское общество воспринимает имперскую политику без энтузиазма... Империя возникает и существует, если в глазах самих империалистов выгода от правления другими народами превышает связанные с этим издержки, а в глазах самих покоренных народов выгоды от подчинения иностранной державе перевешивают «издержки», связанные с сопротивлением колонизаторам... С учетом всего этого можно сказать, что сегодня издержки, связанные с управлением Ираком и Афганистаном, представляются большинству американцев «чрезмерными», преимущества в лучшем случае сомнительными, и к тому же ни одна конкурирующая империя не может или не желает испытать там собственные силы» [29].

Исследователь Ч. Джонсон опасается, что США превратились в «военную машину, стремящуюся к мировому господству», и их имперско-милитаристские амбиции приведут к вырождению демократии, спровоцируют противодействие и, в конце концов, увенчаются банкротством и развалом Америки, подобным коллапсу Советского Союза.

М. Мэнн также предостерегает от опасной империалистической тенденции во внешней политике США, которая обусловлена представлениями, согласно которым одностороннее применение Америкой военной силы способствует господству США и наведению порядка на мировой арене. Он полагает, что «имперский проект» возник благодаря сильно преувеличенным представлениям о могуществе США, а милитаризация политики при-

водит к формированию «рыхлой империи», которая дискредитирует страну как мирового лидера. Отмечая, что возникновение и исчезновение государств, народов, империй, регионов и цивилизаций определяют четыре силы – военная, политическая, экономическая и идеологическая, – он приходит к выводу, что США являются «военным гигантом, второстепенным экономическим фактором, политическим шизофреником и идеологическим фантомом».

Поэтому все громче звучат голоса исследователей, подчеркивающих, что именно на пике своего геополитического могущества Соединенным Штатам нужно готовиться к гармоничному вхождению в другую систему международных отношений, где они будут лишь одним из центров силы. Даже З. Бжезинский изменил акценты, подчеркивая в 2008 г., что *«пятнадцать лет спустя после своей коронации в глобальные лидеры Америка становится одинокой, внушающей страх демократией в политически враждебном ей мире»*, единственным реальным путем осуществления лидерства которой *«становится не прямое, а косвенное, гибкое и согласованное управление»*, сопровождаемое *«социальной сознательностью, готовностью к компромиссам, касающимся собственной суверенности, культурной привлекательностью, не сводящейся к гедонистскому содержанию, и подлинным уважением к разнообразным человеческим традициям и ценностям»* [31, с.180, 205, 214].

Однако, отмечает А.И. Уткин, *«теоретики могут выступать за или против империи, но все они уже свободно пользуются этим термином – от политического правого фланга до левого, от Майкла Игнатьева и Пола Кеннеди до Макса Бута и Тома Донелли. Именно это и наиболее примечательно; все участники дебатов знают, о чем идет речь. И речь идет не о традиционных темах распространения влияния по всему миру. Речь совершенно определенно идет о принуждающей внешней политике, об использовании вооруженных сил США на глобальных просторах, на всех материках и на всех океанах»* [32, с. 70]. Возможность силового варианта сохранения американской империи может обуславливаться еще и тем, что, как подчеркивает российский исследователь В. Кувалдин *«в западной политической традиции нет стратегии организованного отступления. Запад в течение пяти веков развивался по восходящей. Начиная с эпохи великих географических открытий, он завоевывал все новые и новые высоты. Сейчас перед ним встала другая проблема – как отступить, чтобы сохранить главное. Этой традиции нет на Западе, ее нет, тем более, в американской культуре»* [33, с. 12]. В этих условиях выходом для «Рах Americana» может быть, по мнению Е. Каминского, реализация сценария, направленного на превращение его в «Рах Transatlantica» [34, с. 61]. В этом ключе рассуждает и американский исследователь Р. Асмус, полагая, что США и ЕС должны формировать естественную коалицию демократий, способную противостоять новым вызовам глобализирующегося мира [35].

Еще одна модель глобального управления связана с формированием мира, в котором роль арбитра выполняет всемирная организация, в качестве которой может выступить реформированная ООН. Рассуждая о возможностях формирования мирового правительства, И. Бестужев-Лада отмечает: *«...Если мировое правительство станет ширмой-марионеткой вашингтонских бюрократов, то не стоит и огород городить. Но нет ли и здесь реальной альтернативы такой перспективе? На наш взгляд, такая альтернатива имеется и сводится к развитию структур ООН таким образом, чтобы повысить эффективность этой организации без превращения её в орудие американского диктата»* [36]. Однако, отмечает В. Иноземцев, *«история показывает, что, теряя способность ограничивать действия своих наиболее могущественных членов, международная организация теряет и смысл своего существования. С ООН это уже произошло, и она вступила в период медленного умирания, которое к 2020 году может завершиться и формальным роспуском»* [37, с. 34]. Поэтому, в реалиях современного мира, при ослаблении роли ООН в решении многих международных проблем, практическая реализация этой модели представляется достаточно проблематичной. Здесь, однако, следует упомянуть о резерве и вариантах развития ситуации, отмеченных американским футурологом Э. Тоффлером: *«Чем менее отзывчивыми становятся правительства и межправительственные структуры к нуждам транснациональных фирм, тем больше вероятности, что последние отвернутся от правительств и потребуют прямого участия в глобальных институтах. Не так*

сложно представить себе Всемирный совет глобальных корпораций, обеспечивающий противовес власти национальных правительств и выступающий от имени фирм нового типа. Другой вариант: ведущие корпорации могут потребовать представительства в таких организациях, как ООН... Очень возможно, что ООН придется учредить дополнительный вид членства с правом голоса для транснациональных компаний, религиозных и иных объединений, что весьма усилит ее влияние в мире» [38, с. 565].

Новую парадигму глобального управления предложили российские исследователи В. Иноземцев и С. Караганов: *«Суть ее состоит в следующем: передовые и наиболее мощные нации должны навязать неблагоприятным государствам элементарный порядок...» [39, с. 20].* Это *«коллективное управление, осуществляемое группой ведущих демократических государств»*, которую составят США, ЕС, Япония и Россия и, может быть, Китай и Индия, будет иметь основной задачей *«цивилизовать «периферийные» территории, помочь их народам достигнуть уровня развития, позволяющего им реализоваться в качестве полноправных суверенных государств. Лишь для некоторых падающих и несостоявшихся государств придется восстановить статус подмандатных территорий с внешним управлением, используя для этого нормы, подобные тем, что были прописаны в Уставе ООН. Поэтому «мировой порядок XXI века не будет походить на прежний, столь привычный для политиков прошлого столетия. Основное его отличие станет заключаться в том, что незыблемый на протяжении последних трехсот лет принцип баланса сил утратит свое былое значение. Снижение вероятности конфликта между великими державами и сближение их позиций по большинству спорных международных проблем приведут к формированию альянса развитых стран, мощь которого не может быть уравновешена никаким объединением сил «периферийных» государств» [39, с. 25].*

В качестве еще одной модели мироустройства выступает многополярный мир, в котором ряд государств – США, Япония, Китай, Россия, Германия, Индия, Бразилия - будут иметь свои сферы влияния. *«Глобальный мир, – подчеркивает В. Кувалдин, – строится на базе крупных политико-экономических блоков, макрорегионов, объединяющих группы государств. Даже самые большие и влиятельные страны участвуют в создании разного рода интеграционных группировок, стремясь усилить свои позиции в мире глобальной конкуренции» [40, с. 31].* При этом, по всей видимости, будет вестись поиск альтернативы концепциям, постулирующим императив интеграционных процессов государств с одинаковым уровнем экономического развития, что даст перспективы значительного расширения масштабов интеграции и ее перевода на континентальный и трансконтинентальный уровень. В характеристике этой модели мироустройства выделяются: географическая близость стран, формирующую окружение соответствующего регионального лидера; осуществление скоординированной военной и экономической политики; замкнутость на решение внутрирегиональных проблем и относительно инертная реакция на большинство вопросов международной жизни [41, с. 208].

Впрочем, перспектива многополярного мира еще на заре своего формирования вызвала озабоченность такого крупнейшего представителя школы неореализма как Дж. Миршеймер, который прогнозировал общую нестабильность в международных отношениях; усиление соперничества между силовыми центрами, особенно в Европе; образование разграничительных линий между национальными государствами; императив увеличения роли силовых факторов во взаимодействии государств [42; 43]. В этом же духе, подчеркивают российские исследователи Т. Бордачёв и Ф. Лукьянов, *«многополярный мир воспринимается рядом участников международных отношений как благо, поскольку многие беды последних лет связываются с попытками установить доминирование одной державы. Но мало учитывается тот факт, что многополярность, формирующаяся в условиях распада институтов, отнюдь не означает возвращения к стабильным многосторонним форматам. Скорее есть основания ожидать дальнейшего ужесточения противодействия «всех всем» с возникновением ситуативных краткосрочных объединений для решения конкретных проблем» [44, с. 85].* Американский профессор С. Браун дает интересный вариант теоретического обобщения: структура международной системы взаимосвязана с вероятностью возникновения войн. Анализируя однополярные, биполярные и многополярные структуры, каждая из которых имеет вариации – «жесткую» и «размытую» (в зависи-

мости от степени консолидации субъектов вокруг «полюсов»), – он заключает, что с ростом количества полюсов вероятность возникновения войн увеличивается [45, р. 53].

Ещё одна модель геополитического устройства мира представлена «цивилизациями» американского исследователя С. Хантингтона, полагающего, что структурируемые на основе общности культуры, религии и языка, в мире будут взаимодействовать западная, синская, японская, индуистская, исламская, православная, латиноамериканская и, возможно, африканская цивилизации. *«В возникающем мире, – отмечает он, – отношения между странами и группами из различных цивилизаций не будут тесными и зачастую будут антагонистическими»* [46, с. 281]. *«Сценарий «столкновения цивилизаций» маловероятен, – полагает, в свою очередь, К.Кайзер, – но ограниченный конфликт между радикальным исламом и Западом начался, и, по всей вероятности, он будет только нарастать»* [3, с. 13].

Специалистами рассматривается и модель нового биполярного противостояния. А. Уткин подчеркивает, что в эволюции международных систем *«обычным является следующий цикл: из свободной игры независимых центров, где господствует переменчивость и гибкость дипломатии нескольких центров, вызревает тенденция большей жесткости, формируется обычно биполярный мир. Биполярность обычно ведет к продолжительному конфликту (холодная война). Затем побеждает один из центров и возникает лидер, чье своеволие неизбежно вызывает оппозицию и объединение потенциальных противников. Монополярный мир неизбежно раскалывается, и весь процесс восходит на новый круг. Такова мировая история»* [19, с. 233]. В качестве центров нового биполярного устройства мира называются различные конфигурации сил: США и Китай, американо-японо-китайский союз и европейско-российский блок, Атлантический блок и японо-китайский союз, американо-японо-европейский блок и новое издание союза Москва-Пекин, подключающего и некоторые силы из мусульманского мира, Америка и союз Западной Европы с Китаем, блок Западной Европы с Японией и США.

Оригинальный подход к проблеме формирования биполярности продемонстрировал А. Панарин, подчеркивавший, что *«принципиальная неадекватность стратегического анализа, ныне преобладающего в среде профессиональных экспертов и разработчиков доктрин, состоит в пренебрежении гуманитарным измерением и духовно-гуманитарной подоплекой современных эпохальных сдвигов. Эксперты..., говоря о раскладе мировых сил, остаются в плену техно- и экономикоцентризма... Все это, собственно, и означает позитивистскую деформацию мышления, разучившегося принимать во внимание собственно гуманитарные ценности и духовные факторы»* [47, с. 230]. В его понимании, США, *«победившая в холодной войне сверхдержава, не довольствуясь этой победой, продолжает свое наступление на все независимые государства во имя осуществления гегемонистской программы полного контроля над миром»*. *«Война, которую уже фактически начала сверхдержава, – это мировая гражданская война, разделяющая экспроприруемых и экспроприаторов»*, которая выдается за *«борьбу мировой цивилизации с мировым варварством»*, скрытый смысл которой заключается в войне *«преуспевших против не преуспевших, требования которых преуспевшим сильно наскучили»* [69, с. 50, 234]. *«Ставкой новейшего мирового противоборства является вся планета как среда жизни и кладовая ресурсов. Поэтому и стратегический ответ на вызов глобального агрессора должен предусматривать глобальную солидарность потерпевших»* [69, с. 62-63]. Таким образом, грядущая биполярность интерпретируется *«не в геополитической, а в социальной и моральной логике. Действительным оппонентом гегемонистской сверхдержавы может выступить не новая сверхдержава-гегемон, соревнующаяся в физическом величии, а держава – социальный антипод, представляющая интересы униженных и оскорбленных»* [69, с. 374]. В практико-политическом плане «сверхдержава обездоленных» может возникнуть либо в *«форме нового красного интернационала или форме новой красной сверхдержавы»*. При этом России – стране с «протестной солидаристской этикой» населения отводится *«роль интегратора мировых антиглобалистских сил»*.

Суммарные оценки будущего мировой политики и международных отношений также воспроизводят широкий диапазон мнений. Мэйнстрим здесь – прогнозирование мировой ситуации со значительной степенью турбулентности и неуправляемости, возникаю-

щими региональными конфликтами, но не приводящей к мировым катаклизмам. Однако существуют и пессимистические прогнозы. «В основных сценариях на 30-50 лет вперед, – подчеркивают исследователи, – нет сигналов о «конце света», но они характерны предсказанием масштабных конфликтов вплоть до мировых войн» [19, с. 449]. При этом в качестве основных конфликтогенных факторов называют усиление соперничества за пространство и невозполнимые ресурсы; разрыв в уровнях экономического развития между богатыми и бедными обществами; естественный процесс упадка мировых лидеров, ведущий к дезорганизации мирового хозяйства и системы международных отношений; цивилизационные противоречия; международный терроризм и распространение ядерного оружия. И. Валлерстайн полагает, что «мы имеем дело еще не с полной анархией, но с массовым геополитическим беспорядком, который усугубляется пугающей неопределенностью состояния мировой экономики» [48, с. 9].

«Смутное время» рубежа веков демонстрирует, таким образом, ряд достаточно четко выраженных процессов. Ожидания глобализации мира под эгидой США успехом не увенчались, возвратное движение маятника, в условиях дискредитации либерально-демократической доктрины, представляются логичными. Однополярный мир не состоялся, и в современной международной системе происходит становление новых глобальных центров силы и экономического роста. Все в большей мере актуализируется вопрос о необходимости встраивания интересов формирующихся центров силы – Китая, Индии, Бразилии – в структуру международных режимов и институтов. Эти процессы будут протекать в ближайшие полтора-два десятка лет в мире, где будет сохраняться убывающее доминирование США. В условиях возрастающей турбулентности и снижения уровня управляемости международными процессами значительную стабилизирующую роль может сыграть неформальное коллективное лидерство ведущих государств мира, что будет, в определенной степени, компенсировать известное несовершенство созданных во второй половине XX века международных институтов. Развитие цифровых технологических процессов станет одним из факторов формирования более конкурентной среды, важнейшим признаком которой станет взаимодействие различных моделей социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности.

В условиях мирового финансового кризиса, отметил Г. Киссинджер, «даже самые богатые страны столкнутся с сокращением имеющихся ресурсов. Каждому государству придется пересмотреть свои национальные приоритеты. Если возникнет система совместимых приоритетов, то появится новый мировой порядок. Но если разные приоритеты согласовать и выверить не удастся, то произойдет катастрофа, и этот миропорядок расколется на части... Гармонизации политической и экономической системы можно добиться лишь двумя способами: создав международную политическую систему регулирования тех же масштабов, что и мировой экономический порядок; или сократив охват экономических институтов до таких размеров, когда ими смогут управлять существующие политические структуры, что может привести к новому меркантилизму на региональном уровне» [49].

Источники и литература.

1. Грэм Т. Диалектика силы и слабости // Россия в глобальной политике. 2007. Т.5. № 3. С. 48-56.
2. Уткин А.И. Новый мировой порядок. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. 640 с.
3. Кайзер К. Взаимоотношения крупных держав в XXI веке // Россия в глобальной политике. 2007. Т. 5, № 5. С. 8-21.
4. Friedman Th. The Lexus and the Olive Tree. N.Y.: Farrar, Straus & Giroux, 1999. 394 p.
5. Rosenau J. Many Globalizations, One International Relations // Globalizations. 2004. Vol. 1. № 1. P.1-8.
6. Rosenau J. Globalization and Governance: Bleak Prospects for Sustainability // International Politics and Society. 2003. №3. P.11-29.
7. Giddens A. A Runaway World: How Globalization is Reshaping our Lives. New York: Routledge. 128 p.
8. Бебик В.М. Сучасна глобалістика: провідні концепції і модерна практика: Навчальний посібник / В.М.Бебик, С.О.Шергін, Л.О.Дегтерьова. К.: Університет «Україна», 2006. 208 с.
9. Томчин Г. Почему Россия – не Китай // Стратегия России. 2007. № 5(41), май. С. 67-76.
10. Wallerstein I. The Decline of American Power. The U.S. in a Chaotic World. N.Y.: The New Press, 2003. 336 p.
11. Пахомов Ю. Геоэкономические и геополитические истоки глобального терроризма // Институційне об'ляштування глобальної економіки: цивілізаційний вимір: Матер. Міжвід. наук.-теорет. конф./Відп. ред. О.О.Шморгун/К.: Інститут світової економіки і міжнародних відносин НАН України, 2007. С. 3-8.

12. Connelly M., Kennedy P. Must It Be the Rest Against the West? // Atlantic Monthly. 1994. Vol.274. № 6. P.61-83.
13. Kaplan R. The Coming Anarchy//Atlantic Monthly. 1994. Vol.273. № 2. P.44-76.
14. Kaplan R. The Coming Anarchy: Shattering the Dreams of the Post Cold War. N.Y.: Random House, 2000. 224 p.
15. Сергей Кара-Мурза. Концепция «золотого миллиарда» и Новый мировой порядок. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.duel.ru/publish/karamurza/gold/oro1.html>
16. Караганов С. XXI век: контуры миропорядка // Россия в глобальной политике. 2005. Т.3. № 5. С.36-50.
17. Паршев А. Почему Америка наступает/А.Паршев. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2002. 370 с.
18. Цивилизационная структура современного мира: В 3-х т. Т.1. Глобальные трансформации современности/Под ред. Ю.Н.Пахомова и Ю.В.Павленко. К.: Наукова думка. 688 с.
19. Уткин А.И. Мировой порядок XXI века.- М.: Издатель Соловьев; Алгоритм, 2001. 480 с.
20. Аргументы и факты в Украине. 2008. № 23. С. 3.
21. Седнев В. Рождение и перспективы «Новой Азии» // Успішний Схід у системі планетарної ієрархії: Матер. Міжвід. наук.-теорет. конф. / Відп. ред. О.О.Шморгун/К.: Інститут світової економіки і міжнародних відносин НАН України, 2008. С. 35-48.
22. Пахомов Ю. Феномен азиатского экономического чуда в контексте ценностей культуры // Успішний Схід у системі планетарної ієрархії: Матер. Міжвід. наук.-теорет. конф. / Відп. ред. О.О.Шморгун / К.: Інститут світової економіки і міжнародних відносин НАН України, 2008. С. 11-35.
23. Капхен Ч. Закат Америки: Уже скоро. М.: ООО «Издательство АСТ»: ОАО «ЛЮКС», 2004. 636 с.
24. Александр Неклесса. Логика глобальной трансформации. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://mcgpi.narod.ru/MCGPI10.htm>
25. Дрезнер Д. Новый «новый мировой порядок»//Россия в глобальной политике. 2007. Т.5. № 2. С. 21-35.
26. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы/Збигнев Бжезинский; [пер. с англ.]. М.: Междунар. отношения, 2003. 256 с.
27. Odom W., Dujarric R. America's Inadvertent Empire.- New Haven: Yale University Press, 2004. 285 p.
28. Дж. Джон Икенберри. Химеры империи: что такое новый американский миропорядок. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/print/209587.html>
29. Найэлл Фергюсон. Империя: срок годности ограничен. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/print/230004.html>
30. Киссинджер Г. Дипломатия. Пер с англ. М., Ладомир, 1997. 848 с.
31. Бжезинский З. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы/Збигнев Бжезинский; [пер. с англ.]. М.: Междунар. отношения, 2007. 240 с.
32. Уткин А.И. Удар американских богов / А.И.Уткин. М.: Алгоритм, 2006. 416 с.
33. Кувалдин В. Оценить негативный опыт // Стратегия России. 2006. № 8. С. 12-13.
34. Камінський Є.Є. Світ переможців і переможених. Міжнародні відносини і українська перспектива на початку XXI століття. К.: Центр вільної преси, 2008. 336 с.
35. Asmus R.D. Rethinking the EU: Why Washington needs to support European integration // Survival. 2005. Vol. 46. № 3. P.93-102.
36. Бестужев-Лада И.В. Глобальные проблемы современности и пути их решения [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://mcgpi.narod.ru/MCGPI38.htm>
37. Иноземцев В. What Will Be? // Введение в будущее: Мир в 2020 году / Научный редактор М.Б. Ходорковский. М.: Алгоритм, 2006. 384 с.
38. Тоффлер Э. Метаморфозы власти: Пер. с англ. / Э.Тоффлер. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 669 с.
39. Иноземцев В., Караганов С. О мировом порядке XXI века // Россия в глобальной политике. 2005. Т.3. № 1. С. 8-26.
40. Кувалдин В. В поисках сути российской внешней политики // Международная жизнь. 2007. № 6. С. 21-34.
41. Ивашов Л.Г. Россия или Московия? Геополитическое измерение национальной безопасности России. М.: Изд-во Эксмо, 2002. 416 с.
42. Mearsheimer J. Back to the Future: Instability in Europe After the Cold War // International Security. 1990. Vol. 15. № 1. P. 5-56.
43. Mearsheimer J. Why We Will Soon Miss the Cold War // Atlantic Monthly. 1990. Vol. 266. № 2. P. 35-50.
44. Бордачев Т., Лукьянов Ф. Время разбрасывать камни // Россия в глобальной политике. 2008. Т.6, № 2. С. 72-87.
45. Brown S. The Illusion of Control. Force and Foreign Policy in the 21st Century. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2003. 187 p.
46. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций/С.Хантингтон; Пер. с англ. - М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 603 с.
47. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2003. 560 с.
48. Валлерстайн И. Куда идет наш мир? Многополярность и относительный закат американской мощи//Россия в глобальной политике. 2008. Т.6, № 5. С. 8-11.
49. Генри Киссинджер. Шанс для нового миропорядка. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/translation/246616.html>

II

ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАРТИИ «ХИЗБ УТ-ТАХРИР» В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА)

М.Н. Автушенко

Газета «Севастопольский бриз»

Прежде всего, необходимо отметить, что с 2003 г. исламская политическая партия «Хизб ут-Тахрир» действует на территории Российской Федерации нелегально. Верховный Суд РФ решением от 14 февраля 2003 г., по заявлению Генеральной прокуратуры РФ и руководствуясь Законом РФ «О противодействии экстремистской деятельности», внес «Хизб ут-Тахрир» в официальный список террористических и экстремистских организаций, запретив, таким образом, деятельность партии на территории Российской Федерации.

Однако запрет партии, задержания, аресты и тюремные заключения ее членов, практически никак не сказались на росте влияния «Хизб ут-Тахрир» среди российских граждан, традиционно исповедующих ислам.

По данным ФСБ РФ, ячейки «Хизб ут-Тахрир» выявлены на территории Поволжского региона (Татарстан, Удмуртия, Ульяновская, Самарская области), Урала (Башкортостан, Челябинская, Екатеринбургская, Оренбургская области), Сибири (Ханты-Мансийский автономный округ, Тюменская область) и Центральной России (Москва, Московская и Нижегородская области).

Исследователь Б. Мусаев также утверждает, что ячейки «Хизб ут-Тахрир» существуют в Ростове, Ставрополе, Курске и Воронеже, хотя и не приводит никаких сведений об источнике данной информации [12].

В данной статье мы попытаемся осветить наиболее закрытую от исследователей часть деятельности «Хизб ут-Тахрир», а именно – идеологическую работу партии на Северном Кавказе. Но, прежде всего, мы коснемся появления «Хизб ут-Тахрир» в России, так как эта информация позволит нам определить цели, задачи и приоритеты партии на территории России.

Эту информацию мы можем получить из интервью члена «Хизб ут-Тахрир» Эльдара Хамзина [6]. Уроженец Узбекистана, Хамзин вступил в партию в начале двухтысячных годов, уже находясь на территории России. В 2005 г. он получил 2 года тюремного заключения на основании Закона РФ «О противодействии экстремистской деятельности». Отбыв наказание, Хамзин эмигрировал в Швецию, где получил сначала статус политического беженца, а затем и гражданство.

По словам Эльдара Хамзина, первые ячейки (халки) «Хизб ут-Тахрир» были образованы гражданами Узбекистана, которые обучались в ВУЗах г. Москвы в 1995-96 гг. Первоначально работа велась среди выходцев из Узбекистана и Таджикистана, которые учились или работали в Москве.

На этом этапе члены «Хизб ут-Тахрир» не добились значительных успехов в распространении идей партии. В 1998 г. большинство членов «Хизб ут-Тахрир» были арестованы сотрудниками правоохранительных органов и приговорены к разным срокам заключения.

Второй этап начался с 1999 г. и ознаменовался непрерывным ростом влияния «Хизб ут-Тахрир» на территории России. По словам Эльдара Хамзина, с 2000 г. к партии стали активно примыкать «*татары, дагестанцы, чеченцы и ингуши*» [6]. Организационное управление ячейками партии на территории России осуществлялось через представителя «Хизб ут-Тахрир» в Узбекистане Хафизулла. Если говорить об организационном управлении партии, то до 2006 г., вся территория России была разделена на три региона: г. Москва и область, Кавказ и Восточная Россия (Сибирь). В каждом регионе находился ответственный, который курировал работу в регионе. Организационно ответственные подчинялись сначала Хафизулле, а затем – «Хизб ут-Тахрир Украина», центром деятельности которой становится Крым.

Лишь 11 мая 2006 г., оргструктуры «Хизб ут-Тахрир» на территории России были выведены из подчинения «Хизб ут-Тахрир Украина» и образовали новое отделение партии «Хизб ут-Тахрир Россия», которое стало подчиняться напрямую руководству и амиру партии [6]. По нашему мнению, образование «Хизб ут-Тахрир Россия», является доказательством роста численности и влияния российских ячеек партии и преследовало своей целью создать более эффективную систему управления.

Перспективам идеологической и практической работы «Хизб ут-Тахрир» в России посвящена отдельная работа, изданная Абд уль-Азизом (вероятнее всего, псевдоним) «Взгляд мусульман на внешнюю и внутреннюю политику России» [1]. Данная работа представляет собой хороший политологический анализ внутренних и внешних проблем России, а также содержит отдельный раздел, который дает представление о проживающих в ней мусульманских народах. В этом разделе даны и некоторые рекомендации, которые можно использовать при проведении агитационно-пропагандистской работы.

Если исходить из положений этой работы, то основную ставку в деле призыва руководство «Хизб ут-Тахрир» делает на казанских татар и мусульман Чечни, Ингушетии и Дагестана. Однако при этом не исключает и постепенного обращения в ислам славянского населения. В частности, автор отмечает, что особенности менталитета русского народа представляет «*большие перспективы для призыва, а также можно считать эти особенности предпосылками для массового принятия Ислама этим народом*» [1].

Итак, основными приоритетами для работы «Хизб ут-Тахрир» стали республики Поволжья и Северный Кавказ. Ко времени появления «Хизб ут-Тахрир» на Северном Кавказе (2000-е гг.), мусульманская умма региона уже была разделена между салафитами (это исламское течение обычно делят на радикальных, которых называют ваххабитами, и умеренных) и представителями суфийского ислама (тарикаты Накшбандийя и Шазилийя в Дагестане и Накшбандийя и Кадирийя в Чечне и Ингушетии).

Пытаясь расширить свое влияние на Кавказе, «Хизб ут-Тахрир», не могла не столкнуться с представителями этих течений и неминуемо войти с ними в идеологический конфликт. Причем, основным идеологическим оппонентом «Хизб ут-Тахрир» на Кавказе становится радикальный салафизм. В этом нет ничего удивительного, если учесть тот факт, что появившись в Крыму, «Хизб ут-Тахрир» также вошла в идеологическую конфронтацию с салафитами и сумела не только выиграть в борьбе за симпатии мусульманской уммы Крыма, но и полностью маргинализировать представителей этого течения.

Именно представители радикального салафизма являются одним из важных источников по изучению деятельности «Хизб ут-Тахрир» в Дагестане. Так, например, один из лидеров салафитского подполья в Кизлярском районе Дагестана, Абдулмумин Абдулмуминов, также известный под именем Абдульмумин, в своих видеобращениях постоянно обращал внимание на деятельность «Хизб ут-Тахрир» и критиковал ее за извращение ислама.¹

1. Абдулмумин Абдулмуминов (1980-2010). Уроженец с. Хуциевка Кизлярского района Республики Дагестан. Был имамом мечети, в мае 2010 г. примкнул к незаконным вооруженным формированиям, активно участвовал в боевых операциях. Убит 28 ноября 2010 г. в Кизлярском районе в ходе КТО.

На видео, размещенном на интернет-портале «You Tube», Абдулмуминов подробно рассказывает о своей полемике с членами «Хизб ут-Тахрир» в Кизляре, обвиняя их, в частности, в неверии в Азабуль кабр («могильные муки») и отказе от вооруженного джихада [2].

На основании обращений Абдулмуминова, можно сделать вывод, что уже в 2009-2010 гг. число членов и сторонников «Хизб ут-Тахрир» в Кизлярском районе составляло десятки, если не сотни человек, и деятельность партии вызывала большую тревогу у лидеров салафитского подполья.

Еще одним салафитским деятелем, активно боровшимся с «Хизб ут-Тахрир», был Анзор Астемиров¹. Астемиров является одним из переводчиков с арабского языка небольшой брошюры под названием «Хизб ат-Тахрир аль-Исламий (Партия исламского освобождения)», в которой «Хизб ут-Тахрир» критикуется с точки зрения традиционного ислама. Содержание брошюры представляет собой перечисление общеизвестных сведений об основателе «Хизб ут-Тахрир» Такиуддине ан-Набхани и деятельности партии до настоящего времени и не содержит в себе никаких признаков салафитской идеологии [16].

Примечательно, что эта же брошюра используется в идеологической работе «Хизб ут-Тахрир» и Духовными управлениями мусульман Украины, в том числе и Духовным управлением мусульман Крыма (ДУМК).

Однако, судя по высказываниям Абдулмуминова, именно эта переводная работа широко использовалась салафитами для идеологической борьбы с «Хизб ут-Тахрир» на Кавказе [1].

Однако на переводе брошюры радикальные салафиты решили не останавливаться. Для того чтобы придать большую весомость своей позиции, они обратились за разъяснениями к Муртазе Али Магомедову, единственному доктору шариатских наук на территории стран бывшего СССР². Авторитетное мнение Магомедова могло стать решающим в споре между радикальными салафитами и «Хизб ут-Тахрир», однако, 3 октября 2009 г., он был убит в своей машине неустановленными лицами.

Убийство Мамедова «Хизб ут-Тахрир» попыталось использовать в своих целях, и в ноябрьском номере партийного журнала «Аль-Ваъй» появилась следующая заметка: *«До журнала «Аль-Ваъй» из его источников в России дошло следующее: «Один из известных ученых, которому не было подобных во всем бывшем Советском Союзе. Он учился 15 лет в Сирии, написал несколько книг и защитил докторскую диссертацию. Он был из числа салафитских ученых и все салафиты ссылались на него во время дискуссий. Что касается нас, то он презирал нас, говорил о нас плохо и обвинял нас. После этого мы организовали с ним встречу, на которой присутствовали некоторые свидетели. Мы говорили о Хизб-ут-Тахрир и о том, в чем есть разногласия и о том, почему он нас обвиняет. Мы выслушали его спокойно, затем сказали ему сначала, что мы уважаем его, ибо он ученый. И что мы относимся к нему хорошо, даже если у нас есть некоторые разногласия. Таким образом, в разговоре стали преобладать признаки хорошей дружбы, и он стал более снисходительным. Затем он пришел в себя и стал прислушиваться к нам. Мы доказали ему, что все, что он сказал против нас, не имеет основы. Затем мы ему разъяснили метод и все остальное. Он согласился с нами во всем, что мы сказали ему. Мы встретились с ним в другой раз и дали ему наши книги и фильмы. Он поменял свое негативное отношение к нам, и оно стало положительным. К нему пришли несколько человек из числа салафитов и спросили его о нас. Он сказал им, что все у Хизб ут-Тахрир в порядке и что у нее нет противоречий в акъыде и законах шариата. Его мнение о нас распространилось среди салафитов, ибо они всегда полагались на него, когда обвиняли нас. Так улучшились наши*

¹ Анзор Астемиров (1976 -2010). Один из организаторов нападения на г. Нальчик 13 октября 2005 г. С 1998 г. амир т.н. «Джамаата Кабардино-Балкарии». Один из идеологов провозглашения т.н. «Имарата Кавказ». Кадий т.н. «Шариатского суда Имарата Кавказ». Убит 24 ноября 2010 г. в Нальчике в ходе КТО.

² Муртаза Али Магомедов (1972-2009). Уроженец с. Телетль (Республика Дагестан). С 1991 г. учился в Сирии исламским наукам. Окончил факультет Арабского языка и исламского призыва в Дамаске. Автор ряда трудов, преподавал в университете Абу-Нур (г. Дамаск). Доктор шариатских наук. В сер. 2000-х гг. вернулся в Дагестан, где преподавал исламские науки молодым мусульманам. Магомедов убеждал молодежь сторониться радикальных методов и деления мусульман на разные течения.

отношения. Однако 03/10/2009 г. он был убит. По его автомобилю был открыт огонь, он погиб, и неизвестно, кто стоит за его гибелью...» [15].

Фраза из заметки «неизвестно, кто стоит за его гибелью...», прозрачно намекает, что убийство Муртаза Али Магомедова могли организовать и радикальные салафиты, пытавшиеся дискредитировать «Хизб ут-Тахрир» в глазах мусульманской уммы Северного Кавказа. Причем, в достаточно ненавязчивой форме, в заметке констатируется, что убийство Магомедова неизвестными, произошло сразу же после того, как Муртаза Али Магомедов изменил свою точку зрения на «Хизб ут-Тахрир» и после того, как мнение Мамедова о партии стало распространяться среди салафитов.

В ответ на публикацию в журнале «Аль-Ваъй», радикальные салафиты выложили на интернет-портале «You Tube» несколько обращений Муртазы Али Магомедова, датированных 12 сентября 2009 г. [19]. В этом обращении Мамедов обвиняет «Хизб ут-Тахрир» в отрицании Азабуль кабра («могильные муки») и в том, что их позиция по данному вопросу противоречит Сунне и хадисам. Кроме того, он заявил, что все ссылки «Хизб ут-Тахрир» на работы шариатских ученых бездоказательны.

В частности, Муртаза Али Магомедов утверждает, что когда он предложил одному из членов «Хизб ут-Тахрир» прочитать в книге ученого шафиитского мазхаба, в котором опровергается мнение «Хизб ут-Тахрир», тот отказался это сделать, сославшись на незнание арабского языка, хотя, по словам Мамедова, ему было известно, что этот человек провел несколько лет в Египте и хорошо знал арабский язык.

По словам вышеупомянутого Абдулмумина Абдулмуминова, члены «Хизб ут-Тахрир» не знали о существовании этих обращений Мамедова, и поэтому поспешили опубликовать заметку в своем журнале о том, что Мамедов якобы изменил свое отношение к «Хизб ут-Тахрир» [2]. Казалось бы, данный довод мог прояснить истинное отношение Мамедова к «Хизб ут-Тахрир». Однако, проблема не так проста, как это кажется на первый взгляд.

Во-первых, хотя на видеообращении Мамедова и стоит дата записи (12 сентября 2009 г.), однако, когда именно была сделана эта запись, неизвестно. С технической точки зрения нет ничего сложного в том, чтобы изменить дату записи. Поэтому, можно предполагать, что запись относится к тому времени, когда Мамедов, по словам членов «Хизб ут-Тахрир», *«презирал нас, говорил о нас плохо и обвинял нас»*.

Во-вторых, в тексте заметки не говорится о том, что Муртаза Али Магомедов принял идеологию «Хизб ут-Тахрир», но лишь о том, что он изменил свое отношение к партии и заявил, что ее мнение не противоречит шариату, а также об улучшении отношений между «Хизб ут-Тахрир» и Магомедовым. Исходя из этого, можно предположить, что Магомедов лишь согласился с тем, что идеология «Хизб ут-Тахрир» не противоречит исламской акъыде и законам шариата, что и утверждается в журнале «Аль-Ваъй».

В-третьих, непонятно, почему видеообращение Муртазы Али Магомедова появилось лишь после того, как в журнале «Аль-Ваъй» было напечатана заметка о смерти Магомедова. Абдулмумин Абдулмуминов подает публикацию видео чуть ли не как спецоперацию против «Хизб ут-Тахрир», дабы все мусульмане убедились в лживости членов партии. Но зададим простой вопрос: А что если бы данная заметка не была бы опубликована?

Ведь радикальные салафиты не могли знать, что будет напечатано в журнале «Аль-Ваъй». Тогда получается, что видеообращение Магомедова так и осталось бы неизвестным?

Учитывая, что в своей полемике с «Хизб ут-Тахрир», салафиты обвиняют членов партии в куфре, мнение Магомедова могло стать решающим аргументом в борьбе за сердца и умы мусульманской уммы Северного Кавказа. Именно об этом и пишет автор заметки в журнале «Аль-Ваъй»: *«Его мнение о нас распространилось среди салафитов, ибо они всегда полагались на него, когда обвиняли нас»*. В свете вышеизложенного, убийство Муртазы Али Магомедова выглядит более чем подозрительным, тем более если учесть, что убийство своих идеологических противников уже давно стало нормой в практике радикальных салафитов не только на Северном Кавказе.

Но так ли велика угроза для радикальных салафитов со стороны «Хизб ут-Тахрир» на Северном Кавказе? На этот вопрос можно ответить утвердительно. И «Хизб ут-Тахрир», и салафиты борются за влияние, прежде всего, в молодежной среде и, судя по

некоторым высказываниям, в последние годы «Хизб ут-Тахрир» смогла серьезно потеснить салфитов в Дагестане.

В уже упомянутом выше видеобращении Муртазы Али Магомедова, он говорит о том, что «Хизб ут-Тахрир» активно действует в Кизляре, Хасавюрте, Махачкале, Буйнакске и подчеркивает, что *«они очень много распространены в Дагестане»* [19]. Необходимо отметить, что слова Магомедова подтверждаются и другими свидетельствами. Это хорошо видно из обращения «Вопросы к Ассоциации Ахлю сунна» [17].

Текст обращения был распространен на стене социальной сети facebook в группе Дагестанский Комитет противодействия беззаконию и произволу имени Хаджимурада Камалова 23 января 2012 г. и представляет собой, по сути, список претензий к «Ассоциации ученых Ахлю сунна в Дагестане», общественной организации, чьи позиции близки к умеренным салафитам. Автор обращения Гусейн Ахмедов заявляет, что его обращение это *«мнение одного из тысячи мусульман Дагестана, обеспокоенного положением в регионе»*.

Заявление имело большой резонанс в Дагестане, и было опубликовано в махачкалинской газете «Настоящее время» под названием «Хизб ут-Тахрир аль джамаа против Ахлю Сунна». В преамбуле к тексту заявления журналист издания Руслан Гереев пишет следующее: *«Наметившийся раскол в среде мусульман республики только подтвердил в очередной раз позицию тех, кто говорят, что дагестанцы еще не готовы к переменам, тем более к религиозным. Дагестанская умма разделена не только по признаку принадлежности к салафизму или суфизму, но и даже внутри этих конфессиональных направлений ощущается пропасть недопонимания друг друга. На этом фоне заметно укрепились позиции исламского движения Хизб ут-Тахрир аль джамаа в Дагестане, самого ближайшего конкурента Ахлю Сунна на пути абсолютного доминирования в молодежной среде»* [17].

Таким образом, мы видим, что распространение «Хизб ут-Тахрир» на Северном Кавказе может в будущем привести к постепенной маргинализации радикальных салафитов, как это уже произошло в Крыму. Хотя, учитывая, политическую и социально-экономическую ситуацию на Северном Кавказе, это дело весьма отдаленного будущего.

Но гораздо опаснее для радикальных салафитов, в том числе и радикальной их части, позиция «Хизб ут-Тахрир», которая открыто выступает против террористических актов, утверждая, что эти действия ведут только к ухудшению положения мусульман. Более того, в своей идеологической работе члены партии утверждают и то, что Бен Ладен и «Аль-Каида», являются проектами западных спецслужб и истинным смыслом их деятельности является дискредитация Ислама и раскол мусульманской Уммы.

Необходимо также упомянуть и многочисленные публикации членов «Хизб ут-Тахрир» о жизни Мухаммада ибн Абд-аль-Ваххаба, по имени, которого радикальные салафиты получили название «ваххабиты». В этих публикациях, на основании исторических сведений, подчеркивается связь между Абд-аль-Ваххабом и британскими спецслужбами, направленная на ослабление Османской империи и раскол ее на марионеточные государства [21]¹. Тот факт, что подобные заявления звучат из уст членов запрещенной в России партии, имеет гораздо большее влияние на мусульманскую молодежь, чем публикации в официальной прессе или критика салафитской идеологии представителями суфийских тарикатов.

Таким образом, идеологическая работа «Хизб ут-Тахрир» ведет не только к уменьшению влияния радикальных салафитов на Северном Кавказе, но и дискредитирует в целом салафитскую идеологию, а в значительной мере и саму вооруженную борьбу против местной власти в глазах мусульманской уммы Северного Кавказа.

Хотя, за последние годы «Хизб ут-Тахрир» попыталось сделать некоторые шаги для примирения с салафитами, что особенно видно на примере Татарстана, радикальные салафиты продолжают считать «Хизб ут-Тахрир» своим основным идеологическим противником. Так, на салафитском Интернет-сайте «UmmaNews» 10 августа 2012 г. было опубликовано письмо Хамзы, полное нападок и обвинений «Хизб ут-Тахрир» в неисламском образе мыслей, отходе от Ислама и сотрудничестве с кафирами [7].

¹ Автор этой работы – Абдулкадим Заллум (1924-2003), второй амир (с 1977 г.) партии «Хизб-ут-тахрир» и, таким образом, эта работа отражает программные установки партии.

Автор письма, который, судя по некоторым фактам, приведенным в письме, является приверженцем салафитской идеологии из Крыма, значительное место в своем послании посвящает критике позиции «Хизб ут-Тахрир» за отказ от вооруженного джихада. Так, в частности, в письме говорится: *«но когда кафиры разгромили чеченское государство, мы видели, как «Хизб» начал говорить: «Мы же говорили, мы же предупреждали, это не метод». Даже среди своих учеников говорили: «Вот муджахиды осознали, что метод «Хизба» правильный, и уже спускаются с гор, чтобы получить халакаты просвещения».*

Примечательным является и тот факт, что в письме Хамзы идет прямое противопоставление «Аль-Каиды» и «Хизб ут-Тахрир». Автор письма пишет: *«Так кого же боятся кафирские режимы, кто для них сегодня является оппозицией? Это даже ребёнок знает, потому что кафиры это не скрывают. «Аль-Каида» стала набирать влияние во многих уголках исламских земель, и именно муджахиды являются теми, кто так беспокоит кафиры. А «Хизб» только создаёт мнимую картину в лице всемирных героев».*

Отдельное место в письме посвящено и идеологической борьбе «Хизб ут-Тахрир» против радикальных салафитов: *«Что же было дальше: Абду-ль-Кадим Залюм сделал акцент на Турции, и для того чтобы особенно повлиять на турок, написал книгу «Распад Халифата», где оклеветал Шейха Ибн Абду-ль-Ваххаба и его Джихад против власти многобожников, конечно, туркам это было по душе. Этим самым он заложил фундамент нетерпимости к такой позиции, как свержение муртадского режима путём Джихада.... А ребятам из «Хизба» хотелось бы сказать: перестаньте быть марионетками в планах кафиры, не будьте помощниками в удержании молодёжи от позиции Таухида, «Хизб» бросил в ваши сердца нереальную действительность, будьте искренними в своём анализе, и вы увидите настоящее лицо «Хизба» и увидите тех, кто действительно трудится, отдавая все силы, чтобы установить Слово Аллаха. Вы должны поддержать сынов Ислама, сражающихся, не жалеющих свои жизни на Пути Аллаха».*

Какие же методы использует «Хизб ут-Тахрир» для распространения своих идей на Северном Кавказе? По нашему мнению, они абсолютно идентичны методам агитации и пропаганды партии в Крыму. Это – проведение благотворительных акций, приуроченных к мусульманским праздникам, митинги, проводимые под эгидой общественных организаций, распространение партийной литературы и видеоматериалов, частные беседы с местными жителями и дискуссии со своими противниками.

Так, 21 ноября 2011 г., в Махачкале был проведен митинг против незаконного похищения людей. Инициатором митинга стали общественные организации «Союз справедливых», «Ассоциация ученых Ахлю сунна в Дагестане», «Дагестан – территория мира и согласия» [10]. В акции приняло участие до 5 тысяч человек. Члены «Хизб ут-Тахрир» также принимали активное участие в организации митинга, который прошел в Махачкале 25 ноября 2012 г. В этой акции также приняло участие до 5 тысяч человек [11].

Члены партии «Хизб ут-Тахрир» принимали активное участие в организации несостоявшегося митинга в Махачкале, который был назначен на 27 января 2012 г. и даже выпустили специальный видеоролик, который практически весь посвящен пропаганде идей «Хизб ут-Тахрир» [14]. Отказ «Ассоциации ученых Ахлю сунна в Дагестане» от участия в этом митинге, привел к публикации обращения «Вопросы к Ассоциации Ахлю сунна», о котором мы уже упоминали выше.

Если говорить о благотворительных акциях, то стоит упомянуть об организации праздновании Курбан-Байрама в городах и селах Дагестана в ноябре 2011 г. Наиболее крупное мероприятие «Хизб ут-Тахрир» провела в Махачкале, в одном из ресторанов города [8]. Сцена банкетного зала была драпирована баннером, представляющим из себя флаг будущего Исламского Халифата, который используется «Хизб ут-Тахрир» в тех случаях, когда по тем или иным причинам, она не хочет использовать в акциях партийную символику¹. В благотворительной акции приняло участие более 200 человек, вход в по-

¹ Ливаъ (флаг) – материал белого цвета, на котором черными буквами написано «Ля Иляха Илляллах Мухаммад-Ур-Расулюллах», оно вручается амиру или командующему войском, является опознавательным знаком военной базы и вручается амиру лагеря. Раъя – знамя черного цвета, на котором белыми буквами напи-

мещение банкетного зала проходил строго по приглашениям. В этой акции приняли участие представители Муфтията Дагестана, имамы мечетей Махачкалы, республиканские чиновники, а также другие приглашенные лица. После окончания ужина был организован прямой телемост с Меккой, а затем и праздничный салют.

Кроме этой акции, в Махачкале членами «Хизб ут-Тахрир» было организовано мероприятие для детей в одном из центральных парков для Махачкалы, где предоставлялась возможность бесплатно посетить детские аттракционы, а также проводилось бесплатное угощение пловом, который готовили выходцы из Средней Азии [8].

Гораздо более скромная акция прошла в Кизляре в одном из городских кафе. В этом мероприятии приняли участие до ста человек, кроме того, на мероприятии отсутствовали флаги Исламского Халифата. Аналогичные акции прошли и в других городах и селах Дагестана [13].

Обычно, во время проведения таких акций, члены «Хизб ут-Тахрир» внимательно присматриваются к присутствующим, и наблюдают за их реакцией на чтение молитв и проповедей. У тех, которые проявляют интерес, берут контактные данные, и затем начинают работу по ознакомлению их с идеологией «Хизб ут-Тахрир».

Если говорить о традиционных методах агитации, то этот вопрос мы уже в некоторой степени осветили выше на примере полемике членов «Хизб ут-Тахрир» с радикальными салафитами. К этому можно добавить, что для эффективной агитации и пропаганды своих идей, члены партии активно используют видеоматериалы конференций «Хизб ут-Тахрир», которые проводились в Крыму, а также видеозаписи уроков для мусульман, посещающих образовательные кружки партии (халки).

Еще одним средством пропаганды стало распространение в Интернете видеороликов под общим названием «Встреча брата». Общий лейтмотив этих видеороликов заключается в торжественной встрече членов «Хизб ут-Тахрир», которые освободились из мест заключения и торжественных проводов их домой. Обычно видеоролик сопровождается песнями на тему величия Аллаха, верности мусульманина Аллаху и грядущего торжества ислама. Кроме того, во время дороги к дому члена «Хизб ут-Тахрир», используется кортеж машин, украшенных партийной символикой или символикой Исламского Халифата [4].

Появление таких роликов является своего рода ноу-хау «Хизб ут-Тахрир Россия» и имеет большое значение, как в создании позитивного имиджа партии, которая поддерживает своих членов даже в тюрьме, так и в распространении идей партии.

Если говорить о зонах влияния «Хизб ут-Тахрир» в Дагестане, то к таким районам относятся города Кизляр [20], Каспийск [3], Махачкала и вся территория северного и центрального Дагестана. Именно в этих районах члены «Хизб ут-Тахрир» провели в 2013 г., целый ряд акций и мероприятий, которые вызвали широкий резонанс в российских СМИ.

Подведем некоторые итоги. Начало активной работы «Хизб ут-Тахрир» на Северном Кавказе относится к 2000-2001 гг. За прошедшие 12 лет, «Хизб ут-Тахрир», превратилась в третью по значимости и влиянию политическую силу в Дагестане. В этой республике «Хизб ут-Тахрир» уступает по влиянию, хотя и очень значительно, лишь радикальным салафитам и тарикатистам.

По сути, «Хизб ут-Тахрир» в Дагестане прошла тот же путь, что и «Хизб ут-Тахрир» в Крыму, где она появилась в конце 90-х гг. За это время «Хизб ут-Тахрир» смогла полностью маргинализировать салафитские организации в Крыму, а также в значительной степени и представителей т.н. «традиционного ислама» (ДУМК). Нам представляется, что по сходному процессу будет развиваться и ситуация в Дагестане, хотя для того, чтобы выйти на первые места по популярности, «Хизб ут-Тахрир» понадобится и значительно больше времени.

О силе и влиянии «Хизб ут-Тахрир» в Дагестане свидетельствует и тот факт, что прокламации партии зачастую подписываются как «Хизб ут-Тахрир Дагестан», то есть, согласно организационной структуре партии, Дагестан выделен в отдельный регион.

сано «Ля Иляха Илляллах Мухаммад-Ур-Расулюллах». Раья находится у командующего подразделений войска, полка, дивизии [9].

Обычно, подобное происходит по согласованию с амиром «Хизб ут-Тахрир» и связано с ростом влияния и количества членов партии в конкретном регионе или стране.

По нашему мнению, общая численность членов «Хизб ут-Тахрир. Дагестан» может составлять от 500 до 1000 человек. При этом необходимо отметить, что число сочувствующих идеям «Хизб ут-Тахрир» в Дагестане может достигать до 3-5 тысяч человек.

Можно говорить об активном распространении литературы «Хизб ут-Тахрир» и в Ингушетии. Об этом говорится в статье «Хизб ут-Тахрир» освободит Ингушетию?», опубликованной на интернет-портале «GeorgiaTimes.info» [18].

В статье, в частности, сказано следующее: *«Ваххабиты в Ингушетии сдают позиции другим радикалам. Правоохранители нашли в республике приверженцев другого радикального течения ислама – «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», или «Партии исламского освобождения». Среди четверых задержанных в доме, где была запрещенная в России литература этой экстремистской «партии», оказался и бухгалтер правозащитной организации «МАШП» Мурад Яндиев. Впрочем, глава НПО Магомед Муцольгов заявил GTimes, что это было чистой случайностью. А о «Хизб ут-Тахрир» в республике пока никто не слышал».*

Об активной деятельности «Хизб ут-Тахрир» на территории Краснодарского и Ставропольского краев пишет и сотрудник Российского института стратегических исследований (РИСИ) Василий Иванов. В этих регионах, по словам исследователя, работа «Хизб ут-Тахрир» велась в основном среди турок-мешетинцев [5].

Таким образом, можно констатировать, что «Хизб ут-Тахрир» на Северном Кавказе, по состоянию на август 2013 г., имеет очень сильные позиции в Республике Дагестан и активно ведет работу по всему Северному Кавказу.

В заключение необходимо отметить те факторы, которые способствуют успешной работе «Хизб ут-Тахрир» на территории Российской Федерации.

Во-первых, основатель партии «Хизб ут-Тахрир» Такиуддин ан-Набхани не пытался воссоздать политическую и экономическую систему Халифата эпохи Омеядов и Аббасидов, и также маловероятно, что он опирался на ту систему, которую создал пророк Мухаммад в Медине. Хотя бы потому, что последняя так и не была разработана даже теоретически ко времени смерти Мухаммада.

Исламское государство ан-Набхани представляет собой скорее футуристический проект будущего, чем попытку возрождения отжившей политической системы прошлого. В результате можно с большой долей осторожности охарактеризовать идеологию «Хизб ут-Тахрир», как некий вариант исламского социализма.

И в этом контексте, анализируя идеологию «Хизб ут-Тахрир», необходимо отметить, что проект Исламского Халифата представляет собой не возврат в прошлое, а альтернативный вариант развития будущего. Причем, альтернативный вариант как капитализму, так и коммунизму, против которых боролся всю свою жизнь ан-Набхани, но именно благодаря заимствованию из которых и был теоретически обоснован проект Исламского Халифата.

Во-вторых, руководство «Хизб ут-Тахрир» сознательно отказалась от террористической деятельности как средства для решения сиюминутных проблем, что позволило партии избежать жестоких репрессий, которые неизменно обрушивались на радикальные исламские организации.

В-третьих, социально-экономические положения идеологии «Хизб ут-Тахрир» представляют собой некий промежуточный путь между капитализмом и социализмом, что позволяет его сторонникам эффективно критиковать бывший Советский Союз (за преследование религии) и, в то же время, привлекать к себе широкие слои населения обещаниями социальной справедливости и государственной поддержки в будущем Халифате.

Наконец, и это очень важный момент, Такиуддин ан-Набхани осознал главную проблему современного западного (и не только западного) общества: духовную пустоту и одиночество человека и предложил свой собственный путь решения не только социальных, но и духовных проблем современного общества.

Источники и литература.

1. Абд уль-Азиз Взгляд мусульман на внешнюю и внутреннюю политику России. Б.М.И. 2008. 96 с.
2. Абдулмумин о Хизб-ут-тахрир [Электронный ресурс] // Сайт «You Tube». Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=X9CAmNIXNfY>
3. В Дагестане задержаны участники международной террористической организации «Хизб ут-тахрир» // Сюжет Первого канала от 21 июня 2013 г. [Электронный ресурс] // Сайт «Первого канала». Режим доступа: <http://www.1tv.ru/news/crime/235716>
4. Встреча брата, Дагестан. [Электронный ресурс] // Сайт «You Tube». Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=YTVBTThKWQ2Q>
5. Иванов В.В. Турки-месхетинцы в странах СНГ на современном этапе: фактор исламизма // Новое восточное обозрение. [Электронный ресурс] // Сайт «Новое восточное обозрение». Режим доступа: <http://www.ru.journal-neo.com/node/15340>
6. Интервью шабаба Хизб ут-Тахрир Россия. [Электронный ресурс] // Сайт «Хизб ут-Тахрир Россия». Режим доступа: <http://www.hizb-russia.info/index.php/multimedia/video/206-intervyu-shababa-khizb-ut-takhrir-gossiya.html>
7. Исследование: Разоблачение неисламской политики «Хизб ут-Тахрир». [Электронный ресурс] // Сайт «Umma news». Режим доступа: <http://ummanews.ru/articles/8225--1-r.html>
8. Курбан байрам 2011. [Электронный ресурс] // Сайт «You Tube». Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=w779tn-AUm0&feature=related>
9. Ливаъ и Раъя (флаги и знамена). [Электронный ресурс] // Сайт «Халифат – исламское государство». Режим доступа: <http://www.halifat.org/content/view/80/72/>
10. Митинг в Дагестане. Сколько можно терпеть?! 21.11.11 [Электронный ресурс] // Сайт «You Tube». Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=Xp98itafQM&feature=related>
11. Митинг в Дагестане 25.11.11. Иншаалла истина восторжествует! [Электронный ресурс] // Сайт «You Tube». Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=ost8I6kk7As&feature=relmfu>
12. Мусаев Б. Еще раз о "Хизбут Тахрир Ал-Исламия: Вымыслы и действительность. [Электронный ресурс] // Сайт «Центразия». Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1026860940>
13. Праздник в Дагестане. [Электронный ресурс] // Сайт «You Tube». Режим доступа: http://www.youtube.com/watch?v=2dJQ_2G3tbU
14. Пришел весь Дагестан. [Электронный ресурс] // Сайт «You Tube». Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=hxIFZi-dkKg>
15. Так поступают злодеи с искренними учеными // Аль-Ваъй, Бейрут. 2009. № 274. С. 49-50.
16. Хизб ат-Тахрир аль-Исламий (Партия исламского освобождения). Перевели и подготовили Кудаев Ра-сул и Астемиров Анзор. Б.М.Г.И. 2008. - 10 с. [Электронный ресурс] // Сайт «Дом Ислама». Режим доступа: http://d1.islamhouse.com/data/ru/ih_books/single/ru_the_islamic_liberation_party.pdf
17. Хизб ут-Тахрир аль джамаа против Ахлю-Сунна // Настоящее время от 27 января 2012 г. [Электронный ресурс] // Сайт «Настоящее время». Режим доступа: <http://gazeta-nv.info/content/view/7433/>
18. «Хизб ут-Тахрир» освободит Ингушетию? // Georgia Times.info от 6 марта 2012 г. [Электронный ресурс] // Сайт «GeorgiaTimes.info». Режим доступа: <http://www.georgiatimes.info/articles/72867.html>
19. Шейх МуртазаАли о Хизб-ут-тахрир. [Электронный ресурс] // Сайт «You Tube». Режим доступа: http://www.youtube.com/watch?v=_bzB_i38I3w
20. «Экстремистский» флаг или символ Ислама? // Муса Мусаев от 30 апреля 2013 г. [Электронный ресурс] // Сайт «Кавказская политика». Режим доступа: <http://kavpolit.com/ekstremistskij-flag-ili-simvol-islama/>
21. Zallum A. Q. How the Khilafah was Destroyed. L., 2000. 210 p.

АРАБСКИЕ ЖЕНЩИНЫ В АРАБСКОЙ ВЕСНЕ: ГЕНДЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ

Булгова Д.Д.

Украинско-арабский центр научно-культурных связей
«Аль-Китаб» (г. Севастополь)

Вопреки существующему мнению о «закрепощённых мусульманских женщинах» можно сказать, что в отличие от доисламской эпохи, с приходом ислама на Ближний Восток роль женщины в обществе стала значительней – у неё появилось больше прав и свобод. Статус женщины повысился, и это проявилось во всех сферах жизни: от семьи до общественной и экономической деятельности. Женщины получили право иметь, наследовать и распоряжаться личным имуществом; право на образование; работу и т.д. Ислам не запрещает женщинам занимать высокие государственные посты. Некоторые исследователи отмечали, что до XX века мусульманские женщины имели больше прав, чем европейские.

Женщины получили право на участие в политической и общественной жизни, право на выборы. И такое высокое положение женщины в мусульманском обществе было достигнуто не из-за актов протеста и давления со стороны женщин и женских организаций, а благодаря учению Ислама [8].

Ярким примером проявления социальной и политической активности мусульманских женщин стало их массовое участие в демонстрациях, митингах и политических акциях в ходе Арабской весны. Выражая протест и недовольство положением дел в своих странах, на улицы городов многих арабских стран вышли тысячи представительниц слабого пола. Женщины выражали своё мнение и на просторах всемирной сети Интернет, размещали свои посты и блоги.

Так, например, в конце октября 2011 г. йеменские женщины устроили массовую акцию протеста против жестокого подавления правительством народных волнений в стране. Женщины публично сжигали свои хиджабы. Протест их совпал со столкновениями оппозиционеров и правительственных сил. Одновременно с этим протестом в другой части столицы страны г. Саны группа женщин выступала в поддержку президента Йемена Али Абдаллы Салеха. Группа обратилась в представительство ООН с намерением выразить протест в связи с политическим давлением, которое оказывают на главу государства западные страны.

Йеменские женщины сыграли не последнюю роль в восстании против режима президента А. Салеха. Интересно, что именно в Йемене впервые прошли исключительно женские демонстрации, позже таковые проходили и в Сирии. Также необходимо отметить, что это были традиционно одетые женщины, т.е. носящие хиджаб и даже никаб. Но особенно внимание мировой общественности к деятельности женщин в Йемене усилилось после того, как йеменская активистка Таваккул Карман была награждена Нобелевской премией мира «за вклад в дело борьбы за права женщин» [6].

Как известно, Нобелевскую премию мира в 2011 году разделили на три равные части и отдали трем женщинам: президенту Либерии Элен Джонсон-Серлиф, ее соратнице Лейме Гбови и йеменской общественнице Таваккул Карман. Т. Карман уже назвала свою премию наградой «арабской весне» и всем, кто боролся за свободу на улицах [5].

Таваккул Карман – йеменская правозащитница, которая в 2005 году основала движение «Женщины-журналисты без цепей». Движение выступает за права человека, «в осознанности за свободу слова и самовыражения». С 2007 по 2010 год движение Т. Карман регулярно проводила демонстрации и сидячие забастовки на площади Свободы в столице Йемена г. Сана [2].

После того, как в 2011 году в стране начались протесты против правящего режима, Т. Карман проявила активность, организовав авто- и велопробеги в г. Сане, участники которых выступали с осуждением политики действующего президента А. Салеха и его правительства [5].

Сегодня Таваккул Карман является одной из тринадцати женщин – членов совета Шуры (Верхняя палата парламента Йемена) от оппозиционной партии Ислах, и мать троих детей [7].

Ещё одними вполне вероятными кандидатами на получение Нобелевской премии мира 2011 года были египтянка Исраа Абдель Фаттах из молодежного Движения «6 апреля» и блоггер из Туниса Лина Бен Мхенни.

Исраа Абдель Фаттах является египетским интернет-активистом и блоггером, а также сооснователем Молодёжного движения «6 апреля».

Молодёжное движение «6 апреля» было создано в 2008 году, чтобы поддержать бастующих египетских рабочих в г. Эль-Махалля Эль-Кубра. Постепенно эта группа стала популярным в Египте политическим движением.

После ареста в 2008 г. Исраа привлекла внимание нескольких видных печатных изданий к жёсткой государственной политике, став символом противостояния и сопротивления произволу, коррупции и несправедливости.

Исраа Абдель Фаттах вновь проявила себя во время протестов в январе 2011 г., протестуя против режима Х. Мубарака. Она была активна и в Интернете, и сообщала каналу «Аль-Джазира» последние известия от оппозиции.

В октябре 2011 г. она была названа Женщиной года по версии издания «Гламур» [3].

Асма Махфуз – ещё одна из активистов Арабской весны. Уроженка Египта, она также является сооснователем молодёжного движения «6 апреля», членом египетской Коалиции Революционной Молодёжи и одним из лидеров египетской революции.

В 2011 году ей присудили одну из пяти премий Сахарова за «Свободу мысли» с формулировкой «за вклад в исторические изменения в Арабском мире». Издание «Арабский Бизнес» поместило Махфуз на 381 место из 500 самых влиятельных арабов мира [1].

В Тунисе ярко проявила себя блоггер Лина бен Мхенни. Её блог под названием «Тунисская девушка» в 2011 году был признан лучшим в международном конкурсе блогов Th BOBs, проводимом Deutsche Welle. Блог содержит как описание личных переживаний и впечатлений от жизни в Тунисе, так и политической ситуации в стране. Лина бен Мхенни справедливо считается одной из ключевых фигур переворота в Тунисе, начавшегося в декабре 2010 г. и приведшего к отставке президента З.А. Бен Али. Лина и по сей день продолжает следить за политическим развитием общественных институтов в своей стране и пишет о каждодневных проблемах, с которыми сталкиваются её сограждане [9].

Роли женщин и их участие в Арабской весне посвящаются многочисленные блоги и проводятся конференции. Например, тема «Женщина и арабские революции» стала главным предметом обсуждения на 4 интеллектуальном форуме арабских женщин, который в начале октября 2011 года прошел в Каире.

Эксперты, политологи со всего мира, а также представительницы женщин из различных стран Ближнего Востока обсудили положение женщин в странах арабского мира. Особое внимание было уделено существующим стереотипам о роли женщин в исламском обществе, проблеме женского неравенства в сфере образования, профессионального роста и участия в управлении.

Отдельно обсуждалась роль женщин в происходящих на фоне «арабской весны» политических процессах. Несомненно, женщины находятся в самом центре этих процессов [4].

К настоящему моменту, своим активным участием в событиях Арабской весны женщины получили право 50% присутствия в избирательных списках в Тунисе, наравне с мужчинами, причём женские фамилии идут поочередно через одно имя с мужскими, а не в конце списка. В Йемене женщины добились присутствия в Маджлис Аш-шура (верхней палате парламента Йемена). К сожалению, в Египте была отменена так называемая «женская квота». Некоторые эксперты и активисты Арабской весны, высказывают свои опасения относительно того, что все достижения женщин в ходе революций могут кануть в лету и вскоре они утратят всё, чего добились.

Несмотря на это, несомненным является то, что вклад арабских женщин в революционное движение действительно велик и его сложно переоценить, так как они боролись за свои права и перемены в своих странах наравне с мужчинами, ни в чём им не уступая.

Источники и литература

1. Asmaa Mahfouz [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/Asmaa_Mahfouz
2. Finn T. Tawakkul Karman – profile [Электронный ресурс] // The Guardian, Friday 7 October 2011. Режим доступа: <http://www.guardian.co.uk/world/2011/oct/07/tawakkul-karman-profile>
3. Israa Abdel Fattah [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/Israa_Abdel_Fattah
4. Биджамов Р. "Арабская весна" и женская доля [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://rus.ruvr.ru/2011/10/06/58276695.html>
5. Винокурова Е. Женская премия мира [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.gazeta.ru/politics/2011/10/07_a_3793374.shtml
6. Йеменские женщины сожгли свои хиджабы, протестуя против тирана Салеха [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.meta.kz/other/272011-jjemenskie-zhenshhiny-sozhgli-svoi-khidzhaby.html>
7. На заседании Постоянного комитета ПАСЕ в Киеве будут рассматривать ядерную программу Ирана [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://umma.ua/ru/persons/Tawakkul_Karman_simvol_arabskoj_vesni/107
8. Положение и права женщины в исламе [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.islamhouse.com/p/40812>.
9. Террору не время. На арабск. языке (Ирхаб муш вакту) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://atunisiangirl.blogspot.com/>

ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ МУСУЛЬМАНЕ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ИГУМЕН НИКОН (ДЕМЬЯНЮК)

Кизилташский Свято-Стефано-Сурожский мужской монастырь

Анализируя своды законов Российской империи, нетрудно убедиться в том, что отношение к военным служащим мусульманского исповедания со стороны государства было весьма почтительным, если не сказать лояльным и более чем веротерпимым. Или, как бы сейчас сказали, толерантным. Обратите внимание на характер законодательных актов, которыми предписывается правильное и уважительное отношение к гордым горцам и прочим малочисленным народностям, исповедующим ислам, которые уже находятся или поступают на воинскую службу.

В наше время никто и мечтать не может о подобном отношении к лицам любой религиозной конфессии, находящимся на государственной службе. Никакие «демократические» и другие государства в мире не могут сравниться с мудростью законов, отшлифованных веками, человеколюбием и почтением к человеку любой национальности и любых религиозных убеждений, которые жили в Российской Империи совершенно недавно, всего каких-то сто лет назад, и ощущали на себе заботу своего любящего отца – святого государя Императора Николая Александровича Второго, человека, для которого все его верноподданные – дети, были одинаково любимые, ради счастья которых он отрёкся от Престола, находясь под длительным давлением генералов–предателей, убеждавших его в необходимости этого шага, якобы для того, чтобы не пролилась кровь горячо любимых им граждан его Великой Империи. Им и Богу он посвятил всю свою жизнь и силы, да и не только он, а и все его великие предки. Каждый из них внёс свой значительный вклад в дело процветания многонационального государства и благоденствия своих подданных. Давайте внимательно исследуем эти замечательные по своему человеколюбию законодательные акты.

**Правила для обучения горцев, подготавливаемых для службы
в Собственном Его Императорского Величества конвое
в Дворянском полку,
составленные управляющим Главной Императорской квартирой
генерал – адъютантом А.Х. Бенкендорфом в 1829 г.**

Не давать свинины и ветчины. Строго запретить насмешки дворян и стараться подружить горцев с ними. Ружьем и маршировке не учить, стараясь, чтобы горцы охотой занимались в свободное время. Телесным наказаниям не подвергать: вообще не наказывать только при посредстве прапорщика Туганова (прим. Впоследствии – штабс-капитан-офицер Собственного Е.И.В. конвоя), «которому лучше известно, с каким народом как обращаться».

Не заставляя самих чистить своё платье, для чего имеются собственные служители из крепостных. Не запрещать умываться, по обычаю, несколько раз в день. Позволить каждому класть своё оружие и платье возле своей постели, как пожелает. Не воспрещать надевать оружие, а прапорщик Туганов постарается постепенно их от этого отучить. Вне классов позволить курить трубки. Эфпендию разрешить посещать горцев, когда он пожелает, даже в классах. Наблюдать, чтобы во время молитвы горцев дворяне им не мешали.

В свободное от учения время разрешить ездить верхом на своих лошадях, за которыми будет посылать прапорщик Туганов. Не препятствовать свиданию с единоплеменниками. Наблюдать, чтобы не только учителя, но и дворяне насчет веры горцев ничего худого не говорили и не советовали переменять её.

Наконец, разрешить по желанию иметь свои постели». [5, с. 61].

Хотелось бы также предложить рассмотрение текста присяги для мусульман, поступающих на военную службу, поскольку она имеет особую форму и принята на пяти языках, чтобы один из них был известен военному служащему, принимающему присягу: джагатайско-татарское наречие, персидский язык, турецкий язык, арабский язык, азербайджано-турецкое наречие.

Текст присяги

«Я, написавший внизу бумаги сей имя своё, клянусь Господом Всемогущим, в присутствии преславного Корана, произнося клятву: валлахи, билляхи, таллахи (прим. Это важнейший момент клятвы – трехкратное произнесение имени Аллаха с употреблением трёх частиц клятвы, имеющих в арабском языке: ва-, би-, та-), в том, что взял на себя и обязался служить верою и правдою Его Императорскому Величеству, моему Августейшему Владыке и Повелителю, Всемилоостивейшему Императору, Самодержавному Государю всея России Николаю Александровичу, и истинному и природному Наследнику Его Царства, Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу и Великому Князю Алексею Николаевичу, и Им во всём повиноваться; и на службе Их не отступать от пролития крови моей и ради Их не задуматься жертвовать моей жизнью до последнего вздоха; предостерегать и оборонять всеми силами души и тела и всею возможностью моей всё, что относится Самодержавству Повелителя моего, Августейшего Императора, силе и власти Его принадлежащим правам и преимуществам, как существующим ныне и узаконенным, так и тем, которые будут существовать когда-либо; употреблять все мои усилия на исполнение всего того, что потребуют обязанности верного служения Его Величеству, так же как и того, что касалось бы, каким бы то ни было образом, пользы и блага оного. Если же узнаю об упущениях по службе Его Величества или о случае и происшествии, могущих обратиться во вред интересам Его Величества, или хоть сколько-нибудь нанести им ущерб, обязуюсь не только извещать об этом немедленно тех, к кому, по службе, должно относиться подобное уведомление, но также с поспешностью устранять и отвращать их; хранить крепко всякую Государственную тайну, которая бы мне открылась случайно, или доверена была бы мне от Высочайшего Императорского Правительства; исполнять с верностью и честью, надлежащим образом всё, что потребует чин, который бы на меня был возложен, как по сему генеральному обещанию, так и согласно тому, что потребует всякое другое особое и определённое обещание, и наконец, по всем приказам и инструкциям, определённым Именем Его Величества от предустановленных над мною Начальников. Для личной пользы своей, или в видах собственного интереса, или родственника, приятеля, или из личной вражды не делать ничего такого, чтобы было противно требованиям моего долга службы и условиям клятвы моей; во всём вести себя так, как прилично верному слуге и честному подданному Его Императорского Величества, и как я должен буду во всём этом отдать отчёт перед Богом в страшный день судный. Беру Бога Всевышнего и Правого в свидетели сей моей клятвы. Да требует Он с меня в ней отчёта вечно и непрерывно и да лишит Он меня Своего покрова и Своего милосердия, если я не выполню оной. И потому прошу Его послать мне помощь и возможность душевную и телесную для выполнения клятвы сей. И Бог, конечно, есть наше прибежище и Он внемлет молитвам нашим. Закключаю сию мою клятву целованием преславного Корана. Аминь. [7, с. 54-58].

Устав внутренней службы (извлечения)

549. Командиры частей обязаны оказывать содействие своим подчинённым, не исключая и прикомандированных, в исполнении религиозных обязанностей, налагаемых на них их вероисповеданием.

552. Для говения православных назначается неделя; занятия во время говения производятся в часы, свободные от церковных служб; говеющие освобождаются от выполнения очередных нарядов, за исключением нарядов на внутреннюю службу в своей роте; однако и эти наряды, по возможности, должны нести нижние чины других вероисповеданий.

553. В табельные и праздничные дни церковных парадов не производится, и накануне их нижние чины православного исповедания отпускаются в церкви на богослужения порядком, устанавливаемым командирами частей. Командиры частей устанавливают также порядок отправления в церкви своих исповеданий неправославных нижних чинов.

554. Порядок размещения воинских чинов во время богослужения в войсковых церквях устанавливает начальник, в ведении которого находится церковь. Частным прихожанам предоставляется место, остающееся незанятым воинскими чинами.

555. По распоряжению командира части, для наблюдения в церкви за нижними чинами, могут быть назначаемы офицеры.

556. В дни больших христианских праздников все наряды в части должны, по возможности, возлагаться на чинов нехристианских исповеданий. *В свою очередь, чины нехристианских исповеданий (магометане, ламаиты, караимы, евреи и пр.), в дни совершаемого по их вере и обрядам особого богослужения, могут быть освобождаемы от служебных занятий и, по возможности, от нарядов.*

561. Отпевание и погребение умерших должно совершаться по обрядам их религии, с подобающими почестями, руководствуясь Правилами погребения нижних чинов и проектом правил для парадов и церемоний.

Приложение 25-е к ст. 556.

Расписание важнейших магометанских, далай-ламайских, караимских и еврейских праздников, в которых воинские чины означенных вероисповеданий могут освобождаться от служебных занятий для слушания богослужения, совершаемого по обрядам их веры

Магометанские праздники:

Гарафа – на один день

Гайды-Курбан – на три дня

Гашура – на один день

Мавлюдо-Наби – на один день

Рагаиб – на один день

Мигражд-Наби – на один день

Бараэт – на один день

Ляйля-Эль-Кадр – на один день

Гайды-Фитр – на три дня

Примечание: Календари перечисленных праздников, с указанием, на какие месяцы и числа они приходятся, объявляются ежегодно в Циркулярах Главного Штаба [8, с. 176-177, 350-351].

Из этических соображений Государь Император повелел издать Указ от 31 июля 1829 года «О назначении к офицерам Магометанского закона деньщиков из магометан»: *«Государь Император Высочайше повелеть соизволил к офицерам, исповедующим Магометанский закон, назначать деньщиков не иначе, как из Магометан же».* Предлагал на утверждение данный документ Чернышёв Александр Иванович (1785-1857 гг.), граф, затем князь – русский государственный и военный деятель, генерал-адъютант, участник войн с Францией. С 1828 года – Управляющий Главным Штабом и Военным министерством, в 1832-1852 гг. – военный министр. В 1848-1856 гг. – Председатель Государственного Совета. Руководствовался для написания этого документа «Соборным Уложением» 1649 г., где мусульманам не разрешалось иметь в услужении христиан. Эта практика в целом сохранялась до середины XIX века. В пореформенной России на предприятиях мусульман (заводы, фабрики, нефтяные промыслы и др.) начинают появляться, в качестве рабочих и служащих, христиане – русско- и иностранно-подданные.

Особым военным сословием в Российском государстве являлось казачество, игравшее важную роль в охране рубежей страны. Наряду со славянским православным боль-

шинством, в состав различных казачьих войск входили представители других этносов и конфессий. По сведениям переписи 1897 года примерно 45 тысяч мусульман (с семьями) были причислены к штату войскового казачества [2, с.31, 328-331]. Горцы Кавказа служили, в основном, в Донском, Кубанском и Терском казачьих войсках; татары, башкиры, киргизы (т.е. казахи) – в войсках Донском, Уральском, Оренбургском, Семиреченском, Сибирском [5, с.149-151]. Существовали специальные инструкции по обеспечению религиозных прав казаков-мусульман, как, впрочем, всех мусульман-военнослужащих в вооружённых силах России, где предусматривались порядок принятия ими воинской присяги, участия в молитвах, права быть погребёнными по обрядам шариата и т.д. [2, с. 190-253, 262-264, 266].

Важной стороной жизни мусульманской знати была её служба в вооружённых силах России. Десятки мусульман-офицеров и генералов отличились в многочисленных войнах, которые пришлось вести Российской империи. Так, в ходе русско-японской войны 1904-1905 гг. прославились особым героизмом защитники Порт-Артура офицеры Самадбек Мехмандаров и Али Ага Шихлинский, ставшие позже генералами русской армии [1; 3].

ФОРМЫ И РАЗМЕРЫ КАЗЁННОГО СОДЕРЖАНИЯ ВОЕННЫХ, ГРАЖДАНСКИХ, ДУХОВНЫХ ЧИНОВ И СЛУЖАЩИХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Система государственной службы выстраивалась в соответствии с «Табелью о рангах» 1722 г., причём главным было старшинство в чине, а не принадлежность к той или иной конфессии. Поэтому на мусульман-офицеров и гражданских чиновников распространялись практически все виды денежных и материальных выплат, которые они должны были получать в соответствии со своими чинами, должностями и служебным положением. По существующему законодательству, чины православного духовенства были равны в начале XX века следующим воинским чинам: протопресвитер (глава военного православного духовенства) – генерал-лейтенант (3 класс), настоятель военного собора – полковник (6 класс), священник – капитан (9 класс), дьякон – поручик (10 класс). Для не православных духовных лиц, в частности, военных мулл, такая система ранжирования не была установлена. Тем не менее, включенные в штаты государственной службы мусульманские духовные лица имели право пользоваться теми же видами денежного и материального довольствия. В качестве примера, проявляя особое благоволение к ревностному служению, *«Имаму Лейб-Гвардии Крымско-Татарского эскадрона положил: а) состоящему ныне при означенном эскадроне Имамом Мавлюталиеву назначить, согласно заключению Таврического Магометанского Правления, сверх положенного от казны жалования по сорок два рубля девяносто копеек серебром ещё в виде столовых по двести восьмидесяти пяти рублей серебром в год из суммы, собираемой с Татар Таврического полуострова на содержание Лейб-Гвардии Крымско-Татарского эскадрона; и б) производство сих последних денег присвоить и на будущее время должности Имама или Муллы помянутого эскадрона. Таковое положение Военного Совета, в пятый день сего декабря удостоилось высочайшего утверждения»* [4, с.715 (№ 29903)].

Таким образом, мусульманская знать, несомненно, пользовалась покровительственным вниманием со стороны властей и, в целом, достаточно успешно вписалась в систему Российской имперской государственности.

Достаточно упомянуть такой факт: конный татарский полк расквартированный в г. Симферополе, носил имя императрицы Александры Феодоровны (супруги св. престолотерца царя Николая Второго). Военнослужащие данного полка были этому очень рады, поскольку при посещении Крыма Высочайшими особами (члены царской семьи по традиции старались при первой возможности всегда посещать воинские подразделения, которые были названы в их честь), общение с Высочайшими особами поднимало патриотический дух, любовь к многонациональной Родине и её власти, а самое главное – искореняло религиозную нетерпимость, экстремизм, и межнациональную рознь, которой отравлено мышление у наших современников, особенно среди молодёжи.

Тот, кто жил в императорской России, практически не встречал подобного рода явлений, в очень и очень редких случаях являлись на весь мир обиженные, но они были крайне редким исключением из общепринятых правил. Жаль, что веками отточенный механизм, многими поколениями проверенный и не одним поколением людей пережитый опыт межнациональных и межрелигиозных взаимоотношений некому реанимировать в наше время. Немало политиков, которые, ориентируя нас на зловредный "западный опыт", якобы передовой, хотят оторвать нас от своих корней и истории.

Остаётся лишь верить и надеяться, что когда-нибудь Господь пошлёт нам человека, способного опираться на наш отечественный опыт, а не на чужой, и поведёт за собой к процветанию и благоденствию наше Отечество.

Источники и литература.

1. Абасов А.Т. Генерал Мехмандаров. Баку, 1977.
2. Арапов Д.Ю. Ислам в Российской Империи. М., 2001.
3. Ибрагимов С.Д. Генерал Али Ага Шихлинский. Баку, 1975.
4. Казачьи войска. Опыт военно-статистического описания. Сост. Генерального Штаба полковник Хорошихин. СПб., 1888, С. 149-151.
5. Петин С. Собственный Его Императорского Величества конвой. 1811-1911. Исторический очерк. Изд. 2-е. СПб., 1911, С. 61.
6. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2-е, 1855, СПб., 1856, т. 30, Отделение 1-е, С. 715 (№ 29903).
7. Свод военных постановлений 1869 года, Ч.2. Войска регулярные, кн. 6. Комплектование войск и управлений, заведений и учреждений военного ведомства. СПб., 1907, изд. 2-е, с.54-58.
8. Устав внутренней службы 1910 года. СПб., С. 176-177, 350-351.

ДЖИХАДИЙСКИЙ САЛАФИЗМ КАК НОВОЕ ЯВЛЕНИЕ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ

КАНАХ А.М.

Севастопольский национальный технический университет

События последних трех лет на Ближнем Востоке, связанные с народными выступлениями, получившими название «Арабская весна» и приведшими к свержению десятилетиями господствовавших в Тунисе, Египте, Ливии, Йемене режимов, вызвали весьма противоречивые оценки политологов и историков разных стран мира. Противоречивость этих оценок вызвана, на наш взгляд, чрезмерной политизацией в сложившейся ситуации изучения такого сложного и многопланового явления, как исламский фундаментализм, а особенно его радикальных проявлений в современном мире. Как известно, подобная политизация, вне всякого сомнения, вредит истинно научному знанию, мешая специалистам разобраться в столь сложном явлении.

Объективное изучение существующих в современном мире течений, доктрин и организованных на их основе движений радикального ислама осложнено нерешенностью вопроса о терминологии, необходимой для концептуализации этих явлений. Термином «фундаментализм», изначально применявшимся для обозначения процессов, проходивших в XV-XVII веках в христианстве, сейчас называют обычно те же исламские течения и движения, которые другие исследователи обозначают также термином «обновление». Если еще более расширить границы суждения по аналогии, то в этом же смысле можно употребить и термин «салафизм», наиболее адекватно объясняющий это явление, как явление именно исламское. Как уже пояснялось в немалом числе работ ученых, главной семантической составляющей термина «салафизм», происходящего от арабского слова салаф – «предки», является идея возврата к «корням», что, собственно, и делает его «фундаментализмом» в понятном европейцам смысловом ряде. Главной при этом является мысль о том, что на протяжении веков ислам искажался, в него все время привносились новые элементы, в том числе противоречащие исконному исламскому учению. Поэтому, чтобы «очистить» мусульманскую религию, необходимо вернуть ее к тому состоянию, в каком она находилась в эпоху пророка Мухаммеда и четырех «праведных халифов». Эта эпоха, связанная с «корнями» ислама, является для салафитов источником постоянного вдохновения.

Что касается термина «джихадизм», то представляется, что он вполне оправдан для обозначения таких воинственных исламских группировок, которые объявляют священную войну угрожающим исламу и мусульманам неверным, к коим они относят и мусульманских правителей, нарушающих (опять же, по их представлению) постулаты исламской религии. Последователи джихадизма постулируют необходимость свержения правительств в мусульманских странах Ближнего и Среднего Востока и активно используют для достижения этой цели насильственные методы борьбы, включая террористические, как это видно на примерах их деятельности в Египте и Сирии.

«Салафизм» же, по нашему представлению, должен употребляться в качестве общего термина для обозначения всех фундаменталистских течений в исламе (в отличие от термина фундаментализм, это слово относится к явлению, характерному только для ислама). Естественно, что в рамках салафизма могут существовать другие, дробные деления, выделяться те или иные оппозиции (джихадистский – неджихадистский, консервативный – обновленческий и т.п.).

В общем плане, в современном мире можно говорить о трех основных тенденциях развития политического ислама.

Во-первых, это исламские политические движения, основанные на идеологии «Ассоциации Братьев-мусульман», такие, например, как организации братьев-мусульман в

Египте, Алжире, Судане, Иордании, Кувейте, Сирии, Йемене и других странах, а также Партия справедливости и развития в Турции, Марокко. Их главной целью является завоевание политической власти в своих государствах. При этом важным является факт признания в их идеологии права на существование национальных государств. Они имеют четко разработанные политико-экономические программы и не стремятся достичь изменения в политических системах своих государств революционным путем. Главной формой борьбы для них является политическая деятельность в рамках их партий, а также использование своего влияния в профсоюзном движении и различного рода общественных организациях. Их можно отнести к числу организаций умеренного ислама.

Во-вторых, это «Исламский призыв» («Ад-Дава аль-исламия»), который можно классифицировать как классический салафизм). Для сторонников этого течения главным является сохранение исламских ценностей, традиционного исламского образа жизни, противодействие распространению ценностей Запада. В основе их деятельности лежит издание учеными-теологами фетв (постановлений авторитетного знатока ислама) по тем или иным вопросам современной жизни, а также пропагандистская деятельность активных сторонников этого течения, объединяющихся, в свою очередь, в ряд международных и национальных организаций.

К третьей тенденции можно отнести Исламский джихад, который можно разделить на три основных направления:

- внутренний джихад, где борьба осуществляется против своих политических режимов, которые, по мнению джихадистов, отошли от норм ислама, поэтому, они считают их неверными, и обязаны с ними бороться;

- джихад на оккупированных территориях, где власть находится в руках неисламских режимов, однако, поскольку территория эта исламская, то они обязаны ее освободить от власти неверных;

- международный джихад, где борьба осуществляется против Запада и западной цивилизации. На сегодняшний день это самый распространенный вид джихада.

По формам и методам реализации своих теоретических и догматических положений, современный салафизм можно разделить на три основных направления:

- классический салафизм, где, в основном, деятельность направлена на призыв к исламской религии и воспитание нового поколения без отхода от основополагающих норм ислама. При этом не используются насильственные методы;

- реформистский салафизм, который также выступает за сохранение основных норм ислама и противостоит новым западным ценностям, но предлагает осуществлять эту деятельность через оформленные организации и политические партии (при этом, еще в начале XXI века, салафиты категорически отрицали легитимность деятельности в исламском мире политических партий);

- джихадийский салафизм. Впервые деятельность на основе идеи джихадийского салафизма проявилась в 40-х годах XX века в Египте, где отколовшиеся от «Ассоциации Братьев-мусульман» радикалы назвали свою организацию «Шабаб Мухаммед» («Молодежь Мухаммеда») [3]. Главной целью их деятельности явилась организация прямых столкновений с властью в Египте. Хотя у собственно «Ассоциации Братьев-мусульман» Египта прямые столкновения с властью начались только в 1958 году, после организации секретного крыла Исламских братьев «Ат-Танзым аль-хасс». Можно назвать главных членов этой экстремистской организации – Набиль Аль-Бурай, Исмаил Тамтауи, Айман Аль-давагри (встречается также написание Аль-Заухахири, Аль-Завахари) [1]. В 1973 году эта организация раскололась и появилась новая – «Танзым аль-джихад» («Организация джихада») [2, с. 71].

В том же году была создана новая джихадийская община («Аль-фанния аль-аскерия») под руководством доктора Салех Серрия, который считается одним из первых основателей джихадийского движения в исламском мире. Он был первым, кто ввел комплексную теорию по поводу веры и неверия. Можно отметить, что в настоящее время главными идеологами джихадийского салафизма считаются Шейх Аль-ислам Ибн Тай-

мия, Мухаммед Абдельвахаб (Абд Аль-Ваххаб), Саид Котоб (Кутб), Салех Серрия, Абу Кутада, Айман Альдавахери (Аль-Завахери) [2, с. 75].

Если внимательно рассматривать теории джихадийского салафизма, то видно, что они основаны на следующих положениях.

Тавхид – единобожие, гласящее, что бог един, он является создателем всего, только его законы должны применяться, и исполнение других законов, придуманных людьми, считается неверием. Власть принадлежит только ему.

Вера и ислам. Это положение предусматривает разделение понятий «верующие» и «неверующие». Имеется в виду, что признания или даже публичного объявления себя мусульманином недостаточно. По мнению салафитских джихадистов, свою принадлежность к верующим мусульманам надо доказать действием, а противоположное – это неверие. Поэтому салафитский джихадизм делит всех людей, и даже всех мусульман на верующих и неверующих.

Властвование. Это положение считается одной из главных идеологических основ джихадийского салафизма. Согласно ему власть принадлежит только богу, поэтому, все теории и виды власти, такие как демократия, социализм, капитализм, считаются неверием. Здесь можно отметить, что главными идеологами этого положения являются для них Аль-Мавдуди, Саид Котоб (Кутб), которые широко рассматривали в своих работах вопросы власти, и разработали эту проблему очень подробно.

Джахилия (до исламского периода в дословном переводе – незнание, термин, обозначающий доисламский период в истории арабов). Идеологи джихадийского салафизма считают, что эпоха ислама вернулась обратно в этот период, поскольку исламская умма отошла от шариата, ценностей и норм ислама, и необходимо вернуть общество к исламу. В своей книге «Джахилия XX века» [4, с. 91]. С. Котоб (Кутб) утверждает, что все общества в современном мире не верят в единого бога и не исполняют божественные законы, и поэтому, он не видит их развития, а наоборот, без возрождения истинного ислама общество грозит неминуемая гибель [4, с. 88].

Анализируя деятельность по практической реализации этих теоретических основ джихадийского салафизма, можно увидеть следующие основные элементы:

Джамаа – община, организация. Известный идеолог Саид Котоб (Кутб) утверждал, что возрождения ислама нельзя добиться без исламского объединения, и он назвал его кораническим уникальным поколением. В своей книге «Маалем аль-тарик» [5] он использовал некоторые названия, такие как джамаа, талиа (авангард), аль-кайда (основа). Можно обратить внимание, что эти названия в современном мире активно используют джихадийские движения.

Джихад считается самым главным элементом, на котором основывается джихадийское салафитское движение, поскольку они считают его главным инструментом изменения политических систем внутри государства и за его пределами. Также можно отметить, что теория джихада входит и в учение Исламских братьев, так как об этом также упоминал Хасан Аль-Банна – основатель движения, хотя сейчас, на современном этапе, в идеологии «Братьев-мусульман» частично уменьшена роль джихада. Джихадийские салафитские движения считают, что исламский призыв и джихад идут параллельно и не видят поэтому для себя другой стратегии, кроме как бороться и воевать с целью создания исламского государства. При этом, для их теоретических концепций характерно также разделение понятия врага на две составляющих: ближний враг и дальний враг. Ближний враг – это политические режимы в исламских странах, которые не придерживаются в своей деятельности норм истинного ислама (причем норм в их салафитском понимании), дальний – это евреи, американцы, навязывающие свои нормы исламскому миру, и силовым путем осуществляющие контроль исламских территорий. В конце концов, дальним врагом являются все неисламские режимы. При этом интересно, что лидеры и идеологи джихадийских салафитских движений считают, что борьба с ближним врагом для них более приоритетна.

Аль-Веляя (Аль-Уиляя) – подчинение. Джихадисты салафиты должны подчиняться только истинному мусульманскому лидеру, и никогда не подчиняться немусульманину, например, христианину и так далее. Им нельзя подчиняться, с ними надо бороться.

Говоря об истории развития джихадийского салафизма, можно выделить несколько периодов.

Первый – в системе двуполярного мира. Основным событием мировой истории, оказавшим влияние на становление джихадийского салафизма в этот период, стал афганский джихад.

Второй – эпоха однополярного мира, последовавшая после распада СССР.

Третий – после создания Международного исламского фронта борьбы с евреями, крестоносцами, американцами.

Рассматривая причины роста поддержки джихадистов салафитов среди мусульман, следует учесть, что радикальные исламские организации в некоторых случаях заполняют идейно-политический вакуум, к примеру, многие арабы видят в возрожденном исламе альтернативу разбитому арабскому национализму и сошедшим со сцены левым идеологиям.

Во внутриисламском пространстве салафизм можно даже рассматривать как идеологическую оболочку процесса социальной модернизации и выделения индивида из системы клановых связей, до сих пор объединяющих исламское общество. Быстрое социально-имущественное расслоение общества в последние годы, смещение морально-нравственных ориентиров и нарушение процесса социализации наиболее болезненно сказывается на молодых людях, порождая в них протест против устоявшихся, традиционных форм социальной организации и иерархии.

На современном этапе можно увидеть, что джихадийский салафизм выступает как социально-политическое явление, носит экстремистский характер и распространяется быстрыми темпами. Здесь можно отметить основные причины развития в целом идеологии салафизма: это снижение уровня политического и религиозного сознания, тяжелое социально-экономическое положение, отсутствие демократических норм, развитие каналов коммуникаций (спутниковые каналы и социальные сети Интернета). Одной из главных причин является также финансирование со стороны государств, политических элит и других лиц и организаций, использующих эти движения как идеальные политические инструменты. И сегодня мы ярко видим степень их распространения и печальные, а зачастую трагические последствия их деятельности на территории Ирака, Сирии, Сомали, Мали, Нигерии и других стран.

Источники и литература.

1. Айман Завахири. Всадник под знаменем Пророка // Бейрут, 2001, с.106. На арабск. языке (Фурсан тахта райят ан-наби)
2. Марван Шахада. Трансформация салафитского дискурса // Бейрут. 2010. На арабск. языке (Тахауилят аль-хитаб ас-салафий)
3. Рифаат Сейид Ахмад. Вооруженный Пророк // Бейрут, 1991, с.11-27. На арабск. языке (Ан-Наби Аль-мусаллях)
4. Сейид Кутб . Вехи в пути // Каир, 1984, На арабск. языке (Маалим ат-тарик)
5. Сейид Кутб. Джахилия 20 века. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.tawhed.ws/r?i=2ojokkxi>.

СТАНОВЛЕНИЕ РАДИКАЛЬНОГО КРЫЛА ИСЛАМИСТСКОЙ ОППОЗИЦИИ В ИСЛАМСКИХ СТРАНАХ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА

МАРТЫНКИН А.В.

Филиал МГУ в городе Севастополе

К концу XX века в международном исламистском движении объективно и логично сложилось некое "разделение труда", в рамках которого роль разработчика всеобъемлющих идеологических концепций и организатора процесса их реализации на практике политическими методами стала играть "Ассоциация Братьев-мусульман", представлявшая, так сказать, умеренное крыло исламистской оппозиции в мусульманских (прежде всего – в арабских) странах. Образовалось также и радикальное крыло, опиравшееся в своей деятельности на использование, в первую очередь, насильственных методов борьбы. Наиболее яркими представителями этого радикального крыла являются международные экстремистские движения "Аль-Джамаа аль-исламийа" ("Исламская группа") и "Аль-Джихад аль-исламий" ("Исламский джихад").

Деятельности "Ассоциации Братьев-мусульман", особенно в связи с событиями "Арабской весны", уделялось достаточно много внимания как научным сообществом, так и средствами массовой информации. Вопросы возникновения и становления радикального крыла исламистской оппозиции изучены историками в меньшей степени. В то же время, рост активности этого крыла, особенно в таких странах, как Сирия, Ирак, Йемен, да и Египет, делают актуальным рассмотрение вопросов генезиса и становления основных международных движений, явившихся основой этого воинственного крыла и базой создания экстремистского движения "Аль-Каида".

Генезис значительного числа современных экстремистских исламистских организаций и движений пришелся на начало 70-х годов XX века. Так, в 1972 г. от "Ассоциации Братьев-мусульман" отделилась группа "Джамаат аль-муслимин" ("Группа мусульман"). Руководителем группы стал активный деятель движения "братьев - мусульман" Шукри Ахмад Мустафа (впервые был арестован египетскими властями в 1965 г. в связи с заговором "Ассоциации Братьев-мусульман" против правительства Г.А. Насера). Интерес египетских спецслужб эта группа привлекла после похищения и убийства ее членами бывшего министра по делам вакфов шейха аз-Захаби в 1977 году. Интересно, что сам убитый членами группы видный представитель египетского духовенства шейх аз-Захаби ошибочно считал, что "Джамаат аль-муслимин" является ветвью запрещенной в Египте организации "Ат-Тахрир аль-исламий" ("Исламское освобождение"). Эта организация, в свою очередь, ведет свое начало от основанной в 1952 г. в Египте палестинцем Тахи ад-Дином ан-Набахани "Хизб ат-тахрир аль-исламий" ("Партия исламского освобождения"), также отделившейся от "Ассоциации Братьев-мусульман" из-за своих более радикальных взглядов на "освобождение мира ислама от неверных" [22].

По другим источникам, в организацию "Джамаат аль-муслимин" в 1974 г. действительно вошли оставшиеся на свободе члены "Ат-Тахрир аль-исламий". Дело в том, что после вооруженного нападения боевиков "Ат-Тахрир аль-исламий" на военный колледж в Каире в 1974 г. были арестованы и казнены многие активные члены этой группы, в том числе бывший в то время руководителем группы Салих Сария. В связи с активизацией деятельности египетских спецслужб, направленной на полную ликвидацию "Ат-Тахрир аль-исламий", оставшиеся на свободе члены этой группы и вошли в организацию "Джамаат аль-муслимин" [32].

С 1978 г., в связи с запрещением деятельности в Египте организации "Джамаат аль-муслимин" военным трибуналом АРЕ, часть ее членов стала действовать под названием "Ат-Такфир ва-ль-хиджра" ("Искупление и исход"), а ядро организации, как это часто

практикуется исламскими экстремистскими организациями, незначительно изменило свое название, став именоваться "Аль-Джамаа аль-исламия" ("Исламская группа").

В настоящее время "Аль-Джамаа аль-исламия" является международным исламским движением, духовный лидер и "амир" которого контролируют и направляют деятельность отделений движения в различных странах мира.

Благодаря своей активной борьбе (в том числе вооруженной) против продолжающейся оккупации Израилем палестинских земель "Аль-Джамаа аль-исламия" пользуется значительной популярностью и играет весомую роль в политической жизни таких приграничных с Израилем арабских стран, как Ливан и Иордания. В этих государствах деятельность организации не запрещена. Многие руководители движения являются в своих странах известными политическими деятелями. Так, например, глава Консультативного совета "Аль-Джамаа аль-исламия" в Ливане Фатхи Якин в 1997 году был депутатом ливанского парламента [42, 1997, 22 июня. С. 5; 38, 1997, 10 марта. С. 31]. В действующем в настоящее время парламенте Ливана также ряд депутатов избран от ливанского филиала движения "Аль-Джамаа аль-исламия".

Надо отметить, что для расширения своего легитимного присутствия во властных структурах "Аль-Джамаа аль-исламия" использует любые способы, в том числе и такие, как участие членов организации в предвыборных командах кандидатов, придерживающихся диаметрально противоположных предвыборных программ. Цель подобной тактики, согласно информации источника, близкого к руководству организации, состоит в том, чтобы любым путем обеспечить представительство "Аль-Джамаа" в легитимных органах власти. Особенно это характерно для предвыборных кампаний в местные органы власти в таких странах, как Ливан и Иордания [44, 1997, 2 декабря. С. 7].

В Иордании "Аль-Джамаа аль-исламия" входит в число влиятельных исламистских организаций. О степени влияния движения на политическую жизнь страны говорит тот факт, что когда "Ассоциация Братьев-мусульман" Иордании объявила о своем бойкоте парламентских выборов, планировавшихся на ноябрь 1997 г., (этот бойкот был поддержан пятью другими крупными оппозиционными партиями страны), король Иордании Хусейн в августе 1997 г. обратился с предложением начать диалог с исламистами именно к организации "Аль-Джамаа аль-исламия" [42, 1997, 13 августа. С. 1].

Надо сказать, что, имея богатый опыт нелегальной деятельности, "Аль-Джамаа аль-исламия" достаточно эффективно руководит работой своих филиалов даже в тех странах, где существование нелегальных антиправительственных группировок практически невозможно из-за характера правящего режима и активной деятельности силовых структур. Примером этого может служить ливийская "Аль-Джамаа аль-исламия аль-мукатия", которая не просто поддерживала существование организации в условиях жесткого контроля всей жизни общества со стороны властей, но и вела активную борьбу против правящего режима. Боевики этой организации в январе 1997 г. даже организовали покушение на лидера ливийской революции полковника М. Каддафи [42, 1997, 7 февраля. С. 4].

В Алжире движение "Аль-Джамаа аль-исламия" представлено печально известной всему миру благодаря своим бесчеловечным террористическим актам и массовым убийствам мирного населения (противоречащим, кстати, всем канонам ислама) организацией "Аль-Джамаа аль-исламия аль-мусалляха" ("Вооруженная исламская группа" - ВИГ) [36]. Алжирская "Аль-Джамаа аль-исламия аль-мусалляха" окончательно организационно оформилась в январе 1993 г. Причем особенностью этой алжирской исламистской организации является то, что, в отличие от других исламистских организаций и движений Алжира (прежде всего, Исламского фронта спасения [35]), она с самого начала организовывалась именно как "филиал" международного движения "Аль-Джамаа аль-исламия". *«Основу ВИГ составили алжирцы, сражавшиеся в Афганистане против советских войск. ...Они затем участвовали и в межафганских конфликтах после 1989 г., в боях на юге Ливана, а также в Таджикистане, Нагорном Карабахе, Чечне, Боснии»* [21]. Как откровенно заявил один из этих "арабских афганцев" ("афгану ль-араб"), влиятельный член "Аль-Джамаа аль-исламия", редактор издававшейся в Лондоне газеты исламских экстремистов "Аль-Ансар" Мустафа Камиль (псевдоним "Абу Хамза аль-Мысрий") в интервью корреспонденту межарабского журнала "Аль-Васат": *«Я уверен, что исламское государ-*

ство будет. Мы попытались создать его в Афганистане, но этот опыт не удался. Затем мы попытались сделать это в Боснии, но тоже неудачно. После этого мы пытаемся осуществить это в Чечне и в других местах. Сейчас мы надеемся, что это можно будет осуществить в такой стране, как Алжир силами того движения, которое существует в Алжире» [10].

С самого начала "Аль-Джамаа аль-исламия аль-мусалляха" не подчинялась руководству Исламского фронта спасения (ИФС), пытавшегося координировать деятельность всех исламских оппозиционных группировок, организаций и движений Алжира [21]. Более того, после объявления летом 1997 г. руководством ИФС прекращения огня (с целью добиться легитимизации своей политической деятельности), имели место боевые столкновения между отрядами "Аль-Джамаа" и ИФС [42, 1997, 6 августа. С. 6]. Вплоть до настоящего времени "Аль-Джамаа аль-исламия аль-мусалляха" является самой мощной силой алжирской исламистской вооруженной оппозиции. Следует особо отметить, что названная народу Алжира извне организация "Аль-Джамаа аль-исламия аль-мусалляха" является самой непримиримой исламистской организацией в стране, ставящей, согласно общей концепции международного движения "Аль-Джамаа аль-исламия", своей конечной целью в Алжире построение исламского государства как переходного этапа в глобальном процессе возрождения исламского халифата. Являясь бесспорным лидером по жестокости своих методов, алжирская "Аль-Джамаа" внесла свой кровавый вклад в страшные цифры жертв, погибших в стране в ходе противостояния государственных структур с исламистской оппозицией. По официальным данным, опубликованным в январе 1998 г., с января 1992 г. по декабрь 1997 г. в Алжире в противостоянии с исламской оппозицией погибло 26536 человек (не считая самих представителей исламской оппозиции), ранено было 21137 человек. Согласно оценкам западных специалистов, число погибших мирных жителей и правительственных военнослужащих за этот период составляет не менее 60 тыс. человек. По оценкам международных правозащитных организаций, эта цифра составляет никак не менее 80 тыс. человек. А оппозиционные правительству легально действующие политические партии Алжира считают, что в действительности погибло не менее 100 тыс. мирных жителей [42, 1998, 23 января. С. 4].

Как видно из вышеизложенного, в арабских странах "филиалы" "Аль-Джамаа аль-исламия" легально действуют только в Ливане и Иордании. В других арабских странах, включая Египет (египетская организация движения традиционно считается "головной"), это движение запрещено и действует нелегально. Интересно, что лидеры движения находятся, как правило, либо в Афганистане и Судане, либо, как это ни парадоксально, в обьивших борьбу терроризму странах Западной Европы.

Согласно заявлению министерства внутренних дел Египта от 22 февраля 1997 г., за границей страны находились 153 числившихся в розыске исламских экстремиста (23 из них уже были осуждены заочно судом военного трибунала АРЕ). В заявлении также указывалось, что эти террористы скрываются на территории 14 стран мира, а именно: в США, Великобритании, Италии, Германии, Австрии, Швейцарии, Нидерландах, Дании, Боснии, Хорватии, Пакистане, Судане, Йемене и Катаре [42, 1997, 23 февраля. С. 5]. Среди этих стран не был назван Афганистан, поскольку вышеупомянутое заявление было сделано с целью добиться от правоохранительных органов указанных выше стран выдачи конкретных террористов согласно представленным министерством внутренних дел Египта официальным запросам. В Афганистане же подобные запросы просто никто бы серьезно не рассматривал. В результате активной деятельности египетских министерств иностранных и внутренних дел, уже в 1997 г. удалось добиться выдачи исламских экстремистов правительствами арабских стран (кроме Судана) и Пакистана. Так, активный деятель "Аль-Джамаа аль-исламия" Адам Нух, несмотря на его британскую визу и утверждения о том, что он является гражданином Великобритании, был арестован в Пакистане и, по состоянию на июль 1997 г., содержался в центральной тюрьме г. Пешавара в ожидании передачи его египетским властям [42, 1997, 4 июля. С. 4].

Активисты "Аль-Джамаа аль-исламия" в европейских странах не просто скрывались на правах политических беженцев, но и вели активную деятельность порой далеко не гу-

манитарного характера. Именно в странах Западной Европы приобреталось и приобретается оружие для боевиков движения в Алжире и других странах, издается пропагандистская и подрывная литература, добываются финансовые средства для деятельности движения (в том числе путем торговли наркотиками). Одновременно ведется пропагандистская деятельность, направленная на привлечение в ряды движения мусульман, являющихся гражданами европейских стран. Так, 28 – 29 июня 1997 г. "Аль-Джамаа аль-исламия" впервые организовала в австрийском городе Линц для мусульман Австрии, Германии и Швейцарии (в том числе немецкоязычных) конференцию под названием "Мусульмане встречаются с мусульманами". На конференции были прослушаны лекции: "Ислам... почему?", "Исламская женщина и ее трудности в западном обществе", "Исламское единство" [42, 1997, 26 августа. С. 10]. Для пропаганды своих идей движение имеет свой печатный орган – газету "Аль-Муджахидун" ("Муджахеды"), которая издается в Швейцарии и распространяется затем в других странах мира [23].

Примечательно, что европейские страны, так ратующие за борьбу с международным терроризмом до событий 11 сентября 2001 года, как правило, пасовали перед такими террористическими движениями, как "Аль-Джамаа аль-исламия" и "Аль-Джихад аль-исламий", отказываясь выдавать лидеров этих движений Египту и другим арабским странам. Так, когда египетское министерство внутренних дел потребовало от Хорватии выдать арестованного властями Хорватии в сентябре 1995 г. пресс-секретаря "Аль-Джамаа аль-исламия" Талаат Фуад Касим, хорватские власти оставили арестованного в своей тюрьме, а затем появились сведения о его таинственном исчезновении из страны. Этой детективной истории с отказом от выдачи и последующим таинственным исчезновением предшествовала угроза "Аль-Джамаа аль-исламия" нанести *«удары по интересам Хорватии в регионе и во всем мире»* в случае выдачи Египту пресс-секретаря движения. Серьезность этой угрозы была подтверждена взрывом полицейского участка в хорватском г. Риека (один человек был убит и около 30 получили ранения). Исполнители этого теракта были, как утверждают арабские средства массовой информации, из числа тех членов движения, которым хорватские власти разрешили использовать территорию страны в качестве перевалочного пункта по пути в Боснию, где они участвовали на стороне боснийских мусульман в боях с сербами [16]. С подобными угрозами в адрес западных государств члены движения выступали не раз.

Другим международным исламистским экстремистским движением, образовавшимся в результате отделения от "Ассоциации Братьев-мусульман" в начале 70-х годов является "Аль-Джихад аль-исламий" ("Исламский джихад") [30; 33].

Согласно версии, которой придерживается и которую распространяет само руководство "Аль-Джихад аль-исламий", первая группа, основанная на идее "джихада", появилась еще в 1958 году в Египте. Возглавлял ее некий Набиль Барьи, к которому присоединились такие известные сейчас среди исламских экстремистов личности, как Исмаил Тантави, Мухаммад аш-Шаркави, Иман аз-Заухири и Альва Мустафа. Эта группа отвергла идеи умеренных "братьев-мусульман" об "исламской работе" и построила свою идеологию на основе трудов средневекового исламского богослова Ибн Таймийа. К 1967 году произошло их организационное оформление. Члены группы приступили к сбору оружия и тренировкам по его использованию. Примерно в это же время к группе присоединились несколько египетских офицеров, среди которых был создатель исламистской организации в рядах египетских ВС майор Ассам аль-Камри [3, с. 182].

По мнению большинства исследователей, не являющихся членами движения "Аль-Джихад аль-исламий", первоначальное организационное образование с таким названием возникло в 1974 году, когда на основе идеи джихада и создания исламского государства объединились несколько десятков исламских экстремистских групп, которых во время правления в Египте "правоверного" президента А. Садата насчитывалось по различным данным от 30 до 40 [3, с. 182]. Однако, из-за достаточно большой организационной аморфности, арабские исследователи называют это первоначальное образование не "организацией", а "течением". Окончательное организационное оформление произошло

только в 1979 году, когда в единую организацию под наименованием "Аль-Джихад аль-ислами" слились три экстремистские группы.

Первая из них возникла в конце 1975 года, когда в состав группы, называвшейся "Фасыль джихади", возглавлял которую Яхья Хашим, вошли Ассам аль-Камри и Иман аз-Зауахири, а также группа исламистов из г. Александрия (около 30 человек). Объединяющим фактором послужила идея о невозможности установления "исламского режима" мирным путем и вытекающая из этой идеи необходимость внедрения в силовые структуры с целью совершения военного переворота в стране. Уже в том же году "Фасыль джихади" попыталась организовать налет на тюрьму, в которой отбывал наказание лидер организации "Ат-Тахрир аль-ислами" ("Исламское освобождение") Салих Сария, арестованный после вооруженного нападения боевиков "Ат-Тахрир аль-ислами" на военный колледж в Каире в 1974 году. Однако попытка освобождения не удалась. Более того, сам Яхья Хашим погиб, скрываясь от полиции в горах.

Вторая группа была образована в 1977 году двумя избежавшими ареста членами организации Салиха Сария – студентом университета "Аль-Азхар" иорданцем Салимом ар-Раххаль и Хасаном аль-Халяви;

Третья группа, руководил которой Ибрагим Салам, возникла в г. Александрия примерно в то же время, что и вторая. После ареста И. Салама руководство группой перешло в руки одного из главных идеологов будущей "Аль-Джихад аль-ислами" Абд ас-Салама Фарага.

Все три группы в 1979 году объединились в организацию "Аль-Джихад аль-ислами" с целью подготовки покушения на президента Египта А. Садата.

После объединения трех вышеупомянутых групп в единую организацию, были, во многом благодаря усилиям Абд ас-Салама Фарага, налажены связи с более мелкими разрозненными группами "течения" "Аль-Джихад". С целью превращения "течения" в цельную боеспособную общенациональную организацию, были *«сформированы руководящие органы – Совет улемов (Маджлис аль-улама) и Консультативный совет (Маджлис аш-шура). К "Аль-Джихад" присоединились и небольшие самостоятельные экстремистские группы, с лидерами которых А. Фарагу удалось войти в контакт»* [8].

Позднее для подготовки покушения на А. Садата организация "Аль-Джихад аль-ислами" вошла в союз с "Аль-Джамаа аль-исламия" и "Ат-Такфир ва-ль-хиджра" [3, с. 184]. Планировалось, что убийство президента послужит сигналом для начала массовых выступлений исламистов и захвата власти в стране. При этом предполагалось, что выступления будут поддержаны массой верующих, и переворот примет характер исламской революции в Иране 1978-79 годов. Интересно, что подобного сценария придерживались и организаторы покушения на президента Узбекистана И. Каримова, и серии взрывов в г. Ташкенте в 1999 году.

Мысль об организации покушения на А. Садата именно во время военного парада 6 октября появилась у одного из активных членов "Аль-Джихад аль-ислами" лейтенанта артиллерии Халеда Ахмада Шауки аль-Исламбули 24 сентября 1981 года, когда он получил приказ своего армейского командира об участии в параде. На следующий день он сообщил о своей идее Абд ас-Саламу Фарагу. Уже 26 сентября была создана ударная группа, в которую, помимо Х. аль-Исламбули, вошли бывшие офицеры Абд аль-Хамид Абд ас-Салам Абд аль-Ааль и Атта Тайель Хемейда Рахейль, а также инструктор гражданской обороны Хусейн Аббас Мухаммад. 27 сентября члены организации "Ат-Такфир ва-ль-хиджра" передали для ударной группы "Аль-Джихад аль-ислами" четыре гранаты, пистолет и 120 патронов к автомату Калашникова. Факт создания и вооружения ударной группы в столь короткий срок свидетельствует об имевшихся заранее согласованных с руководством "Аль-Джамаа аль-исламия" и "Ат-Такфир ва-ль-хиджра" планах по организации покушения в случае возникновения подходящих условий, а также о высокой степени организованности этих организаций. Кроме того, за короткий срок, оставшийся до покушения, были созданы группы боевиков, которые должны были совершить нападения на ряд полицейских участков в Каире, Асьюте и других городах Египта с целью захвата оружия и подъема общенародного восстания.

Первую часть плана, то есть убийство президента А. Садата, удалось выполнить, правда, при этом трое членов ударной группы были схвачены на месте покушения, а четвертый арестован уже через два дня. А в остальном экстремистам удача не сопутствовала. Все остальные разрозненные выступления были довольно быстро подавлены силовыми структурами АРЕ. Только в г. Асьют группе боевиков "Аль-Джихад аль-ислами" численностью более 50 человек под командованием руководителя военного крыла организации полковника Абуда аз-Зумра удалось более суток продержаться в бою с армейскими подразделениями. Причем, последние, по разным данным, потеряли в этом бою убитыми от 44 до 100 военнослужащих [3, с. 116-117]. В течение месяца после этих событий в Асьюте силы безопасности потеряли еще 45 человек убитыми и 65 ранеными, что говорит о том, что сопротивление исламистских экстремистов правительственным силам удалось сломить не сразу.

По всему Египту силовые структуры проводили аресты членов исламистских экстремистских организаций. Всего по делу "Аль-Джихад аль-ислами" было арестовано около 2 тыс. экстремистов. В ходе суда над 24 активистами "Аль-Джихад", обвинявшимися в организации покушения на президента А. Садата, пятеро были приговорены к смертной казни, 17 – к каторжным работам, и двое были оправданы (в том числе духовный лидер "Аль-Джамаа аль-исламия" О. Абдеррахман) [3, с. 116-117].

Надо отметить, что распавшаяся на некоторое время в связи с активизацией анти-террористической деятельности полиции и сил безопасности после покушения на А. Садата организация "Аль-Джихад аль-ислами" вновь своим распадом породила "течение" "Аль-Джихад", многие группы которого существовали затем совершенно независимо от самого движения "Аль-Джихад аль-ислами". Среди них можно назвать группу Таха ас-Самави, которая организовывала поджоги кинотеатров и видеоклубов (силы безопасности АРЕ разгромили ее в 1986 году), группу Ассама Мухаммада Ахмада, шейха Ахмада Юсефа и др. [3, с. 184].

После покушения временное объединение трех крупных экстремистских организаций распалось. "Аль-Джамаа аль-исламия" во главе с О. Абдеррахманом и "Ат-Такфир валь-хиджра" продолжили свою деятельность независимо друг от друга и от "Аль-Джихад аль-ислами". Во главе той организации, которая сохранилась на месте "Аль-Джихад аль-ислами" после ее почти полного разгрома силами безопасности, полицией и армией Египта, встал находившийся в египетской тюрьме Абуд аз-Зумр.

В основу идеологии движения "Аль-Джихад аль-ислами" были положены труды ведущего идеолога "Ассоциации Братьев-мусульман" Сайида Кутба, в частности, такие его книги, как "Фи зыляль аль-Курыан" ("Под сенью Корана") и "Маалим фи-т-тарик" ("Вехи в пути"), в содержании которых принцип "исламского джихада" занимает ведущее место. Этот принцип составляет основу платформы политического исламистского экстремизма – явления, ставшего одним из основных факторов политической и социальной напряженности не только в Египте, но и в других исламских странах. Обе книги были опубликованы после выхода С. Кутба из тюрьмы в 1964 году и сразу же вызвали бурные дискуссии среди членов "Ассоциации Братьев-мусульман" [3, с. 182]. В результате споров члены "Ассоциации" разделились. Как выразился бывший лидер "братьев-мусульман" О. ат-Тильмисани, *«в то время как некоторые "братья-мусульмане" решили молча переносить страдания под гнетом угнетателей, другие приняли решение перейти к самостоятельным действиям»* [8]. Здесь необходимо подчеркнуть, что, несмотря на разногласия, все они продолжали считать себя членами "Ассоциации Братьев-мусульман". Организационное разделение произошло только в начале 70-х годов, когда возникли первые небольшие группы исламских экстремистов, которые послужили ядром "Аль-Джихад аль-ислами" и "Аль-Джамаа аль-исламия".

Впервые в стройном виде идеологическая концепция движения была изложена в 70-е годы в книге теоретика "Аль-Джихад аль-ислами" Мухаммада Абд-ас-Салям Фарага "Аль-Фарида аль-гайба" ("Забытый долг"). В ее основу положено расширенное толкование понятия "джихад" (священной войны с неверными), восходящее к толкованию Корана средневековым арабским теологом Ибн Кафиром (1369 г.) и к фетве известного факиха

Ибн Таймийа (1327 г.), позволяющим мусульманам вести "джихад" против мусульман, если последние действуют во вред исламской "умме". Это положение было затем "адаптировано" к современным условиям С. Кутбом в его книге "Маалим ат-Тарик" ("Вехи в пути"). С. Кутб считал, что любой правитель в исламской стране является лишь наместником Аллаха и, поэтому, должен руководствоваться в своей деятельности исключительно Кораном, Сунной и положениями шариата. Те же правители в исламских странах, которые не делают этого, должны быть свергнуты как "неверные" ("кяфиры"), ввергающие своими поступками в язычество всю страну. Отталкиваясь от этого положения, А. Фараг считал, что главной целью деятельности "Аль-Джихад аль-ислами", как и "братьев-мусульман", является создание исламского государства, но создание этого государства возможно только путем "джихада" (в расширительном толковании Ибн Кафира, Ибн Таймийи и С. Кутба предполагающем борьбу и с "неверными" мусульманами). Говоря о современном состоянии общества в исламских странах, А. Фараг подчеркивал, что мусульмане забыли, в чем состоит смысл их существования (в построении царства Аллаха на земле), забыли свой священный долг (бороться за создание этого царства) и, поэтому, их задачами должны быть осознание своей неверности и неверности других (такфир), уход от "язычества" (хиджра) и затем уже они должны встать на путь "джихада", путь очищения своих стран от "неверных" правителей и их пособников. Только таким образом, по мнению А. Фарага, можно создать на базе современных арабских стран единое исламское государство [2].

Таким образом, основными исходными положениями идеологической платформы движения являются:

- "неверность" современных представителей власти и необходимость в связи с этим восстания мусульман против своих "неверных" правителей;

- обязательность для всех истинных мусульман ведения священной войны – "джихада" – с целью установления на земле "власти Аллаха" и отрицание любых других форм и способов построения "царства Аллаха на земле" [3, с. 185].

В дальнейшем различные аспекты идеологической платформы "Аль-Джихад аль-ислами" развивались и в других трудах лидеров движения, из которых наиболее авторитетными являются: "Фальсафат аль-муагаха" ("Философия противостояния") Тарика аз-Зумра и "Вафикат аль-джихад ва маалим аль-амаль ас-саурий" ("Декларация джихада и вехи революционной работы"), "Минхадж аль-джихад" ("Путь джихада"), "Бахс фи-ль-хакияма" ("Поиск хакиямы") Ассама Касима.

Исходя из положений идеологической платформы движения, его лидерами была разработана и соответствующая стратегия борьбы в арабских и других исламских странах. Так как правитель страны со своим государственным аппаратом и законодательной базой является наиболее важной цементирующей частью общества, то захват этого поста со всей его периферией членами "Аль-Джихад аль-ислами" явится началом построения действительно правоверного исламского государства. *«Только победа и захват власти дадут нам приверженность народа»*, – писал Абд ас-Салам Фараг [8]. Поэтому суть стратегии движения состоит в том, чтобы, опираясь на разветвленную сеть тщательно законспирированных ячеек, проникнуть в аппарат государственного управления и в силовые структуры страны. Подготовить захват власти, совершить государственный переворот, и затем, уже обладая всей полнотой власти, начать создание исламского государства.

Исходя из основных стратегических положений строится и тактика "Аль-Джихад аль-ислами" в исламских странах, в которой ведущее место занимают покушения на видных политических деятелей государства. Так, как уже рассматривалось выше, одной из первых успешных акций движения было убийство в 1981 году президента АРЕ А. Садата. Несмотря на то, что в подготовке к этому покушению участвовали "Аль-Джамаа аль-исламия" и "Ат-Такфир ва-ль-хиджра", на процессе, проходившем в Каире в конце 1982 - начале 1983 годов, обвинение выдвигалось именно против членов "Аль-Джихад аль-ислами" [6]. Движение несет также ответственность за убийство министра внутренних дел Египта Хасана Аль-Аляфи в августе 1993 года и премьер-министра Атефа Сидки в ноябре 1993 года. В 90-е годы членами движения осуществлялись также многочисленные покушения на руководителей полиции и сил безопасности Египта, хотя такие покушения

на представителей среднего и низшего звена силовых структур являются больше специализацией "Аль-Джамаа аль-исламия".

После покушения на А. Садата и последовавших за ним выступлений членов "Аль-Джихад аль-ислами" и других исламистских организаций, власти развернули широко-масштабную кампанию арестов. Пытаясь избежать полного разгрома остатков организации силами безопасности, армией и полицией Египта и осознавая, что невозможно вести борьбу с властями в той или иной стране без постоянных источников финансирования, руководство "Аль-Джихад аль-ислами" организовало массовую эмиграцию членов организации за границу. С появлением "филиалов" в других странах организация преобразовалась в движение. Сначала движение "Аль-Джихад аль-ислами" достаточно четко разделилось на две больших части. Меньшая часть, "амиром" которой остался А. аз-Зумр, продолжала действовать на территории Египта. Большая часть во главе с принявшим полномочия "амира" движения доктором Фаделем оказалась за пределами Египта. Надо сказать, что эмиграция преследуемых в Египте членов движения проходила маршрутом, налаженным исламскими экстремистами после начала войны в Афганистане [24; 25]. Парадоксально, что члены движения, организовавшего и осуществившего убийство А. Садата, бежали из страны путем, к созданию и "отладке" которого сам бывший президент АРЕ был в достаточной степени причастен. Ведь именно А. Садат на официальном уровне санкционировал оказание афганской исламской оппозиции помощи, в том числе создание на египетской территории лагерей подготовки афганских "моджахедов". Вообще, Египет при А. Садате из всех арабских стран, осудивших советское вторжение в Афганистан и однозначно поддерживавших США в их помощи "моджахедам", проявил наибольшую активность. Он оказывал им и финансовую и чисто военную помощь [5; 15].

Одним из основных маршрутов эмиграции из Египта членов "Аль-Джихад аль-ислами", да и других экстремистских движений и организаций, был следующий. Сначала члены движения выезжали в одну из арабских стран Персидского залива, как правило, это была Саудовская Аравия. Оттуда, зачастую под видом сотрудников благотворительных организаций, члены движения перебирались в Пакистан, где они находили "приют" и "работу" в лагерях подготовки арабских "моджахедов", контролируемых либо "Аль-Джихад аль-ислами" ("Сада" в окрестностях Пешавара, "Аль-Каддисия" вблизи Джелалабада), либо У. Бен Ладеном (наиболее известен лагерь "Каида", название которого стало позднее и названием созданной им международной террористической организации). Здесь необходимо отметить, что после ввода советских войск в Афганистан, известный исламский экстремист, лидер палестинского "филиала" "Ассоциации Братьев-мусульман" "Абдаллах Аззам создал на территории Пакистана в Пешаваре "Бюро обслуживания" ("Мактаб аль-хидамат"), через которое производилось распределение "рабочих мест" среди наемников и добровольцев в соответствии с потребностями воюющих афганских группировок... Бюро имело своих агентов по всей территории Афганистана. Через него же шла огромная финансовая поддержка моджахедов, поступающая из арабских стран, в первую очередь, из богатых нефтью государств Персидского залива. Ему также удалось установить прямые контакты с исламскими центрами в США и Западной Европе, которые оказывали моральную, материальную и финансовую помощь афганской оппозиции [15]. "Бюро обслуживания" располагало офисами не только в исламских, но и в европейских странах, а также в США (в Бруклине и Детройте), где его деятельность поощрялась администрацией президента Рейгана [4]. В то время подобные организации были нужны США, и они активно поддерживали их. Организацию отправки арабских и других наемников в Афганистан для ведения "джихада" против афганского правительства и контингента советских войск в этой стране курировало ЦРУ США [27]. По некоторым данным, на вербовку, оснащение, вооружение, содержание и подготовку исламских "борцов за веру" ЦРУ затратило за эту войну более 6 млрд. долларов [29]. Одному только Г. Хекматьяру, в отрядах которого, в основном, и воевали боевики "Аль-Джамаа аль-исламия" и "Аль-Джихад аль-ислами", спецслужбами США было передано оружия, боеприпасов и военного снаряжения на сумму более одного миллиарда долларов [29]. Чтобы более точно оценить вклад "Бюро обслуживания" в деятельность сил исламской оппозиции в Аф-

ганистане, надо учитывать, что в течение 80-х годов в Афганистане провели по два месяца в боях 6 – 7 тысяч молодых арабов, а число арабов, участвовавших в войне более года, составило около тысячи человек [15]. Всего же обучение и боевую практику в Афганистане прошли более 10 тысяч арабов. Более 4,5 тысяч – из Саудовской Аравии, около 3 тысяч – из Алжира, около 2 тысяч – из Египта, а также по несколько сотен человек из Йемена, Судана, Сирии и других арабских стран. Многие из них были членами исламских экстремистских движений и организаций. Другие поехали в Афганистан под воздействием пропаганды агитаторов этих движений, в том числе и "Аль-Джихад аль-ислами". Попав в Пакистане и Афганистане под непосредственный контроль лидеров "Аль-Джихад аль-ислами" и "Аль-Джамаа аль-исламия", они становились членами этих движений, даже если до этого они таковыми не являлись. Таким образом, лагеря арабских "моджахедов" в Пакистане и Афганистане стали своеобразной кузницей кадров для экстремистских движений.

С середины 80-х годов активное участие в руководстве работой "Бюро обслуживания" принимал и ученик Абдаллаха Аззама У. Бен Ладен. В Афганистане У. Бен Ладен имел возможность достаточно близко познакомиться с такими влиятельными в будущем членами исламских экстремистских движений, как Ахмад Хасан Абд аль-Галиль (позднее вплоть до 1994 года он являлся "амиром" "Аль-Джамаа аль-исламия"), Мухаммад Шауки Исламбули, Абдель Ахер Хаммад, Рифаи Ахмад Тах, Мустафа Хамза, которые занимались вербовкой, отправкой и подготовкой арабских "моджахедов". Но особенно близко У. Бен Ладен сошелся в Афганистане с будущим "амиром" "Аль-Джихад аль-ислами" И. аз-Зауахири, и это не удивительно, учитывая их постоянное взаимодействие в Афганистане и Пакистане и проживание в одних и тех же лагерях.

После падения правительства Наджибуллы в апреле 1992 года, арабские "моджахеды" в ряде случаев оказались втянуты в междоусобные бои лидеров бывшей исламской оппозиции. Одновременно значительно сократилась финансовая помощь "моджахедам" со стороны США, западных и исламских стран. В связи со сложной обстановкой, сложившейся в Афганистане и резким сокращением финансовых средств, многие "арабские афганцы" вернулись в свои страны, став в них сразу же авангардом "Аль-Джихад аль-ислами" и "Аль-Джамаа аль-исламия". Возвратившись в свои родные страны, они значительно усилили местные "филиалы" этих движений, одновременно сделав их деятельность намного радикальнее и агрессивнее. Так, в феврале 1994 года иорданские "Афган аль-араб" ("Арабские афганцы") организовали взрывы в кинотеатрах в столице Иордании Аммане и городе Аз-Зарка (30 км северо-восточнее Аммана). Взрывы были организованы таким образом, чтобы после них в кинотеатрах начались сильные пожары. В состав взрывного устройства входило 200 грамм мощной взрывчатки и более двух литров ацетона. По обвинению в причастности к взрывам были арестованы 22 человека, еще троим обвиняемым (иорданцу Яхья ас-Сауарика, гражданину Омана Мухаммаду Ахмаду аль-Хариси и саудовцу Мухаммаду Джамалю Халифа) удалось скрыться. В ходе процесса по этому делу, проходившему в Аммане летом – осенью 1994 года, выяснилось, что финансирование организации "Арабских афганцев", являвшихся в большинстве своем членами "Аль-Джихад аль-ислами", осуществлял гражданин Саудовской Аравии близкий к У. Бен Ладену Мухаммад Джамаль Халифа. На этом примере видно, что уже в первой половине 90-х годов саудовский мультимиллионер У. Бен Ладен финансировал акции фундаменталистских экстремистских движений и организаций в странах арабского мира [42, 1994, 28 августа. С. 2; 40, 1994, 8 сентября. С. 23; 41, 1994, 29 августа. С. 19].

Часть арабских "моджахедов" не смогла или не пожелала возвращаться. В 1996-1997 годах численность "арабских афганцев" на территории Афганистана все еще составляла не менее 6 тысяч человек, на территории Пакистана (в районе Пешавара) – около 3-х тысяч. Находясь на территории Пакистана, члены "Аль-Джихад аль-ислами" продолжали активную деятельность, в том числе, направленную против интересов Египта. Так, в ноябре 1995 года движение "Аль-Джихад аль-ислами" взяло на себя ответственность за взрыв египетского посольства в Пакистане [42, 1999, 9 сентября. С. 3]. В результате взрыва погибло 16 человек [42, 1998, 31 октября. С. 4].

В условиях междоусобной борьбы лидеров бывшей исламской оппозиции боевики "Аль-Джихад аль-ислами" в Афганистане оказались под угрозой быть втянутыми в бои между соперничающими афганскими группировками. Стремясь вывести из под удара различных противоборствующих сил членов движения и одновременно расширить возможности базирования и финансирования, ставший "амиром" И. аз-Зауахири в 1992 году принял решение послать по одной группе членов движения в Судан и Йемен, бывших на тот момент самыми нестабильными арабскими странами. К тому же и в Йемене, и в Судане значительным влиянием пользовались местные "братья-мусульмане", на чью помощь в развертывании баз "Аль-Джихад аль-ислами" видимо рассчитывал И. аз-Зауахири. В обоих случаях его расчеты оправдались. В Йемене и Судане не только разместились базы боевиков движения, но эти страны стали и своеобразными транзитными пунктами при переездах членов движения в другие страны мира. Примечательно, что в том же 1992 году в Судан из Афганистана переехал и У. Бен Ладен. Он поселился в столице Судана г. Хартуме, где еще более сблизился с лидерами "Аль-Джихад аль-ислами", продолжая при этом поддерживать тесные отношения и с "Аль-Джамаа аль-исламия". Офисы "Бюро обслуживания" превратились в штаб-квартиры этих движений в различных странах мира. Так, например, бруклинский офис "Бюро" использовал шейх О. Абдеррахман (духовный лидер "Аль-Джамаа аль-исламия") во время пребывания в США [4]. Используя свои значительные финансовые средства, а также огромный опыт по организации нелегальных финансовых потоков, свои связи, сохранившиеся еще с того времени, когда "Бюро обслуживания" пользовалось расположением не только частных лиц, но и правительств таких стран, как США, Египет, Саудовская Аравия и др., У. Бен Ладен стал одним из основных лиц, осуществляющих материально-техническое обеспечение исламистских экстремистских организаций и движений, в первую очередь, "Аль-Джихад аль-ислами" и "Аль-Джамаа аль-исламия".

Для иллюстрации описанного выше процесса эмиграции членов "Аль-Джихад аль-ислами" из Египта в Афганистан, а затем в Йемен, Судан и другие страны, а также процесса укрепления взаимодействия "Аль-Джихад аль-ислами" с организацией У. Бен Ладена "Аль-Каида" можно привести биографию одного из влиятельных членов руководства движения Али ар-Рашиди (полное имя Али Амин Али Ар-Рашиди, псевдоним Абу Абида аль-Панджшери).

Али ар-Рашиди стал членом "Аль-Джихад аль-ислами" в конце 70-х годов, будучи сотрудником египетской полиции. После покушения на президента АРЕ А.Садата он был уволен из полиции, как подозреваемый в том, что является членом "Аль-Джихад аль-ислами". С 1981 по 1983 год Али ар-Рашиди находился в заключении в Египте. После выхода из тюрьмы он убыл в Саудовскую Аравию, где в течение недели проживал в Джидде в доме У. Бен Ладена, хотя лично и не был с ним знаком. Затем переехал в Мекку, где проживал в течение 10 дней в доме некоего Мухаммада Мутави, который помог А. ар-Рашиди улететь в Пакистан в качестве сотрудника одной из благотворительных организаций. В аэропорту Исламабада А. ар-Рашиди уже ждала машина, доставившая его в лагерь "моджахедов" "Сада", работая в котором он близко познакомился с будущим "амиром" "Аль-Джихад аль-ислами" И. аз-Зауахири, который в свою очередь познакомил его с У. Бен Ладеном. Возможно, подобная близость к столь влиятельным лицам в руководстве "Аль-Джихад аль-ислами" объясняется отчасти тем, что ар-Рашиди в 1983 году женился на сестре Абд аль-Хамида Абд ас-Саляма Абд аль-Ааль – одного из непосредственных исполнителей покушения на президента Египта А. Садата. В этом же лагере в то время находился и бывший тогда "амиром" "Аль-Джихад аль-ислами" доктор Фадель. В лагере все называли друг друга для конспирации не настоящими именами, а псевдонимами. А. ар-Рашиди получил псевдоним Абу Абида. Являясь инструктором по стрелковому и подрывному делу А. ар-Рашиди завоевал авторитет среди арабских "моджахедов". Вскоре за успешное участие в боях в Афганистане в Панджшерской долине к его псевдониму добавился эпитет (нисба) аль-Панджшери (Панджшерский). Затем А. ар-Рашиди был инструктором в лагере "Аль-Каддисия" в окрестностях Джеллалабада, а потом – в лагере Бен Ладена "Аль-Каида", где он вскоре стал главным ответственным за организацию всех видов бое-

вой подготовки "моджахедов". Одновременно ему была поручена организация обеспечения жизнедеятельности лагеря семей арабских "моджахедов", который назывался "Хаятабад". Вскоре он стал уже главным ответственным за организацию всех видов боевой подготовки во всех лагерях, курировавшихся Бен Ладеном. В связи с этим он являлся одним из наиболее приближенных к Бен Ладену и И. аз-Заухири лиц. В лагере "Хаятабад" А. ар-Рашиди находился с 1990 по 1992 год. В конце 1992 года, в связи с многочисленными арестами членов "Аль-Джихад аль-исламий" в Египте и нестабильностью положения лагерей движения в Афганистане, ставший "амиром" движения И. аз-Заухири решил направить по одной группе членов "Аль-Джихад аль-исламий" в Йемен и в Судан для расширения возможностей движения по организации своих баз за пределами Египта и Афганистана. Руководителем группы, отправленной в Йемен, стал А. ар-Рашиди. Прибыв в Йемен в конце 1992 года, он на десять месяцев стал "амиром" филиала "Аль-Джихад аль-исламий" в этой стране. В Йемене А. ар-Рашиди проживал в городе Сана, в районе Бейт аш-Шабаб (Дом молодежи), на улице Ас-Ситтин (Шестидесятая).

Пробыв в Йемене около 10 месяцев, А. ар-Рашиди переехал в Судан, где проживал в одном доме с братом "амира" "Аль-Джихад аль-исламий" Мухаммадом аз-Заухири. В Судане А. ар-Рашиди был назначен ответственным за создание филиалов "Аль-Джихад аль-исламий" и организации Бен Ладена в странах Африки. Особое внимание уделялось созданию филиалов и лагерей движения в Судане, Сомали, Кении и Танзании.

В ходе проводимого в США в 1996-1997 годах расследования было установлено, что А. ар-Рашиди одновременно являлся также руководителем военного крыла организации У. Бен Ладена "Аль-Каида" вплоть до своей смерти в результате несчастного случая в водах озера Виктория в конце весны 1996 года. Характерно, что после его смерти, эти обязанности были возложены на другого активного и влиятельного члена движения "Аль-Джихад аль-исламий" Мухаммада Атыфа (псевдоним Абу Хафас аль-Мысрий) [42, 1999, 24 июня. С. 5].

С началом конфликтов в бывшей Югославии значительное количество членов уже ставшего международным движением было направлено его руководством из Афганистана и других стран в Боснию. За время войны в бывшей Югославии в период с 1992 по 1995 годы властями Боснии были выданы паспорта граждан Боснии более чем 5 тысячам "афганских арабов", участвовавших в боях на стороне боснийских мусульман [42, 1999, 23 сентября. С. 1]. Большинство этих "моджахедов" попали в Боснию из лагерей на территории Афганистана и Пакистана, контролировавшихся У. Бен Ладеном и И. аз-Заухири. Примечательно, что и сам У. Бен Ладен в 1993 году в посольстве Боснии и Герцеговины в Вене получил боснийский паспорт [42, 1999, 25 сентября. С. 4]. Легальное возвращение многих "афганских и боснийских арабов" в свои страны оказалось невозможным, так как почти все они либо были осуждены заочно, либо находились в своих странах в розыске. В Египте, например, само членство в "Аль-Джихад аль-исламий" являлось преступлением и наказывалось длительным тюремным заключением. Поэтому члены движения либо оставались в Афганистане и Пакистане, либо курсировали между Суданом, странами Персидского залива, Среднего Востока, Средней Азии и даже Россией, либо создавали свои легальные базы в странах Западной Европы. При этом, в европейские страны члены "Аль-Джихад аль-исламий" прибывали, как правило, через Судан и Йемен [42, 1998, 16 октября. С. 6].

Эмиграция членов "Аль-Джихад аль-исламий", как и других исламских экстремистских группировок и движений в европейские страны, а также в страны Среднего Востока была вызвана, помимо соображений безопасности, еще и возможностью организовать на территории этих государств как бы тыловую базу движения. Именно в этих странах организовывалась достаточно разветвленная система связи, экономическая и финансовая деятельность, включая создание подставных и даже вполне легальных компаний и фирм, через которые и сейчас осуществляется отмывание денег и передача их на нужды движения. Именно в этих странах осуществлялась закупка оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ. Государства Западной Европы служили и служат базой, с которой разворачивается идеологическая и пропагандистская работа подобных движений. На территории Ве-

ликобритании, например, где исламская община насчитывала на середину 1999 года около 1,5 млн. человек [37], были развернуты мощные пропагандистские центры таких легальных исламистских движений и организаций, имеющих связи с "Аль-Джихад аль-ислами", как:

- "Аль-Мухаджирун фи Британия" ("Мухаджиры в Британии"). Движение образовалось путем отделения от "Хизб ат-тахрир аль-ислами" ("Партии исламского освобождения") 16 января 1996 года при непосредственном участии "амира" "Аль-Джихад аль-ислами" И. аз-Заухари. Возглавлял движение, объединявшее в своих рядах в основном выходцев из стран Среднего Востока, известный фундаменталист, не скрывающий своей приверженности идее джихада, Омар Бакари. Объем тиража выпускавшейся этим движением печатной продукции оценивался не менее чем в 30 тыс. экземпляров. Регулярно организовывались лекции и другие пропагандистские акции среди членов мусульманской общины Великобритании. В сентябре 1998 года О. Бакари заявил: «Великобритания - это центр всех исламских движений мира. Мы будем бороться за то, чтобы знамя ислама взвилось на Даунинг Стрит над штаб-квартирой премьер-министра Великобритании»;

- "Ансар аш-шариа" ("Сторонники шариата"). Имеет тесные связи с "Аль-Джамаа аль-исламия" и "Аль-Джихад аль-ислами". Наряду с легальной пропагандистской деятельностью организовывала военную подготовку будущих боевиков этих движений, как на территории Великобритании, так и в Афганистане. Причастно к захватам западных туристов и к террористическим актам на территории Йемена. Помимо издания различных заявлений и бюллетеней, издавало журнал на английском языке и занималось производством и тиражированием исламистской пропагандистской видеопродукции. Возглавлял движение разыскивавшийся полицией Йемена за организацию терактов активный участник боевых действий против советских войск в Афганистане Мустафа Кямаль (псевдоним – Абу Хамза аль-Мысрий);

- "Аль-Марсад аль-ислами" ("Исламский наблюдательный пункт"). Возглавлял движение приговоренный в Египте к смертной казни за причастность к покушению на бывшего премьер-министра АРЕ А. Сидки, близкий к руководству "Аль-Джихад аль-ислами" Ясир Тауфик ас-Сиррий (псевдоним – Абу Омар). После эмиграции из Египта в Йемен в 1988 году Я. Т. ас-Сиррий возглавил бюро пропаганды движения "Аль-Джихад аль-ислами". После бегства из Йемена в связи с требованием выдачи его Египту он скрывался в Судане, где сблизился с "амиром" "Аль-Джихад аль-ислами" И. аз-Заухари. В 1994 году он прибыл в Великобританию, где получил статус политического беженца. По сведениям египетских спецслужб, он в это время возглавлял "военное крыло" движения. Позднее он объявил о своем выходе из "Аль-Джихад аль-ислами" и основал "Аль-Марсад аль-ислами" [42, 1998, 16 октября. С. 6]. Основанное им движение специализировалось на рассылке в различные информационные агентства заявлений лидеров международных исламистских террористических движений и организаций, за что было прозвано арабскими журналистами "рупором фундаменталистов за рубежом". Имело свою страницу в "Интернете", через которую распространяло работы идеологов "Аль-Джихад аль-ислами", в частности – книгу Мухаммада Абд-ас-Салам Фарага "Аль-Фарида аль-гайба" ("Забывтый долг"). Другая страница движения ("Аль-Хиджра Интернешнл") была посвящена подробным отчетам с мест боев исламистов в Алжире и других странах, в том числе в Чечне, Таджикистане и т.д. [1]. Ясир Тауфик ас-Сиррий активно вербовал новых членов "Аль-Джихад аль-ислами". Так, алжирка Джамия Маали Аль-Фаляки, арестованная в марте 1997 года в Египте как связная между членами "Аль-Джихад Аль-Ислами" за границей и в Египте, сообщила, что была завербована именно им [42, 1997, 23 марта. С. 4].

Кроме того, в Великобритании легально действовали такие исламистские организации, как "Муназзамат аль-адаля" ("Организация справедливости"), "Рабитат аль-амилин би-ль-Куръан ва-с-Сунна" ("Общество действующих в соответствии с Кораном и Сунной"), "Аль-Мактаб ад-дуалий ли-д-дифаи ани-ш-шааб аль-мысрий" ("Международное бюро защиты народа Египта", созданное "амиром" "Аль-Джихад аль-ислами" в 1996 году) [42, 1998, 13 октября. С. 6; 1998, 16 октября. С. 6].

По мнению арабских исследователей, во многом именно эмиграция из Египта в 50-е и 60-е годы членов "Ассоциации Братьев-мусульман" не только способствовала превращению этого движения в международное, но и подала наглядный пример для "Аль-Джихад аль-ислами" и "Аль-Джамаа аль-исламия" в 80-е и 90-е годы. Причем в последнем случае эмиграция, в отличие от аналогичной ситуации с "Ассоциацией Братьев-мусульман", была четко спланирована и организована, для чего в полной мере использовалась база, уже созданная до этого в европейских странах "братьями-мусульманами" [42, 1998, 13 октября. С. 6].

Следует отметить, что, принимая у себя членов исламских экстремистских движений, страны Запада преследовали и собственные цели. Так, с помощью членов этих движений для специальных служб западноевропейских стран всегда сохранялась возможность контролировать и даже оказывать влияние на внутривнутриполитическую ситуацию в той или иной исламской стране, а также вербовать агентов для ведения разведки и проведения специальных операций. В этом смысле показательно сотрудничество английской разведки с движением "Аль-Джамаа аль-исламия" с целью организации покушения на лидера ливийской революции М. Каддафи. Таким образом, проживание членов "Аль-Джихад аль-ислами" в странах Западной Европы при одновременном расширении инфраструктуры движения было, можно сказать, в какой-то мере взаимовыгодным для обеих сторон.

Впервые эта ситуация стала меняться после эскалации террористической деятельности боевиков "Аль-Джамаа аль-исламия" и "Аль-Джихад аль-ислами" в Египте в 1992 году. Египетские правоохранительные структуры стали обращаться по дипломатическим каналам и через международные полицейские организации к руководству ряда западноевропейских стран и США с требованием выдачи скрывающихся на их территории террористов. Однако действительно серьезно положение членов этих движений в странах Западной Европы осложнилось после первого взрыва в Международном торговом центре в Нью-Йорке, к организации которого оказался причастным духовный лидер "Аль-Джамаа аль-исламия" шейх Омар Абдеррахман [20]. С этого момента выдачи членов экстремистских исламистских движений стали требовать не только спецслужбы Египта, но и ФБР США. Да и руководство в западноевропейских странах стало, особенно после ряда террористических актов алжирских исламистов во Франции, осознавать потенциальную опасность бесконтрольного пребывания на их территории лидеров "Аль-Джамаа аль-исламия" и "Аль-Джихад аль-ислами". Все это привело к изменению позиции лидеров западноевропейских государств по отношению к членам исламистских экстремистских движений, находящихся на их территории. Так, в 1995 году на территории Италии была раскрыта террористическая сеть "Аль-Джихад аль-ислами" и "Аль-Джамаа аль-исламия" в составе которой было 112 граждан Египта. В феврале того же года несколько членов "Аль-Джихад аль-ислами" были арестованы на территории Польши по обвинению в причастности к подготовке покушения на президента Египта Х. Мубарака. В том же году, при подготовке к покушению на ряд египетских политических деятелей, планировавших совершить визит в Бухарест, была раскрыта сеть "Аль-Джихад аль-ислами" на территории Румынии. В Испании несколько членов "Аль-Джихад аль-ислами" были обвинены в обстреле из огнестрельного оружия территории посольства АРЕ в Мадриде. Было установлено, что несколько разыскиваемых египетскими службами безопасности членов "Аль-Джихад аль-ислами" скрываются на территории Греции. После пребывания у власти в Турции партии "Рефах", многим членам движения, особенно из состава "афганских арабов", удалось обосноваться и на территории этой страны, откуда руководство движения планировало, при необходимости, перебросить их в Чеченскую Республику через Азербайджан или Грузию [42, 1998, 13 октября. С. 6].

"Филиал" "Аль-Джихад аль-ислами" был создан даже в США. Некоторые детали деятельности членов "Аль-Джихад аль-ислами" в США выяснились после ареста 28 октября 1998 года египетскими спецслужбами одного из самых известных врачей в египетском г. Александрия Халеда Абу ад-Дахра, являвшегося одновременно довольно значительной фигурой в александрийском отделении "Аль-Джихад аль-ислами". При аресте у

него были изъяты записи, содержащие, в том числе, и телефоны засекреченных членов движения. Х. Абу ад-Дахр являлся связным, курсируя между Афганистаном, США, Египтом и Суданом. Благодаря его записям стало известно, что активным членом движения в США является бывший майор египетского спецназа Али Абу ас-Сауд Мухаммад Мустафа (псевдоним Аш-Шейх Адам). Его задачей было отмывание денег движения, поступавших на его банковский счет в США, а также обеспечение надежной связи между членами руководящего ядра движения, проживавшими в Европе, и теми, кто находился в Афганистане. В его задачи входило также обучение членов движения владению оружием и управлению дельтопланом. Связными А. Мустафа в США были доктор Али Заки и его брат Хасан Заки [42, 1999, 16 апреля. С. 4].

Как уже было показано выше, с начала 80-х годов движение "Аль-Джихад аль-ислами" уже было тесно связано с организацией У. Бен Ладена. Так, во время пребывания У. Бен Ладена в Судане с 1991 по 1996 год, на территории этой страны при попустительстве, а в некоторых случаях и при прямой поддержке властей (среди которых было сильно влияние "братьев-мусульман") была создана сеть лагерей подготовки боевиков движений "Аль-Каида" и "Аль-Джихад аль-ислами". В прессе позднее публиковались сведения, полученные от одного из бывших сотрудников суданских спецслужб. Он, в частности, сообщил, что при прямой помощи правительств Судана и Ирана была создана сеть лагерей, в которых, начиная с 1992 года, с участием, в том числе, иранских инструкторов, проходили подготовку группы движения "Аль-Джихад аль-ислами" из Египта, Эритреи и других африканских стран. По его сведениям, главный лагерь находился в местечке Суба в 10 км. южнее г. Хартум. Он же сообщил о том, что У. Бен Ладен, будучи в Судане, закупил китайского и иранского оружия, а также взрывчатых веществ из Чехии на сумму в 15 млн. долларов [42, 1999, 18 июля. С. 9]. В Судане же У. Бен Ладен создал "Консультативный совет" ("Маджлис шура"), в состав которого вошли представители 43 исламистских экстремистских движений, организаций и групп. Это было его первой попыткой объединить исламистские экстремистские силы в рамках единой структуры.

Весной 1996 года У. Бен Ладен, под давлением неоднократных требований США и Саудовской Аравии к суданскому руководству о его высылке из страны, вновь вернулся в Афганистан. Одновременно его антиамериканизм вырос настолько, что 23 августа 1996 г. он объявил США "джихад" и призвал убивать всех "американских оккупантов" на территории Саудовской Аравии. В августе 1996 года и движение "Аль-Джихад аль-ислами" через средства массовой информации обнародовало заявление, в котором говорилось, что движение будет действовать против объектов и интересов США в любой точке земного шара. Заявление последовало за арестом четырех членов "Аль-Джихад аль-ислами" в столице Албании Тиране [42, 1999, 6 февраля. С. 5].

В феврале 1998 г. в Пешаваре У. Бен Ладен осуществил свое намерение объединить всех исламских экстремистов в рамках одной структуры и основал "Международный фронт освобождения исламских земель" ("Аль-джабха аль-алямия ли-тахрир аль-амакин аль-исламия"), в состав которого вошло и движение "Аль-Джихад аль-ислами" [42, 1999, 11 апреля. С. 4]. В этом же месяце под значительным влиянием лидеров "Аль-Джихад аль-ислами" была принята и обнародована фетва, подписанная У. Бен Ладеном и лидерами других организаций и движений, вошедших в "Международный исламский фронт джихада против иудеев и крестоносцев" ("Аль-Джабхат аль-исламия ад-даулия лиль-джихад дыдда аль-яхуд ва ас-салибин"), обязывавшая всех членов фронта убивать любых граждан США, в том числе и мирных, где бы они не находились. Вскоре, 7 августа 1998 года, были взорваны американские посольства в Найроби (213 человек погибли, в том числе 12 граждан США, более 4500 человек были ранены) и в Дар-Эс-Саламе (погибли 11, ранены более 85 человек) [42, 1999, 24 мая. С. 5].

Имеются сведения, что исполнителями террористических актов, организованных У. Бен Ладеном, зачастую являлись именно члены движения "Аль-Джихад аль-ислами". Так, выданный в июле 1998 года Албанией Египту в числе 12 членов движения "Аль-Джихад аль-ислами" один из руководителей движения Ахмад аль-Наджар сообщил на

допросах, что взрывы посольств США в Найроби и Дар-Эс-Саламе организовали боевики движения "Аль-Джихад аль-ислами" [42, 1999, 6 февраля. С. 5].

Согласно показаниям арестованного спецслужбами США члена "Аль-Джихад аль-ислами" Уадиа аль-Хадж, являвшегося одновременно членом организации У. Бен Ладена "Аль-Каида", филиалы организации "Аль-Каида", в которые входили и ячейки "Аль-Джихад аль-ислами", уже имелись к тому времени в Судане, Египте, Йемене, Сомали, Эритрее, Афганистане, Пакистане, Боснии, Хорватии, Алжире, Тунисе, Ливане, на Филиппинах, в Таджикистане, Азербайджане, США, а также в таких районах, как Чечня в России и Кашмир в Индии. Было установлено также, что у организации "Аль-Каида", также как и у "Аль-Джихад аль-ислами", имеется "военное крыло". До 1996 года руководителем "военного крыла" организации "Аль-Каида" был один из лидеров "Аль-Джихад аль-ислами" Абу Абида аль-Панджшери. После его смерти этот пост занял Мухаммад Атыф (псевдоним Абу Хафас аль-Мысрий). Интересно также, что отряды организации "Аль-Каида" принимали активное участие в операциях против американских войск в Сомали в 1993-94 годах [42, 1999, 24 июня. С. 5].

Согласно заявлению министра внутренних дел АРЕ Хабиба аль-Адли от 8 ноября 1998 года, благодаря сотрудничеству со спецслужбами США после взрывов американских посольств в Найроби и Дар-Эс-Саламе, в Египет из различных стран были депортированы 15 исламских экстремистов. При этом 10 исламистов были выданы Албанией, большинство из них – члены "Аль-Джихад аль-ислами". После того, как в июле 1998 года Египту из Албании были выданы четверо видных деятелей "Аль-Джихад аль-ислами", в августе того же года из Албании был депортирован также один из влиятельных руководителей "Аль-Джамаа аль-исламия" Ассам Абдель Алим. В октябре 1998 года из Южной Африки Египту был выдан еще один член "Аль-Джихад аль-ислами". В этом же месяце Эквадором был депортирован в АРЕ Мухаммад Абид Абд аль-Ааль, член "Аль-Джамаа аль-исламия" обвиняемый в причастности к террористическому акту в Луксоре в 1997 году, жертвами которого стали более 60 иностранных туристов [42, 1998, 9 ноября. С. 5].

После взрывов посольств под давлением США аресты членов "Аль-Джихад аль-ислами" в сентябре-октябре 1998 года были проведены даже лояльной к ним в прошлом и неоднократно пользовавшейся их услугами британской полицией. В Англии тогда были "превентивно" арестованы такие известные члены руководства движения, как Хани ас-Сибай, Ибрагим аль-Идриси (создал в конце 80-х годов отделение "Аль-Джихад аль-ислами" в египетской армии), Сейид Аджи (один из организаторов побега в 1988 году из Каирской тюрьмы Тара трех лидеров "Аль-Джихад аль-ислами") и Сейид Ахмад Абд аль-Максуд. Всего же отделение "Аль-Джихад аль-ислами" в Великобритании, по данным арабской прессы, насчитывало в это время несколько сотен человек и являлось одним из самых крупных отделений движения в западных странах [42, 1998, 16 октября. С. 6]. В феврале-апреле 1999 года в Каире проходил суд Высшего военного трибунала АРЕ по делу 107 членов организации У. Бен Ладена. Среди них были и 47 членов "Аль-Джихад аль-ислами" [42, 1999, 1 февраля. С. 4], в том числе такие известные, как Ахмад Саяма Мабрук, Ахмад Ибрагим ан-Наджар, Ассам Абд ат-Туаб, Шауки Саяма, Мухаммад Саид аль-Ашари, Ассам Мухаммад Хафез, Ахмад Исмаил Осман. Интересно, что из выданных египетским спецслужбам членов "Аль-Джихад аль-ислами" лишь один был задержан в арабской стране (ОАЭ), двое были депортированы из Азербайджана и 12 – из Албании.

То, что именно из Албании было депортировано в Египет большинство боевиков, не случайно. В Албании, до начала операции НАТО против Югославии, находились лагеря "Аль-Джихад аль-ислами", в финансировании которых принимал участие У. Бен Ладен. В середине 1998 года на территории югославской провинции Косово в рядах Освободительной Армии Косово действовали около 1000 профессиональных "моджахедов" из Албании, Саудовской Аравии, Йемена, Афганистана, Боснии и Герцеговины. Эти сведения, со ссылкой на данные израильских спецслужб, сообщил министр иностранных дел Израиля А. Шарон 30 марта 1999 года [17; 42, 1999, 31 марта. С. 4]. В самой же Албании

члены "Аль-Джихад аль-ислами" осенью 1998 года планировали взорвать посольство США в г. Тирана. После того, как албанские спецподразделения, получившие информацию о готовящемся террористическом акте от постоянно действующей на территории Албании группы специалистов ФБР США, окружили 24 октября 1998 года штаб-квартиру "Аль-Джихад аль-ислами" в г. Тирана, разгорелся бой с несколькими членами движения, находившимися в этот момент в штаб-квартире. Бой продолжался более часа. В результате был убит один из членов движения египтянин Саям Мухаммад Омар Саид, а его товарищ захвачен в плен. Были захвачены также документы, подтверждающие подготовку к взрыву посольства США в г. Тиране, а также наличие постоянной связи отделения "Аль-Джихад аль-ислами" в Албании с ячейками движения в Боснии [42, 1999, 26 октября. С. 1].

Таким образом, после активного участия в боевых действиях в Афганистане, в начале 90-х годов многие исламистские боевики перебравшись из Афганистана в Йемен и Судан, а также в некоторые монархии Персидского залива. Часть боевиков переехали в балканские страны и Европу, а некоторые – в страны Восточной и Южной Африки.

Следует отметить, что эмиграция членов исламистских движений и организаций после убийства А.Садата происходила не только в Афганистан. После 1981 года их отделения появились почти во всех арабских странах и даже в некоторых неарабских государствах исламского мира. Рост их численности и активности в значительной степени определялся влиянием успеха исламской революции в Иране, а еще больше - популярностью исламского сопротивления в Ливане и Израиле.

После распада СССР значительно активизировалась деятельность этих движений и связанной с ними организации У. Бен Ладена на территориях республик Средней Азии (Таджикистан, Узбекистан, Киргизия, Туркменистан), Закавказья (Азербайджан) и в северокавказских районах Российской Федерации [7; 9; 12; 18; 19]. Это было связано как с общей нестабильностью политической обстановки и слабостью власти практически на всем постсоветском пространстве, так и со значительным влиянием идеологии исламистского фундаментализма, распространявшейся в районах проживания мусульман в Советском Союзе еще со времени начала Перестройки различными международными исламскими организациями и движениями, в том числе "Ассоциацией Братьев-мусульман" [31]. Как писал в своей книге "Ислам в истории России" видный российский востоковед Р.Г. Ланда, *«с 1986 года начался процесс захвата мусульманскими фундаменталистами официальных мечетей (с заменой их назначенных служителей выборными имамами) и восстановления мечетей заброшенных или превращенных в склады»* [11, с. 248].

В 1991 – 1992 годах руководство ряда республик бывшего СССР уже вынуждено было считаться с исламскими фундаменталистскими организациями, партиями и движениями, такими, как близкая к "Ассоциации Братьев-мусульман" организация "Адолат" в Узбекистане, исламским центром С. Камалова в Киргизии, тюрко-фундаменталистской партией "Алаш" в Казахстане [11, с. 266] и, конечно, с республиканскими и региональными отделениями созданной в 1990 году Партии исламского возрождения. Пользуясь практическим отсутствием границ между странами СНГ и нестабильностью (переросшей в гражданскую войну) в Таджикистане, боевики "афганских арабов" проникали на территории практически всех стран СНГ и участвовали почти во всех вооруженных конфликтах в этих странах в 90-е годы. Так, в конфликте в Карабахе на стороне Азербайджана в боевых действиях участвовал "корпус афганских моджахедов", сыгравший свою роль в остановке армянского наступления летом-осенью 1993 года [13]. В сентябре 1994 года представитель Таджикистана в ООН обвинил руководство Судана в поддержке боевиков исламской оппозиции Таджикистана. В частности, в послании на имя генерального секретаря ООН, представитель Таджикистана в ООН Л. Каюмов сообщил, что на стороне исламской оппозиции в боевых действиях принимают участие более 100 граждан различных арабских государств [39, 1994, 8 сентября. С. 23]. В Узбекистане исламистские движения наиболее ярко проявили себя во время покушения на президента Узбекистана И. Каримова и организации серии взрывов в Ташкенте 16 февраля 1999 года. В случае успеха покушения, подготовкой которого руководил "амир" "Исламского движения Узбеки-

стана" (ИДУ, филиала "Аль-Джихад аль-ислами" в Узбекистане) Тахир Юлдашев, планировалось серией взрывов парализовать работу центральных органов власти, одновременно из Афганистана на территорию страны через г. Термез должны были вступить сконцентрированные в это время в районе афгано-узбекской границы отряды боевиков движения, поддерживаемые боевиками движения "Талибан". Из Киргизии на территорию Узбекистана должны были вторгнуться другие отряды боевиков. Не исключено, что блокированный в горах Киргизии в августе 1999 года отряд связанного с ИДУ Джумы Намангани тоже должен был участвовать в этой акции [42, 1999, 19 сентября. С. 7]. Интересно, что в отряде Джумы Намангани также присутствовали "афганские арабы" [28]. Затем планировалось попросить "помощь" мусульманским повстанцам у Афганистана и Пакистана. По данным узбекских правоохранительных органов, в ходе подготовки к покушению на президента Узбекистана члены узбекского отделения "Аль-Джихад аль-ислами" использовали для конспиративных встреч штаб-квартиры в г. Алма-Ате, а также в Чечне и Таджикистане. Сам Тахир Юлдашев неоднократно в этот период выезжал через Азербайджан и Россию в ОАЭ и Турцию, где встречался с лидерами международного движения "Аль-Джихад аль-ислами". Боевики узбекского "филиала" движения прошли подготовку в лагерях на территории Афганистана, Таджикистана и Чечни. О связи членов узбекского отделения "Аль-Джихад аль-ислами" с боевиками в Чечне говорит и тот факт, что в ходе следствия по делу 16 арестованных в Узбекистане членов движения, суд над которыми состоялся в июне-июле 1999 года, выяснилось, что добытые путем грабежа и разбоя средства они использовали, в том числе и для организации военной подготовки своих сторонников в так называемом "исламском университете" в Чечне [43, 1999, 10 июля. С. 4].

Еще до начала первой чеченской войны 1994-1996 годов чеченские лидеры установили тесную связь с представителями международных исламистских экстремистских движений и организаций, чему в немалой степени способствовала неподконтрольная центральным властям России "спецавиалиния", связывавшая власти Грозного с Турцией, странами Персидского залива и Иорданией [11, с. 275]. Наибольшую активность в Чечне проявили вошедшие в международный фронт У. Бен Ладена "Аль-Джамаа аль-исламия" и "Аль-Джихад аль-ислами". Не случайно, что вторгнувшиеся в августе 1999 года на территорию Дагестана боевики объединились в организацию "Национальный фронт джихада", как бы подчеркивая таким наименованием, что это – национальная часть "Международного фронта джихада против иудеев и крестоносцев", лидером которого является У. Бен Ладен [42, 1999, 11 августа. С. 4]. В таком случае становится понятным то, что У. Бен Ладен за полтора года, предшествовавшие этому вторжению, потратил на финансирование деятельности своего представителя в Чечне А. Хаттаба около 15 млн. долларов [17]. Становится также понятным, почему в Чечню направлялись из-за границы боевики этого международного фронта. Так, сообщалось, что У. Бен Ладен дал согласие направить в Чечню около 1,5 тысяч боевиков [14]. В Стамбуле 9 сентября 1999 года турецкими спецслужбами был арестован один из помощников У. Бена Ладена Махраз Хамдуни, прибывший в Турцию с паспортом гражданина Боснии, в чьих вооруженных силах он действительно служил с 1 мая 1993 по 5 мая 1995 года [42, 1999, 23 сентября. С. 1]. Целью его визита в Турцию являлась, в том числе, подготовка к отправке в Чечню нескольких десятков боевиков, уже прибывших к этому времени на турецкую территорию [42, 1999, 25 сентября. С. 4].

"Арабские афганцы" А. Хаттаба являлись самыми подготовленными боевиками в Чечне. Поэтому неудивительно, что они либо входили в элитные спецподразделения, либо были инструкторами по боевой подготовке и особенностям ведения партизанской войны. Многие из них также были полевыми командирами. По сообщению лондонской организации арабских исламских фундаменталистов "Аль-Марсад аль-ислами" ("Исламский наблюдательный пункт"), по состоянию на 25 августа 1999 года, с момента вторжения отрядов Ш. Басаева и А. Хаттаба в Дагестан, были убиты в боях такие видные арабские полевые командиры, как Абу Масъаб ат-Табуки, являвшийся также директором Кавказского института исламского призыва (Маахад аль-Кауказ ли-д-дава аль-исламия);

Абу Мухаммад аль-Каннас; Абд ад-Даим; Абд аль-Малик аль-Иракий [42, 1999, 27 августа, С. 1]. Во вторжении в Дагестан вместе с А. Хаттабом принимал участие полевой командир Абу аль-Валид, действия которого во многом способствовали выходу А. Хаттаба из окружения, в котором он находился более 9 часов. Как сообщил в интервью корреспонденту газеты "Красная звезда" начальник Центра общественных связей ФСБ России генерал-майор А. Зданович, террористы, взрывавшие жилые дома в Буйнакске, Волгодонске и Москве, проходили подготовку под руководством арабских полевых командиров Абу Саида и Абдурахмана [26].

Таким образом, возникшие в Египте и распространившиеся после убийства в 1981 году президента АРЕ А. Садата в странах Ближнего и Среднего Востока, исламистские фундаменталистские экстремистские движения "Аль-Джихад аль-ислами", прошли через горнило войны в Афганистане. Из Афганистана многие боевики движения, используя свои базы в Йемене и Судане, смогли переехать в ряд европейских государств и организовать там свои идеологическо-пропагандистские центры. Члены "Аль-Джихад аль-ислами" принимали затем участие в войнах на территории бывшей Югославии, а также в вооруженных конфликтах на территории стран СНГ и в России (в Чечне). Можно сказать, что с момента своего появления движение "Аль-Джамаа аль-исламия" и "Аль-Джихад аль-ислами" прямо или косвенно присутствовали почти во всех "горячих точках" Ближнего и Среднего Востока, Средней Азии и Европы, силой оружия пытаясь осуществить на практике свои радикальные идеи.

Источники и литература.

1. Аш-Шафаи М. Фундаменталистские движения... Конец британского убежища? // Аш-Шарк аль-Аусат, 1999, 22 марта. С.15. На арабск. языке (Аль-Харакят аль-усулия... Халь хия нихаят аль-мальджаа аль-британий?).
2. Князев А.Г. Египет после Насера (1970-1981). М.: "Наука", 1986. С. 254.
3. Доклад: Современное состояние религиозной обстановки в Египте (на 1995 год). Каир: Центр политических и стратегических исследований при "Аль-Ахрам", 1996. На арабск. языке (Аль-Халаяту д-диния фи мыр).
4. Барри Д., Дики К., Ливайн С. Инженер терроризма // Итоги. 1999. 2 марта. С. 37.
5. Египетские арсеналы для афганской контрреволюции: президент АРЕ Садат признает, что выступает пособником в необъявленной войне против ДРА // За рубежом. 1981. № 40. С. 7.
6. Игнатенко А. Халифы без халифата. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1988. С. 6.
7. Ислам в СНГ. М.: Институт востоковедения РАН, 1998.
8. Коровиков А.В. Исламский экстремизм в арабских странах. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. С. 113.
9. Кузьмин А.И. Таджикистан: политика // Постсоветская Центральная Азия. Потери и обретения / Ред. Васильев А.М. Центр цивилизационных и региональных исследований РАН. М. 1998. С. 251.
10. К.ат-Тауиль. Редактор издания "Аль-Ансар" Абу Хамза: "Мы будем защищать арестованных словом и делом." // Аль-Васат, 1997, 23 июня. С. 30. На арабск. яз. (Абу Хамза аль-мушриф аля нашрат "Аль-Ансар": санудафия ани-ль-муатакылин коулян ва фаилян.).
11. Ланда Р.Г. Ислам в истории России. М.: Издательская фирма "Восточная литература" РАН, 1995.
12. Малашенко А.В. Исламское возрождение в современной России. М., 1998;
13. Мансуров С. Азербайджан: на войне, как на войне // Общая газета, 1994, № 4, 28 января - 3 февраля. С. 5.
14. Матяш В. Операция проходит по плану // Красная звезда. 1999. 6 ноября. С. 1.
15. Мусоев Р. Афганистан и арабские страны. // Афганистан: война и проблемы мира. Институт востоковедения РАН, Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. М., 1998. С. 112-114.
16. Алям М., Салах М.. Египет стремится к ввозвращению "главарей" // Аш-Шарк аль-аусат. 1995. 30 октября. С. 31. На арабск. яз. (Мыр тасъи иля истирдад "Ар-руус аль-кабира").
17. Николаев Д. Новая империя // Независимое военное обозрение. 1999. 18-24 июня. С. 3.
18. Ниязи А. Возрождение ислама в Таджикистане. Традиция и политика // Центральная Азия и Кавказ, 1999. №5 (6). С. 161.
19. Олимова С. Политический ислам и конфликт в Таджикистане // Центральная Азия и Кавказ. 1999. № 4 (5). С. 137.
20. Омар Абдеррахман и его группа вновь находятся под обвинением // Аль-Васат. 1996. 29 января. С. 4. На арабск. языке: (Омар Абдеррахман ва джамаатуху ястаанифун кырар иданатихим).
21. Ланда Р. "Политическая весна" и гражданская война в Алжире // Страны Ближнего Востока (актуальные проблемы современности и истории). М., 1998. С. 98.

22. Салих Калляб. Раскол в рядах "Братьев-мусульман" Иордании по-прежнему возможен. // Аш-Шарк аль-аусат. 1997. 3 апреля. С. 6. На арабск. языке (Иншикак аль-ихван аль-муслимин фи-ль-Урдун ма заль мухтамалян).
23. Связи между "Аль-Джихад" и "Аль-Джамаа" // Аль-Васат. 1995. 30 октября. С. 5. (На арабск. языке: Иттисалият бейна "Аль-Джихад" ва "Аль-Джамаа").
24. Слинкин М.Ф. Афганистан: страна, люди, общество. Симферополь, 1995. С. 90-97.
25. Слинкин М.Ф. Приход к власти и кризис левого режима Тараки - Амина в Афганистане. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Симферополь, 2000. С. 105-128.
26. Солдатенко Б. Ни один террорист не уйдет от возмездия // Красная звезда. 1999. 28 октября. С. 1.
27. Спольников В.Н. Афганистан: исламская оппозиция. Истоки и цели. М.: Наука, 1990. С. 15-19, 28, 46-63, 86-87.
28. Струговец В. У терроризма нет национальности // Красная звезда. 1999. 31 августа. С. 3.
29. Уэйлз Т. Роль ЦРУ в афганском джихаде и переход некоторых руководителей к поддержке "терроризма" против США // Аш-Шарк аль-аусат. 1998. 30 ноября. С. 6. На арабск. языке (Даур "Си-Ай-Эй" филь-джихад аль-афганий ва тахауль баадун-ль-кыядат лидаам "аль-ирхаб" дыдда Амрия).
30. Шаалян Х. Новый выход "братьев-мусульман"? // Аль-Васат. 1997., 22 января. С. 10. На арабск. языке (Хурудж джадид ли"-ль-ихван"?).
31. Федоткин М.Ю. Экспансия ислама в мусульманские регионы СССР из стран Ближнего и Среднего Востока (1979 - 1991 гг.) // Сборник научных статей адъюнктов №5. М.: Военный университет, 1998. С. 108-120.
32. Тегин Ю.Л., Филоник А.О. Исламский экстремизм в Египте (70-е годы). // Ислам: проблемы идеологии, права, политики и экономики. Сборник статей. М.: Главная редакция восточной литературы издательства "Наука", 1985. С. 195.
33. Gilles Kepel. Muslim Extremism in Egypt. Berkeley: University of California Press, 1985.
34. Carlier O. Entre Nation et Jihad. P., 1995.
35. Heine P. Auf der Suche nach einer neuer Identitat: Islam und Gesellschaft in Algerien // Herder Korespondenz. 1991. Jg.45. H.10. S. 482-486.
36. Labat S. Les islamistes algeriens. P. 1995.
37. Nonneman G., Niblock T., Szajkowski B. Muslim Communities in the New Europe. L.: Ithaca Press, 1997.
38. Аль-Васат (газета. На арабском языке).
39. Аль-Иттихад (газета. На арабском языке).
40. Аль-Иттихад Уикли (газета. На арабском языке).
41. Ар-Раи аль-Аам (газета. На арабском языке).
42. Аш-Шарк аль-аусат (газета. На арабском языке).
43. Красная звезда.
44. Нида аль-ватан (газета. На арабском языке).

КОНЦЕПЦИЯ «РУССКОГО МИРА» ПАТРИАРХА КИРИЛЛА И ПОПЫТКИ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ НА УКРАИНЕ¹

ЧИБИСОВА А.А.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

События религиозной жизни, происходящие на территории Украины, зачастую выходят за рамки чисто религиозных, представляя собой религиозно-политические, а порой и чисто политические проблемы, что особо актуализирует изучение этих процессов. Кроме того, принадлежность украинцев к одной из православных юрисдикций, возникших в результате церковного раскола рубежа 80-90-х годов, во многом демонстрирует, с одной стороны, их политические пристрастия, с другой – их видение собственной национальной идентичности. Сохранению и упрочнению церковного раскола на Украине отчасти способствовала политика невмешательства во внутренние дела украинской Церкви, проводимая Патриархом Московским и всея Руси Алексием II (Ридигером). Пересмотр отношения к украинскому православию пришел в Московском Патриархате в конце 2000-х годов с интронизацией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла (Гундяева). На основе материалов прессы, публикуемых ведущими православными юрисдикциями Украины, устных свидетельств очевидцев описываемых событий и материалов Интернет-ресурсов мною была изучена политика Патриарха Кирилла по отношению к украинским церковным расколам в конце 2000- начале 2010-х годов и проведен анализ её последствий, проявившихся в указанный период.

Патриарх Московский и всея Руси Алексий II (Ридигер) скончался 5 декабря 2008 года. Предстояли выборы нового главы Русской Православной Церкви (далее – РПЦ), на него все церковные круги Украины возлагали особые надежды как в вопросе урегулирования церковных расколов на Украине, так и в случае с урегулированием статуса украинской Церкви. Выступая перед делегатами на Поместном Соборе в Москве, глава Украинской Православной Церкви (далее – УПЦ) Митрополит Владимир (Сабодан) четко обозначил позицию, основываясь на которой УПЦ будет строить отношения с новым Патриархом [21, с. 3]. По вопросу урегулирования канонического статуса Митрополит отметил преждевременность принятия каких-либо окончательных решений, но настоял на необходимости переговоров по этому вопросу на уровне специальных богословских комиссий с представителями УПЦ и РПЦ [21, с. 3]. Подобная же комиссия, по мнению Владимира (Сабодана), должна заниматься и вопросами церковных расколов на Украине [21, с. 3].

Украинские иерархи ожидали от нового Патриарха продолжения политической линии Алексия II (Ридигера), т.е. по сути, линии невмешательства в украинские дела. По мнению клира УПЦ «*Патриарх должен быть особенно мудрым и не предпринимать никаких шагов, которые могли бы навредить этому делу [объединения Православия на Украине – А.Ч.]*» [25, с. 8], а также понимать особую специфику государственно-церковных отношений на Украине [25, с. 8].

27 января 2009 года Патриархом Московским был избран Кирилл (до патриаршей интронизации — митрополит Смоленский и Калининградский, возглавлявший в течение двадцати лет синодальный Отдел внешних церковных связей). Митрополит Владимир (Сабодан) позитивно отнесся к этому выбору, полагая, что именно Кирилл на посту Патриарха Московского сможет активизировать деятельность РПЦ и взвешенно вести как внешний, так и внутренний диалог [14, с. 11]. Кирилла отмечали как талантливую и ха-

¹ Статья была написана до революционных событий на Украине, начавшихся в октябре 2013 года и продолжающихся до сих. По мнению редакции, она отражает реальность, сложившуюся по состоянию на начало-середину 2013 года. Кризис украинской государственности, наблюдаемый в настоящее время, несомненно, внесет свои коррективы и в межцерковные отношения в этой стране (прим. ред.).

ризматичную личность, которая придаст русской Церкви творческий импульс [20, с. 5] и в целом возлагали большие надежды на развитие русского и украинского Православия.

В качестве страны для своего первого зарубежного визита в сане Патриарха Кирилл выбрал именно Украину. В среде УПЦ рассчитывали, что визит Патриарха не решит единомоментно всех проблем, однако, приведет к изменению климата в Украинском Православии [20, с. 5]. Киевский Патриархат очень настороженно отнесся к предстоящему визиту Патриарха на Украину, ожидая, что визит будет носить политический характер, а Патриарх, возможно, будет действовать *«в духе обороны канонических границ исторической Руси, станет в угоду Кремлю унижать украинскую власть и нашу [украинскую – А.Ч.] Церковь»* [27, с. 4].

Руководствуясь идеей о политическом характере визита Патриарха, накануне визита радикально настроенное Украинское Православное братство святого апостола Андрея Первозванного организовало серию пикетов возле Российского посольства в Киеве. Пикеты проходили под лозунгами: «Кирилл – посол религиозной войны на Украине», «Геть московского попа-колонизатора», «Товарищ Патриарх-москаль, на Украину зубы не скаль», «Слава украинскому Патриарху Филарету», «Независимой Украине Единую Поместную Православную Церковь» и др. [1, с. 8].

Кроме того, глава Украинской Православной Церкви Киевского Патриархата (далее - УПЦ КП) Патриарх Филарет (Денисенко) посчитал нужным напомнить Патриарху накануне визита о необходимости даровать украинской Церкви автокефалию [18, с. 4]. Правда, в своем послании Филарет (Денисенко) сообщил, что не имеет надежды на то, что *«послание повлияет на решения и действия»* [18, с. 4] главы РПЦ.

Патриарх Кирилл в интервью отрицал политическую составляющую своего визита [15, с. 6], но не отказывался от вопросов, носящих политический характер [15, с. 6], отрицал необходимость предпринимать во время визита какие-либо решительные шаги по урегулированию расколов [15, с. 6], однако, предполагал возможность в будущем встречи и дискуссии с представителями УПЦ КП и Украинской Автокефальной Православной Церковью (далее – УАПЦ) [2, с.17].

Визит Патриарха Кирилла на Украину проходил с 27 июля по 5 августа 2009 года. В речах Патриарха в различных городах Украины напрямую или между строк звучали призывы к возвращению в лоно истинной Церкви [26, с. 31], преодолению раскола [26, с. 31], отказу от политической риторики в церковных вопросах [26, с.31]. Патриарх не касался деятельности конкретных политических сил, не называл имен, но каждый раз, обращаясь к украинскому народу, последовательно и четко настаивал на том, что нет таких общественных, национальных и политических идеалов, которыми можно оправдать раскол [26, с.31].

Особо интересен для изучения сюжет, связанный с возложением Патриархом цветов к мемориалу жертвам Голодомора. После возложения цветов, В. Ющенко рассказал Патриарху о развитии украинского Православия, заявив о необходимости создания Единой Поместной Церкви на Украине [26, с. 31]. В ответ Патриарх Кирилл выступил с яркой и достаточно острой речью, заявив, что Поместная Церковь уже существует на Украине, и *«если б ее не было, не было бы сегодня Украины»* [24, с. 3] и призвал перестать проецировать политические симпатии и антипатии на церковную жизнь [24, с. 3]. Участники событий отмечают удивленность и даже шок от заявлений Патриарха по поводу возможностей существования Украинского государства [10]. При анализе выступления Патриарха и анализе дальнейшего развития событий, необходимо помнить об особенностях существования Украины как независимого государства. Для украинского народа характерна ярко выраженная национальная идентичность, которая приобретает особые формы в связи с отсутствием у украинцев независимого государства на протяжении всей истории этноса вплоть до 1991 года. В связи с этим украинцы достаточно болезненно относятся к любым проявлениям неуважения к достижениям украинского народа, насмешкам и т.п. Национальную идею Украины попытался сформулировать Л. Кучма, сказав, что «Украина – не Россия» [12]. Действительно, украинцы очень четко осознают свою национальную и государственную принадлежность. Поэтому слова Патриарха Кирилла о невозможности суще-

ствования Украинского государства при отсутствии Поместной Церкви (акцент на том, что она именно *украинская*, а не *русская* Патриархом сделан не был) были не поняты [6]. А политическая линия, проводимая Патриархом Кириллом и его командой на украинском направлении оценивается мною как политика, не учитывающая настроений масс и интересов епископата и народа.

В 2009-2010 годах патриархом Кириллом была сформулирована концепция «Русского мира» как единого мира восточно-христианской православной цивилизации, в состав которого входят Россия, Украина, Белоруссия, Молдова [16] и Казахстан [19]. В основе концепции лежит сохранение и развитие русского мира путем распространения русского языка и культуры и популяризации их в мире.

«Русскому миру» присуща пропаганда идей о единстве всего культурно-исторического пространства Древней Руси [23, с. 9]. В ходе первого визита в речах Патриарха все чаще звучало словосочетание «русский мир» [3, с. 383] и слова о необходимости сохранять верность его ценностям [3, с. 383]. В ходе встречи с духовными лицами и мирянами в Киево-Печерской Лавре Патриарх впервые объяснил, почему идея создания автокефальной Церкви на Украине неприемлема. Желание автокефалии – это частное мнение отдельных лиц и удовлетворение частного мнения не приведет к достижению единства Православия на Украине и конфликты не затихнут [25, с. 26]. Провозглашалось, что визит Патриарха носит сугубо пастырский характер [24, с. 3], но речи его звучали несколько двусмысленно. После окончания визита Патриарха, его речи интерпретировались рядом украинцев как призыв отойти от независимости украинского государства [3, с. 383], попытка полностью подчинить украинское Православие Московскому Патриархату [11, с. 2]. УПЦ вынуждена была объяснить украинцам, что под «русским миром» Патриарх имеет в виду не русскую этнокультурную общность, а тот тип цивилизации, который был заимствован из Византии и берет свое начало в Древней Руси, что он не призывает отказаться от национального суверенитета, а призывает Украину, как прямую преемницу Киевской Руси, не выпадать из восточнохристианской цивилизации [3, с. 383].

Визит Патриарха вызвал большой ажиотаж в обществе, широко освещался на Украине и привлек большое внимание. Так, интервью Патриарха на телеканале «Интер» посмотрела треть всех телезрителей Украины [3, с. 383]. Во время молебна на Владимирской горке в Киеве толпа скандировала: «Наш Патриарх – Кирилл!» [13, с. 6]. Новый визит не заставил себя долго ждать. Уже осенью 2010 года Патриарх Кирилл вновь посетил Украину с пастырским визитом [17, с. 29]. Второй и все последующие визиты (пресс-служба патриарха обозначала, что он будет приезжать на Украину ежегодно обязательно, а также посещать Украину в связи с теми или иными памятными событиями [17, с. 29]) носили еще более идеологизированный характер, нежели первый. Через речи Патриарха вновь проходит идея Церкви (она не именуется русской Церковью, но подразумевается), вышедшей из Киевской купели, которая является особой силой, скрепляющая население христианских стран постсоветского пространства [4, с. 5]. Обращаясь к Митрополиту Владимиру (Сабодану), Патриарх отметил его особую роль в «*утверждении единства Церкви и наследия Киевской Руси на просторах Русского мира*» [22, с. 7]. Патриарх вынужден был особо подчеркнуть, что «русский мир» не имеет отношения к политике и является миром единой для православных России и Украины Церкви [22, с. 7].

Если рассматривать концепцию «Русского мира» как духовную, то, безусловно, нельзя отрицать её значимости и полезности для укрепления и распространения Православия на постсоветском пространстве. На уровне ментальности у народов славянских республик бывшего СССР действительно до сих пор сохраняется схожесть традиций, представлений и мироощущения. В таком ключе концепция вызывает положительные отклики и среди духовенства УПЦ [7]. Однако, на мой взгляд, «Русский мир» имеет определенный политический подтекст. Тиражирование в украинские массы идеи Киевской Руси и единства культурно-исторической общности Украины и России не воспринимается многими украинцами. Отношение к «Русскому миру» активной и пассивной паствы требует специального изучения, которое не представилось возможным сделать в рамках данного исследования. УПЦ КП настроена по отношению к «Русскому миру» резко негативно, о

чем они постоянно писали сами и о чем сообщил спикер УПЦ КП архиепископ Евстратий (Зоря) [6]. Среди УПЦ, как свидетельствуют её члены, «Русский мир» не получил никакого отклика, идея мало актуальна, только отдельные лица пытаются культивировать эту идею [5]. Само же словосочетание «русский мир» в среде УПЦ не употребляется [5]. А Владимир (Сабодан) высказывался за то, что Украинская Православная Церковь будет сама определять цивилизационные предпочтения своих верующих [8]. Опросы представителей действующего духовенства УПЦ, находящихся на разных ступенях иерархии, позволили выявить непонимание идеи пространства Киевской Руси. Кроме того, в среде украинского духовенства начинает накапливаться непонимание и обида на Москву, связанная с высокомерием представителей РПЦ, проявляющегося во время визита Патриарха [7], с недооценкой украинского священства и настороженностью по отношению к ним со стороны русских коллег [7]. Кроме того, на приходском уровне «русский мир» стал восприниматься, в первую очередь, как «российский мир» и усугубил раскол в обществе между приходами Московского и Киевского Патриархатов. Активная паства перестала перемещаться между приходами [9]. Для недавно воцерковленных людей выбор прихода был связан с внутренним соотношением собственной идентичности и веры. Те, у кого идентичность ставилась выше веры, начинали ходить в Киевский Патриархат, более верующие, напротив, предпочитали УПЦ [9]. Таким образом, «Русский мир» явно обозначил несоответствие у украинцев национальной и религиозной идентичностей.

Таким образом, за первые годы своего нахождения у власти Патриарху Кириллу не удалось в полной мере реализовать концепцию «Русского мира». Она лишь привела к ряду последствий, таким как нарастание антироссийских настроений в среде украинского духовенства, политизация жизни верующих, а также дала толчок к началу в середине 2000-х годов диалога между православными юрисдикциями Украины, в частности между УПЦ и УПЦ КП – событию до того беспрецедентному.

Источники и литература

1. «Геть московского попа!» // Голос Православ'я. № 15. 2009. С. 8.
2. «Мы увидели пастыря XXI века»// Церковная газета. № 15-16. 2009. С. 17.
3. «Православна Україна відкриває свого Патріарха». Три аспекти пастирського візиту Святішого Патріарха Кирила в Україну//Українська Православна Церква. Літопис. Рік із життя 2009. Київ. 2010. С. 383.
4. «Человек отдает себя другому, и тогда союз этих людей не сокрушим». Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на встрече с общественностью Одессы// Церковная Православная газета. №15-16. С. 5.
5. Интервью с респондентом 1// Личный архив автора.
6. Интервью с респондентом 2 // Личный архив автора.
7. Интервью с респондентом 3// Личный архив автора.
8. Интервью с респондентом 4// Личный архив автора.
9. Интервью с респондентом 5// Личный архив автора.
10. Интервью с респондентом 6// Личный архив автора.
11. Кирил бажає усістися на два престоли? // Голос Православ'я. № 16. 2009. С. 2.
12. Кучма Л. Украина не Россия. М. 2003.
13. Молебен на Владимирской горке// Церковная газета. №15-16. 2009. С. 6.
14. Нести у світ Євангельську Істину. Прес-конференція Блаженнішого Митрополита Володимира за підсумками роботи Помісного Собору РПЦ//Церковна газета. № 3. 2009. С. 11.
15. Патриарх Кирилл: «Без молитвы не может быть Патриаршего служения»// Церковная газета. № 14. 2009. С. 6.
16. Патриаршее поздравление с Днем независимости Молдовы. [Электронный ресурс]// сайт «Московский Патриархат». Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1259170.html> Дата последнего обращения: 16.04.13.
17. Первосвятительский визит на Украину// Журнал Московской Патриархии. №9. 2010. С. 29.
18. Послание Предстоятелю РПЦ Святейшему Патриарху Московскому Кириллу// Голос Православ'я. № 4. 2009. С. 4.
19. Предстоятель Русской Церкви призвал укреплять казачью солидарность на всем пространстве Святой Руси. [Электронный ресурс]// Сайт «Московский Патриархат». Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1265739.html> Дата последнего обращения: 16.04.13.
20. С именем Святейшего Патриарха Кирилла будет связано миссионерское возрождение в русской Церкви// Церковная газета. № 7-8. 2009. С. 5.

21. Слово Блаженнейшего Митрополита Киевского и всея Украины Владимира к участникам Собрания делегатов Украинской Православной Церкви на Поместный Собор Русской Православной Церкви//Церковная газета. № 1-2. 2009. С. 3.
22. Слово Святейшего Патриарха Кирилла к Блаженнейшему Митрополиту Владимиру после Божественной Литургии в Киево-Печерской Лавре// Церковная Православная газета. 2009. №15-16. С. 7.
23. Слово Святейшего Патриарха Кирилла после Божественной Литургии в Киево-Печерской Лавре// Церковная Газета. № 15-16. 2009. С. 9.
24. Слово Святейшего Патриарха Кирилла после возложения цветов к мемориалу жертвам Голодомора 1932-1933 гг.// Церковная Газета. № 15-16. 2009. С. 3.
25. Собрание делегатов УПЦ на Поместный Собор РПЦ//Церковная газета. № 1-2. 2009. С. 8.
26. Хранить наследие Киевской Руси. Состоялся первый официальный визит Святейшего Патриарха Кирилла на Украину// Журнал Московской Патриархии. №9. 2009. С. 31.
27. Як зустрінути Кирила – залежить від нього самого// Голос Православ'я. № 4. 2009. С. 4.

III

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭКОНОМИКА

РОЛЬ БОЛГАРИИ В ФОРМИРОВАНИИ ОЧЭС (1990-1998 ГОДЫ)

Грушецкий Б.П.

Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского

Причерноморье является вторым крупным регионом, к которому непосредственно относится Болгария. Здесь расположены государства, игравшие и продолжающие играть важнейшую роль в развитии страны. Россия – крупная региональная держава, претендующая на роль одного из центров силы в многополярном мире. Кроме того, с ней у Болгарии существует теснейшая культурная связь, подкрепленная той ролью, которую она играла в истории страны на протяжении последних двух столетий. Турция обладает значительной военной, демографической и экономической мощностью, а ее многовековое господство на болгарских землях существенно повлияло на этническое, культурное, религиозное и экономическое развитие страны. Украина важна для Болгарии не только как близкое православное славянское государство, но и как новая родина для более чем 200 тыс. болгар. Не менее тесно переплетены история и современность соседних Болгарии и Румынии, выступавших то конкурентами, то партнерами. А страны Южного Кавказа обретают все большую значимость для Болгарии в свете развития энергетических и инфраструктурных проектов, связывающих Азию и Европу.

Целью данной работы является определение роли, которую Болгария сыграла в формировании Организации черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС) в течение 1990-1998 гг. Задачами являются определение исходных условий и первоначального проекта по созданию Черноморского экономического сотрудничества (ЧЭС), выявление факторов, влиявших на поведение Болгарии в процессе создания и функционирования ЧЭС, определение степени вовлеченности Болгарии в разработку данного проекта и отражения основных болгарских предложений в итоговых документах по созданию ЧЭС, выделение этапов эволюции позиции Болгарии по вопросам дальнейшей трансформации ЧЭС.

Исследуемая проблема не изучалась в отечественной историографии. Она рассматривалась болгарскими (Б. Медникаров [1], Е. Никова [9], Г. Панайотов [2], Ю. Радева [3; 4], С. Хинкова [7]) и греческими (С. Катсикас [8], А. Христакудис [6]) авторами. В процессе исследования использовались официальные документы: Декларация ЧЭС (1992 г.) [10] и Устав ОЧЭС (1998 г.) [5].

Подобно Юго-Восточной Европе, в годы Холодной войны Черноморский регион был разделен по линии противостояния НАТО (Турция) и ОВД (СССР, Болгария, Румыния). Распад Ялтинской системы привел к усилению нестабильности в регионе. В то же время, изменение международной ситуации позволило наладить сотрудничество между бывшими противоборствующими сторонами в новых форматах [6, p. 3-4].

Однако, как отмечают болгарские исследователи, с момента распада Советского блока и начала конфликта в бывшей СФРЮ, главным регионом для обеспечения национальной безопасности Болгарии считалась Юго-Восточная Европа. Черное море до начала 2000-х гг. рассматривалось как периферийный регион, процессы в котором оказывали незначительное воздействие на Болгарию [1, с. 256].

Осторожным было и отношение Болгарии к реализации проектов сотрудничества в регионе. Одной из наиболее амбициозных и, как показала практика, успешных стала инициатива Турции о создании общерегиональной структуры, получившей название Черноморское экономическое сотрудничество. Впервые идею объединения всех прибрежных государств Черного моря в единую структуру выразил бывший посол Турции в США Ш. Элекдаг на симпозиуме в Стамбуле в январе 1990 г. Ее подхватил и начал проводить в жизнь президент Турции Т. Озал. В сентябре 1990 г., в ходе специального выступления, он изложил главные пункты турецкого плана по созданию Черноморской экономической зоны. Первоначальная концепция была амбициозной, поскольку предполагала формирование «зоны экономического и коммерческого сотрудничества» со «свободным движением товаров, людей и капиталов». Следующим этапом должно было стать создание Черноморского таможенного союза. Предложения турецкого президента были направлены лишь трем государствам, имевшим выход к Черному морю: СССР, Болгарии и Румынии [6, p. 4].

Реакция трех стран была достаточно осторожной, поскольку ни одна из них не желала чрезмерного усиления Турции в регионе. Тем не менее, их руководство осознавало положительные перспективы развития региональной экономической кооперации. Советский Союз, а затем Российская Федерация также опасались, что невхождение страны в общечерноморскую организацию значительно уменьшит ее влияние на Балканах и Кавказе [6, p. 5].

Болгария с самого начала реализации идеи ЧЭС, по словам болгарского исследователя Е. Никовой, проявила себя как *«активный, но осторожный и нервный участник»*. Ее руководство быстро отреагировало на инициативу Т. Озала, приняв участие в декабре 1990 г. во встрече представителей СССР, Турции, Румынии и Болгарии в Анкаре, посвященной данному вопросу [9, p. 10]. Идея черноморского сотрудничества соответствовала политике Болгарии, направленной на восстановление добрососедских отношений с Турцией. Участие в ее реализации позволяло сохранить торговые связи со странами-партнерами по СЭВ и развивать их с Турцией. В дальнейшем Болгария изложила свою позицию по проекту в ходе четырехсторонних встреч в Бухаресте (12-13 марта 1991 г.), Софии (23-25 апреля 1991 г.), Москве (11-12 июля 1991 г.) и Стамбуле (3 февраля 1992 г.) [4, с. 35].

Однако активность Болгарии в переговорном процессе по созданию ЧЭС объяснялась также и стремлением влиять изнутри на параметры данной структуры и динамику ее развития. Главной задачей болгарского политикума стало недопущение реализации турецкого плана в полном объеме, поскольку это привело бы к вовлечению Болгарии в интеграционный проект, сделавший бы невозможным ее вхождение в ЕЭС. Болгария допускала возможность свободного движения товаров, людей и капиталов между странами региона только в рамках европейского экономического пространства [4, с. 35-36]. Болгарский автор Г. Панайотов, рассматривавший ЧЭС как проект, созданный Турцией в качестве альтернативы ЕЭС после того, как турецкая заявка на членство в организации была отложена, полагал, что в случае реализации изначального турецкого плана, интеграция такого обширного объединения в европейские структуры была бы едва возможной [2, с. 44].

Не внушали оптимизма и внутриболгарские проблемы. Свободное движение людей в рамках интеграционного проекта было способно усложнить этнополитическую ситуацию в Болгарии, которая сохраняла шаткую стабильность после отказа от практики Возродительного процесса 1984-1989 гг. А либерализация движения товаров, услуг и капиталов могла бы привести к экономической экспансии Турции в болгарскую экономику, на-

ходящуюся в состоянии экономического кризиса и переустройства на рыночных началах [4, с. 36]. Экономист И. Ангелов также выражал скептицизм в отношении результатов сотрудничества между государствами с низким уровнем качества производимой продукции [9, р. 11]. Его поддерживал Г. Панайотов, указывавший на такие общие проблемы стран региона, как слабость валют, инфляция, высокая безработица, коррупция и бюрократизм [2, с. 45].

Кроме того, значительная часть болгарского политикума, в первую очередь, социалисты, влиявшие на правительство в большей или меньшей степени вплоть до 1997 г. (кроме короткого периода в 1991-1992 гг.), рассматривали Турцию – главного промоутера общечерноморской идеи – как основной источник угрозы для Болгарии по двум причинам: из-за ее военного превосходства и тесного союза с США. Так, левые политические и общественные деятели Х. Генчев и И. Димитров обвиняли США в подталкивании Болгарии к «неестественному союзу». Умеренно критическую позицию занимал Н. Слатинский, полагавший, что ЧЭС, созданный для реализации амбиций одной страны, можно использовать с целью получения экономической выгоды в условиях, когда надежды на быструю евроинтеграцию не оправдались [9, р. 11]. Предсказывались и проблемы в связи с разным религиозным составом стран предполагаемого объединения, что провоцировало бы дополнительную конфликтность [2, с. 45].

Исходя из подобных соображений, представители Болгарии на переговорах выступали против идеи о том, что решения ЧЭС должны быть обязательны для исполнения, рассматривая его лишь как форум для многосторонних дискуссий по широкому кругу вопросов [8, р. 158]. По мнению болгарской стороны, решения в рамках ЧЭС должны были приниматься министрами иностранных дел на ежегодных встречах только после их разработки в рамках постоянных и временных рабочих групп с привлечением экспертов из всех стран-участниц. В условиях слабости отечественного бизнеса, Болгария также настаивала на том, что на первоначальном этапе государство должно активно вмешиваться в процесс налаживания сотрудничества между предприятиями стран региона [4, с. 37], в то время как первоначальные турецкие предложения основывались на независимом сотрудничестве деловых кругов стран без участия государства [2, с. 46]. Отрицательно была также воспринята идея Украины и Грузии о включении в круг ответственности организации вопросов безопасности [9, р. 10]. Взамен болгарская сторона предлагала акцентировать внимание на таких составляющих черноморского сотрудничества, как либерализация визового, торгового и инвестиционного режимов [3, с. 30].

Актуальным для Болгарии был также вопрос расширения количества участников ЧЭС за счет стран, не имеющих прямого выхода к Черному морю. В первую очередь, это касалось Греции и государств бывшей СФРЮ, поскольку они были преимущественно христианскими [4, с. 36]. Помимо этого, включение Греции в ЧЭС выполняло бы еще две задачи: Болгария получила бы надежного союзника по вопросу противодействия турецким планам, поскольку страна являлась главным соперником Турции в Юго-Восточной Европе, а также сделала бы невозможным превращение ЧЭС в интеграционную структуру, так как Греция была единственным среди участников членом ЕЭС.

Болгария единственной среди стран-участниц переговоров по созданию ЧЭС на встрече в Стамбуле 25 июня 1992 г. представила свой контр-проект предложенному Турцией итоговому документу. По настоянию болгарской стороны, он получил название декларации, что снимало любые обязательства с подписавших его стран и превращало в изложение общих планов и намерений [4, с. 35, 37]. Декларация ЧЭС стала компромиссным вариантом двух полярных позиций – осторожной болгарской и оптимистичной турецкой [9, р. 10]. В частности, в п. 7 указывается, что экономическое сотрудничество в рамках ЧЭС не должно противоречить обязательствам стран-участниц в отношении других международных и региональных организаций, в частности, ЕЭС. Пункт 10 содержит положение о постепенности внедрения основных элементов сотрудничества, принимая во внимание ситуацию в странах с переходной экономикой. В п. 11 говорится о том, что сотрудничество является открытым для участия других стран и международных организаций [2, с. 46; 10, р. 2-3]. Благодаря позиции болгарских дипломатов, Грецию удалось включить в состав организации [9, р. 12].

Противодействие институционализации ЧЭС привело к тому, что до середины 1990-х гг. Болгария не принимала участие в иных формах черноморского сотрудничества, кроме как в межгосударственных встречах [8, р. 158]. Наряду с Грецией, Болгария не одобрила решение о создании ПАЧЭС, поскольку одной из его задач была объявлена законодательная поддержка деятельности ЧЭС [6, р. 11]. Болгарская сторона первоначально рассматривала ПАЧЭС как наднациональную политическую структуру, деятельность которой противоречила исходным внешнеполитическим позициям страны [3, с. 32]. Не была ею подписана и Культурная декларация ЧЭС [9, р. 10].

Тем не менее, Болгария не противодействовала созданию ряда других институтов ЧЭС. В частности, в ходе встречи министров иностранных дел стран-членов в Анталии в декабре 1992 г. был сформирован постоянный секретариат ЧЭС в Стамбуле, а также достигнуто принципиальное соглашение об открытии Черноморского банка торговли и развития, которое было реализовано позже [3, с. 31].

Изменение позиции Болгарии в отношении общечерноморского сотрудничества произошло лишь в 1997 г. после падения правительства социалистов и прихода к власти Союза демократических сил (СДС). Поскольку СДС исходил из того, что главным приоритетом Болгарии должна быть интеграция в евроатлантические структуры, Турция, как член НАТО, перестала рассматриваться в качестве потенциального врага. Следовательно, была придана новая динамика развитию болгаро-турецких отношений, в том числе в рамках ЧЭС. К этому времени уже был подписан и вступил в силу договор об ассоциации Болгарии и ЕС, страна подала заявку на членство в союзе. Поэтому болгарское руководство посчитало, что укрепление институтов ЧЭС в ограниченных пределах не повлияет на уже ставший безальтернативным европейский курс страны.

Меняется и поведение в рамках ЧЭС главного регионального союзника Болгарии в первой половине 1990-х гг. - Греции: в 1995 г. она, несмотря на противодействие Турции, присоединилась к ПАЧЭС. 18 июня 1997 г. Болгария в ходе 9-ой Генеральной ассамблеи ПАЧЭС, прошедшей в Афинах, также присоединилась к данной структуре [6, р. 11].

Удостоверившись за время 6-летнего функционирования ЧЭС в том, что данный проект не несет угрозу национальным интересам, Болгария согласилась на его трансформацию в постоянно действующую организацию, решения которой несли бы правовые обязательства для принявших их сторон. Это было реализовано на Ялтинском саммите в июне 1998 г. Положения принятого Устава ОЧЭС закрепляли идеи, изложенные в Декларации ЧЭС 1992 г., а также институциональные нововведения последующих лет, не внося фактически ничего нового в уже существующее положение дел [5]. Народное собрание Болгарии 28 октября 1998 г. ратифицировало Устав ОЧЭС [7, р. 9].

Общечерноморское сотрудничество, задуманное турецкой стороной как интеграционный проект по образцу ЕЭС, если не альтернативный данному объединению, то позволяющий компенсировать невозможность быстрой интеграции в него, начало развиваться в условиях окончания Холодной войны и распада биполярной системы. На позицию Болгарии в отношении данного проекта влияли такие факторы, как доминирование европейского курса во внешней политике, определение Турции как возможного источника угрозы национальной безопасности, политическая и экономическая трансформация страны, экономические проблемы различного характера в государствах Черноморского региона. Исходя из этого, позиция Болгарии была крайне осторожной, главной ее целью было недопущение реализации турецкого проекта в полном объеме, ограничив сотрудничество лишь внешнеторговыми и инвестиционными вопросами. Задачами являлись недопущение институционализации сотрудничества, закрепления юридических обязательств, подтверждение главенствующей роли государства в вопросах экономической кооперации, расширение числа участников за счет нечерноморских стран, в первую очередь, Греции как противовеса Турции.

Болгарская дипломатия успешно выполнила данные задачи: Декларация ЧЭС 1992 г. учла все болгарские пожелания, поскольку Болгария единственной среди стран-участниц представила альтернативный турецкому проекту итогового документа. На протяжении семи лет Болгария строго следовала занятой ранее позиции, но после смены внешнеполити-

ческого курса в 1997 г. смягчила ряд позиций относительно формы сотрудничества, не изменив при этом его сути. Благодаря этому, в 1998 г. общечерноморское сотрудничество было оформлено в полноценную организацию – ОЧЭС, членом которой стала и Болгария. Таким образом, реализуемая модель черноморского сотрудничества в значительной, если не решающей, степени обусловлена позицией Болгарии.

Источники и литература

1. Медникаров, Б. К. Методологични основи на оценката на средата за сигурност в Черноморския регион // Научни трудове на ВВМУ "Н. Й. Вапцаров". 2007. № 28. С. 251-257.
2. Панайотов Г. Европеизъм или регионализъм - дилемата пред участието на България и Румъния в Черноморската икономическа зона // Международни отношения. 1993. № 6. С. 44-46.
3. Радева Ю. България и Черноморското икономическо сътрудничество // Международни отношения. 1993. № 2-3. С. 29-32.
4. Радева Ю. Позицията на България по въпроса за Черноморското икономическо сътрудничество // Международни отношения. 1992. № 8. С. 35-38.
5. Charter of the Organization of the Black Sea Economic Cooperation [Electronic resource] // Website BSEC. Mode of access: <http://www.bsec-organization.org/documents/LegalDocuments/statutory/charter/Download/CHARTER%20web%20080630.pdf>
6. Christakoudis A. Black Sea Economic Co-operation (BSEC): Objectives, Opportunities, Development // Etudes balkaniques. 2000. № 3. P. 3-17.
7. Hinkova S. Bulgaria and Regional Co-operation in South-East Europe // South-East Europe Review for Labour and Social Affairs. 2002. № 2. P. 7-23.
8. Katsikas S. Negotiating Diplomacy in the New Europe: Foreign Policy in Post-Communist Bulgaria. London, 2011. 267 p.
9. Nikova E. The Black Sea Region in the Post Cold War Area: Bulgaria's Perspectives // Etudes balkaniques. 1997. № 3-4. P. 3-16.
10. Summit Declaration on Black Sea Economic Cooperation (Istanbul, 25 June 1992 [Electronic resource] // Website BSEC. Mode of access: <http://www.bsec-organization.org/documents/declaration/summit/Reports/Istanbul1992.pdf>

IV ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ОРГАНЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МОБИЛЬНОСТИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ США КАК ИНСТРУМЕНТ АМЕРИКАНСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

ЕВСЕЕВ В.М.

Исследователь, г. Севастополь

В «Стратегии национальной безопасности США для нового столетия» главный военно-политический принцип США по-прежнему заключается в обеспечении американского лидерства в мире, которое возможно только при наличии соответствующей военной мощи. Таким образом, несмотря на неопределенность угроз и проблем XXI века, США намереваются и в будущем сохранить роль «мирового лидера». Для этого руководство США планирует и далее действовать с целью опережающего формирования адекватной их интересам стратегической среды, а в случае неуспеха – быть готовыми к силовой нейтрализации неблагоприятных для США процессов. Силовое «управление» будет осуществляться создаваемыми министерством обороны США для XXI века силами высокой готовности, предназначенными «для быстрого реагирования в мире на неожиданные события», которые, по мнению специалистов министерства, часто будут требовать немедленного введения этих сил в действие с целью их предупреждения. В этой связи присутствие за рубежом, тщательно адаптированное к региональным требованиям, считается критическим для защиты интересов США средством формирования нужной стратегической среды в мирное время.

Еще в докладе комиссии по национальной обороне США в 1997 году констатировалось, что проблемы XXI века будут количественно и качественно отличны от тех, которые были характерны для периода «холодной войны», в связи с чем, к 2020 году потребуются коренные изменения институтов национальной безопасности, военной стратегии и подходов к вопросам обороны [7; 8, 9].

Расширение американского военного присутствия в мире после событий 11 сентября 2001 г., по сути, идет непрерывно. На евразийском континенте были созданы и продолжают создаваться десятки новых военных объектов вооруженных сил США – от Балкан и стран Балтии до китайской границы, включая Ближний и Средний Восток, Кавказ, Центральную и Южную Азию.

В то же время последние военные кампании контингентов вооруженных сил США (в Афганистане и Ираке) показали, что традиционная система зарубежного базирования стала громоздкой и малоэффективной. Во-первых, география размещения большинства американских военных баз, которые были созданы во второй половине XX века для противодействия СССР и его союзникам, не отвечает реалиям угроз с точки зрения применения вооруженных сил США в современных условиях (операции миротворческие, по стабилизации обстановки, контртеррористические и другие). Во-вторых, существующие крупные объекты крайне уязвимы и могут стать идеальной целью, как для внезапных атак террористов, так и для ракетных ударов со стороны отдельных, враждебно настроенных к США стран. Несвоевременное принятие контрмер может сорвать или значительно снизить эффективность действий вооруженных сил Соединенных Штатов. В связи с этим, в 90-х годах XX века США отказались от концепции «передового базирования». Американские военные специалисты в условиях перехода биполярной системы международных отношений в многополярную считают, что в третьем тысячелетии вооруженные силы будут размещаться главным образом на континентальной части страны. Вместе с тем, по их взглядам, необходимость влияния на события в мире требует «проецирования» силы и военного присутствия за рубежом, которые останутся фундаментальными, стратегическими концепциями будущих американских вооруженных сил. США продолжают сохранять военный потенциал в различных регионах мира, а сокращенное присутствие в регионах предполагает в случае возникновения конфликтов готовность к переброске войск в виде экспедиционных формирований со штатным вооружением и военной техникой (ВВТ), а также запасами материальных средств в любую точку земного шара. Причем доставляться в назначенный район они должны в необходимых количествах в максимально короткие сроки в готовности к немедленному выполнению поставленной задачи. Более того, вооруженные силы призваны и обеспечивать длительное ведение военных действий в удаленных районах. Применение военной силы, основанное на высоком уровне стратегической мобильности, нацеливает руководство вооруженных сил США на своевременность реагирования, важную для эффективного сдерживания противника и ведения войны. В связи с разнообразием потенциальных угроз, к силам, предназначенным для применения, предъявляется требование быстрой трансформации в соответствии с характером предстоящей задачи, а инфраструктура, как континентальная, так и зарубежная, должна быть оптимизирована для решения любых задач.

Мобильность войск приобрела для США особую остроту в связи с ведением военных действий в Ираке и Афганистане, возрастанием террористических угроз, участием в гуманитарных и миротворческих операциях. Курс военно-политического руководства (ВНР) страны вынуждает командование вооруженных сил США к активной деятельности во все более возрастающих масштабах. Военное присутствие США в различных регионах мира требует четко налаженной работы механизма обеспечения материально-техническими средствами, топливом, вооружением, людскими ресурсами.

Поставку большого количества грузов, особенно крупногабаритных, необходимых США как для постоянного силового присутствия за океаном, так и во время проведения отдельных акций различного назначения с участием вооруженных сил, может обеспечить только морской транспорт. Исходя из этого, американские военные аналитики пришли к выводу, что имевшие место в последние десятилетия локальные войны и вооруженные конфликты диктуют необходимость увеличения объема задач, решаемых морским транспортом, а существующей системе морских перебросок уже в ближайшем будущем придется функционировать с еще большей напряженностью.

Учитывая все это, американское руководство, начиная с 2002 года, приступило к разработке новой концепции размещения своих войск на иностранных территориях, составляющей в настоящее время основное содержание процесса «трансформации и реформирования» национальных вооруженных сил. В 2003 году на основании этой новой концепции был разработан план трансформации ВМС [11]. Взаимосвязанный пакет основополагающих документов, а также комплекс политико-дипломатических, финансовых и военных усилий, осуществляемых военно-политическим руководством Соединенных Штатов для

реализации концепции новой системы базирования американских войск, в общем плане именуется термином «*реконфигурация военного присутствия ВС США за рубежом*» [4].

В 2005-2006 годах министерство обороны США, выполняя требования «Единой стратегии глобального присутствия», продолжало проведение практических мероприятий по его реконфигурации на территориях других стран. В частности, в марте 2005 года в докладе комитета по научным изысканиям при конгрессе США, посвященном вопросам развития амфибийных сил и сил морского заблаговременного складирования [12], была вновь выдвинута концепция создания (расширения) в непосредственной близости от потенциальных очагов нестабильности передовых операционных баз. На таких базах предполагается размещать пункты заблаговременного складирования для размещения запасов военной техники и имущества с минимальным количеством обслуживающего персонала, а также сменяемые на ротационной основе ограниченные по численности воинские контингенты. Другая концепция, прозвучавшая в том же докладе, предусматривает создание принципиально новых объектов морского базирования – специализированных морских платформ и крупных судов-складов с запасами оружия, находящихся в удаленных океанских районах.

Такое внимание к вопросам обеспечения американских войск в передовых районах делает актуальным тщательное изучение опыта деятельности командования морских перевозок военно-морских сил США в исторической ретроспективе.

С момента создания в США военного ведомства, перед вооруженными силами страны, при их участии в войнах и вооруженных конфликтах за пределами своей территории, возникала проблема организации доставки войск, ВВТ, средств материально-технического обеспечения (МТО), всех видов довольствия в районы военных действий. Эти доставки главным образом осуществлялись морем. Длительное время ни у армии, ни у военно-морских сил США судов, специально предназначенных для перевозки войск и военных грузов, не было. В период американо-мексиканской войны 1846 – 1848 годов генеральному квартирмейстеру армии США бригадному генералу Томасу С. Джесапу приходилось вступать в долгие переговоры с частными судовладельцами и даже руководителями американских ВМС по вопросу фрахта судов для перевозки армейских подразделений. После окончания этой войны Томас С. Джесап выдвинул идею о том, чтобы морскими перевозками в мирное и военное время ведали ВМС.

Вторая половина XIX века стала периодом бурного развития научно-технического прогресса, в том числе ускоренными темпами развивалась военная техника, парусный флот уступал место паровому. В этой связи в гражданской войне в США 1861 – 1865 годов одним из ключевых вопросов, стоявших перед флотом опиравшегося на северные штаты федерального правительства, стал вопрос снабжения войск топливом и другими средствами МТО. И даже спустя более 30 лет, во время войны США с Испанией в 1898 году, эти проблемы не утратили своей актуальности. В 1904 году была выдвинута идея создания баз флота для поддержания деятельности контингентов вооруженных сил США в Европе, что начало реализовываться во время Первой мировой войны. Для управления перевозками подразделений экспедиционного корпуса США в Европу в 1917 году, его обеспечения всеми видами довольствия и возвращения в страну в период с апреля 1917 по апрель 1918 года, при министерстве обороны был образован ряд отделов и служб, в том числе служба по размещению сил на кораблях и судах, служба складирования и перевозок, отдел закупок и снабжения, служба внутренних перевозок, служба наземных перевозок. Менее чем через год, 19 марта 1919 года, они были интегрированы в транспортную службу министерства обороны. В середине 20-х годов прошлого века в основу системы МТО ВМС была положена концепция передовых баз флота. На заключительном этапе Второй мировой войны преимущества такой системы обеспечения продемонстрировал возрожденный Пёрл-Харбор, ставший базой для многочисленных плавбаз, танкеров, транспортов, плавучих доков и других судов, следовавших от одного атолла к другому для поддержки ударных сил.

Вплоть до окончания Второй мировой войны за морские переброски в вооруженных силах США отвечали четыре отдельные правительственные организации: транспортная служба ВМС, транспортная служба сухопутных войск, администрация по военному ко-

раблестроению морской комиссии США и служба снабжения флота. И хотя все они действовали под общим руководством объединенного военного транспортного командования, такая структура была громоздкой и малоэффективной.

Первым шагом по пути к централизации всего процесса морских перевозок в интересах вооруженных сил стало создание в октябре 1949 года военно-морской транспортной службы (ВМТС) – единого пассажиро- и грузоперевозчика для министерства обороны США на море.

Распространение американского присутствия по миру, начавшееся после Второй мировой войны, нахождение оперативных соединений американских ВМС в различных районах Мирового океана, размещение вооруженных сил, береговых и военно-морских баз на территориях других государств, отделенных от Американского континента обширными водными пространствами, вызывало необходимость в значительных по объему морских и океанских перевозках военных грузов. После падения «железного занавеса» и распада Советского Союза, что привело к ослаблению российского военно-политического и экономического влияния, США не отказались от своих претензий на роль «мирового лидера». Напротив, в этом они видели возможность занять высвободившуюся нишу, еще более расширив зону своих «жизненных интересов». Активизация террористической деятельности, неопределенность угроз XXI века только укрепили намерения Вашингтона следовать подобным курсом.

В настоящее время военно-политическое руководство США рассматривает массовые переброски через океан крупных войсковых соединений с оружием, военной техникой и запасами средств МТО как необходимый и существенный элемент при ведении военных действий на удаленных театрах военных действий. Однако, как свидетельствует американская военная история, министерство обороны США собственному морскому транспорту не всегда уделяло должное внимание, рассчитывая использовать для перевозок боевые корабли и фрахтуя частные суда.

Развитие военной техники в начале XX века, необходимость доставки большого количества личного состава и грузов в Европу во время Первой мировой войны заставило министерство обороны организовать планирование перебросок, упорядочить работу наземного и морского транспорта. Первым шагом в этом направлении было образование ряда отделов и служб в 1919 году интегрированных в транспортную службу министерства обороны. В 1936 году в США был принят закон о торговом судоходстве, обязывающий частных судовладельцев в военное время предоставлять свои суда в распоряжение вооруженных сил. Однако, как правило, это были устаревшие транспорты, малопригодные для перевозки военных грузов.

Еще более возросшие объемы перевозок в период Второй мировой войны, составившие только через Атлантику 7 млн. военнслужащих, 25 тыс. танков, 23 тыс. самолетов, 10 тыс. артиллерийских орудий, 5 тыс. бронетранспортеров, привели к необходимости иметь в составе вооруженных сил собственные транспортные суда. Итогом этого стало создание в 1946 году резервного флота национальной обороны [1].

Опыт управления морским транспортом во время Второй мировой войны, которое осуществляли четыре отдельные правительственные организации, привел, как об этом уже упоминалось выше, к созданию в 1949 году военно-морской транспортной службы США, призванной централизовать все океанские и морские перевозки, проводимые в интересах вооруженных сил.

Первым боевым испытанием для ВМТС стала Корейская война 1950 – 1953 годов, начавшаяся через девять месяцев после образования службы. Несмотря на то, что война в Корее носила континентальный характер, действия сухопутных и военно-воздушных сил целиком зависели от непрерывного притока свежих сил и предметов снабжения, перебрасывавшихся в основном через Тихий океан силами ВМТС. Поэтому американские военные аналитики, оценивая итоги Корейской войны, пришли к выводу, что без господства на морских коммуникациях между США и Кореей война была бы наверняка проиграна во всех отношениях. Из общего количества грузов, доставленных на Корейский полуостров, 90% было перевезено кораблями и судами ВМТС.

Участие судов ВМТС в перебросках контингента вооруженных сил США в Ливан в 1958 году доказало возможность и эффективность такого использования морского транспорта и в вооруженных конфликтах меньшей интенсивности.

Тем не менее, существовавшая в 1950-х годах система перебросок оставалась еще далекой от совершенства, в первую очередь, из-за отсутствия должной централизации в их планировании и взаимодействии с органами тыла. Для исправления такого положения стало обязательным утверждение планов перебросок и графиков движения транспорта, разрабатываемыми командованиями видов ВС, председателем комитета начальников штабов.

Обновление судового состава ВМТС, хотя и велось, но не давало требуемого прироста возможностей службы в морских перевозках. Принятая в 1953 году национальная военная стратегия США «массированного возмездия» делала упор на воздушно-ядерную мощь, и 47 % ассигнований бюджета министерства обороны предназначалось ВВС (главным образом, стратегическому авиационному командованию). Доля ВМС составляла около 29 %, при этом их основная часть направлялась на развитие ударных сил флота [3]. Построенные после Корейской войны новые транспорты типа «Маринер» хотя и обладали большей скоростью хода и грузоподъемностью чем суда 1940-х годов, по своей конструкции, не были пригодны для транспортировки военных грузов. Только в 1958 году в состав ВМТС вошел первый ролкер. Во многом деятельность службы была ориентирована на обеспечение стратегических наступательных сил США. Об этом свидетельствует и ее деятельность в Арктике в период строительства там авиабаз стратегической авиации и постов противовоздушной обороны, и образование в 1959 году группы судов специального назначения для выполнения работ, прежде всего, в интересах атомных ракетных подводных лодок.

После того, как стала очевидной несостоятельность «массированного возмездия» ввиду невозможности для США полностью отразить ответный ракетно-ядерный удар Советского Союза, в 1961 году была принята стратегия «гибкого реагирования», согласно которой американские вооруженные силы предполагалось делать более сбалансированными и отдельные их виды развивать примерно в равных пропорциях. На практике же это выразилось в перераспределении денежных средств от ВВС в пользу сухопутных войск, а ВМС получали те же 29 % от общего бюджета министерства обороны. Тем не менее, совершенствование системы планирования и управления перебросками, обновление судового состава ВМТС продолжалось. В составе министерства обороны был образован центр управления стратегической мобильностью, были начаты разработка программы стандартизации материально-технического обеспечения ВМС и создание системы сбора и обработки информации.

В начале 1960-х годов группа специального назначения службы пополнилась судами, предназначенными для использования в интересах объединенного космического командования и национального агентства по аэронавтике и изучению космического пространства (НАСА), решавших задачи наблюдения за космическими аппаратами и ракетносителями. В 1963 году ВМТС предприняла попытку организовать хранение на своих судах, развернутых в передовых районах, запасов вооружения и военной техники (ВВТ) для подразделений сухопутных войск, сделав их, таким образом, значительно мобильнее и сократив, тем самым, время реагирования на потенциальные угрозы и кризисы. Несмотря на то, что программа поддержания в составе ВМТС судов-складов с ВВТ была оценена как действенная и эффективная, она была свернута с началом Вьетнамской войны. Поступление в состав ВМТС со второй половины 1960-х годов транспортов снабжения типов «Сакраменто», «Марс» и «Сириус» давало возможность пополнять запасы топлива, воды, продовольствия, боеприпасов боевых кораблей непосредственно в море, что позволяло им дольше находиться в районе предназначения.

Что касается непосредственно океанских и морских грузоперевозок, то особое внимание министерства обороны было обращено на использование контейнеровозов. Не имея достаточных средств на строительство собственных специализированных судов, ВМТС была вынуждена ограничиться переоборудованием под эти цели части сухогрузов и танкеров. Массовые переброски в случае войны или других чрезвычайных ситуаций, как и

прежде, планировалось осуществлять за счет торгового флота. Так как коммерческие контейнеровозы при всей своей эффективности из-за отсутствия или ограниченного количества бортовых кранов были малопригодны для разгрузки в портах с нарушенной инфраструктурой, в ВМС была начата программа строительства для ВМТС специальных крановых судов, а также лихтеровозов, предназначенных для перевозки барж с малой осадкой.

Вьетнамская война подвела своеобразный итог деятельности ВМТС, вновь проявившей себя основным перевозчиком, доставившим в Юго-Восточную Азию 95% всех грузов. В отличие от Корейской войны благодаря созданию при министре обороны объединенной оперативной группы МТО американских вооруженных сил в Южном Вьетнаме и управлению специальным помощником председателя КНШ ВС США по стратегической мобильности грузовые и пассажирские перевозки отличались большей централизацией. Южный Вьетнам стал своеобразным полигоном для испытания самых современных и передовых на то время способов доставки и обработки грузов судами ролкерного типа и лихтеровозами, разгрузки судов с помощью вертолетов. Решающее же значение в повышении эффективности морского транспорта не только в этой войне, но и во всей системе грузоперевозок приобрело использование контейнеров.

Вместе с тем Вьетнамская война показала, что система транспортировки личного состава и грузов, статус службы как органа управления океанскими и морскими перебросками уже не отвечают предъявляемым требованиям. Проведенные в 1950 – 1960 годах реорганизационные преобразования носили половинчатый, незавершенный характер. Ввиду недостаточности полномочий для равного диалога с командованиями вооруженных сил США в зонах (на театрах военных действий) и видов вооруженных сил ВМТС не могла осуществлять контроль над «сквозными перебросками» с континентальной части США за океан. В масштабах всех вооруженных сил непосредственным планированием перебросок войск и грузов продолжали заниматься структуры различных видов ВС, роль ВМТС сводилась лишь к конечному этапу – переброске морем. Даже в ВМС дополнительно к ВМТС продолжала действовать служба снабжения со своим штабом, инфраструктурой и флотом. Итогом этого в 1970 году, еще до завершения Вьетнамской войны, стала реорганизация ВМТС в командование морских перевозок (КМП), обладавшее большими возможностями и более гибкой структурой. Через два года структура КМП была расширена за счет образования новой группы судов – вспомогательного флота, куда вошли транспорты снабжения и танкеры-заправщики, а позднее – океанские буксиры и госпитальные суда.

Во второй половине 1960-х годов в высшем руководстве США широко обсуждалось военно-теоретическое положение, согласно которому Соединенным Штатам в интересах более эффективного обеспечения своего военно-политического курса необходимо сделать главный упор на морскую мощь. Хотя это положение, отождествляемое с понятием «океанская стратегия», и не получило признания в официальных высказываниях американской администрации, со второй половины 1970-х годов стал очевидным акцент на морской потенциал. В 1976-77 финансовых годах доля ВМС в бюджете министерства обороны достигла уже 39 %, в то время как сухопутных войск и ВВС сократилась соответственно до 28 % и 33 % [3].

Наряду с концепциями «стратегической достаточности» и «полутора войн» одним из опорных элементов принятой в 1971 году стратегии «реалистического устрашения» стала «стратегическая мобильность». Рассмотрение способов ее достижения не ограничивалось только океанскими и морскими грузоперевозками. В этом контексте поддержка сухопутных войск и участие в боевых действиях на суше рассматривались среди важнейших задач ВМС, решение которой возлагалось как на боевые корабли и морскую пехоту, так и на суда КМП, обеспечивающие высадку подразделений на берег. Увеличение ассигнований на развитие ВМС в 1970-е годы позволило пополнить состав КМП современными судами комбинированного типа, обеспечивающими как перевозку контейнеров, так и самоходной техники, а также лихтеровозами, легко переоборудоваемыми под те же цели.

Однако основной упор при массовых перебросках продолжал делаться на резервные суда. Для повышения мобилизационной и технической готовности судов резервного флота национальной обороны (РФНО) в 1977 году в его составе как отдельный, наиболее боеготовый компонент был создан экстренный резерв (резерв 1-й очереди). Его суда, содер-

жащиеся в 4-, 5-, 10- или 20-суточной готовности к загрузке и выходу в море, в мирное время находились в ведении морской администрации, а при активации переходили под управление КМП. К 1980-м годам, по оценке КМП, в массовых перебросках оно рассчитывало задействовать до 211 транспортных судов (12 – из штатного состава, 38 – из торгового флота и 161, то есть три четверти – из резерва) [5].

В 1981 году с приходом к власти администрации президента Р. Рейгана на свет появилась «доктрина неоглобализма», предусматривавшая широкий комплекс мероприятий по «отбрасыванию коммунизма», прямое использование военной силы против тех стран, где США усматривают наличие угрозы своим «жизненно важным интересам». Океанские и морские перевозки в планах Пентагона приобрели не меньшую значимость, чем завоевание господства на море и использование военной мощи на удаленных театрах военных действий. Еще до своего избрания на пост главы государства Р. Рейган заявлял, что судоходство в немалой степени призвано содействовать укреплению способности США «выступать в роли мирового лидера». Первоочередными задачами морского судоходства были определены гарантирование мобилизационной готовности судостроительной промышленности в интересах быстрого увеличения состава транспортного флота и усиление военной мощи за счет привлечения транспортных судов к поддержке деятельности ВМС [2].

Изменения военно-политического курса США в первой половине 1980-х годов повлекли за собой глубокие преобразования в военно-технической политике, развертывание новых и ускорение прежних программ в области военного строительства. Значимость, которую для Пентагона стала приобретать «стратегическая мобильность», нашла отражение в увеличении ассигнований по статье «Силы для переброски войск по воздуху и морем» бюджета министерства обороны, которые выросли с 2,1 млрд. долларов в 1980 году до 8,6 млрд. долларов в 1986 году. Общая сумма на эти цели за семь лет составила 36,2 млрд. долларов [6]. В апреле 1980 года в составе КМП были сформированы силы заблаговременного складирования высокой готовности, в 1984 году реорганизованные в силы морского заблаговременного складирования с запасами ВВТ и средствами МТО для трех экспедиционных бригад МП и подразделений сил быстрого развертывания. С 1981 по 1986 год судовой состав КМП пополнился восьмью быстроходными ролкерами типа «Алгол» со скоростью хода свыше 30 узлов. В первой половине 1980-х годов непосредственно на реализацию программ по строительству судов новых проектов, переоборудованию существующих, обновлению состава резерва КМП 1-й очереди, развертыванию судов-складов и других судов обеспечения СБР, было израсходовано около 5,4 млрд. долларов [2, с. 50].

К концу 1980-х гг. КМП приобрело структуру, которая принципиально не изменилась и к настоящему времени. Окончательная централизация всеми видами воинских перевозок министерством обороны США была воплощена в 1987 году с созданием объединенного командования стратегических перебросок вооруженных сил США (ОКСП ВС США). С 1988 года под управлением ОКСП силы и средства этих командований использовались МО США в перебросках только при участии США в вооруженных конфликтах и локальных войнах, а с 1992 года используются и в мирное время.

Свои новые возможности КМП продемонстрировало уже во время войны в Персидском заливе, проведенной в форме двух операций – «Щит пустыни» и «Буря в Пустыне». Темпы, которыми осуществлялась доставка грузов (510 тыс. т в месяц), значительно превышали аналогичные показатели в периоды Корейской (385 тыс. т в месяц) и Вьетнамской войн (153 тыс. т в месяц). При этом вклад правительственных судов США в морские грузоперевозки впервые превысил 50 % [13].

В 90-х годах XX века превращение биполярной системы международных отношений к многополярную заставило США перейти от концепции «передового базирования» к концепциям «передового присутствия» и «проецирования силы». Это означало замену больших контингентов американских вооруженных сил на заокеанских территориях подразделениями континентального базирования, готовыми в случае кризисной ситуации к немедленной переброске в любую точку планеты. Такое использование вооруженных сил, по мнению Вашингтонской администрации, всецело зависело от мощной и гибкой системы транспортировки войск и грузов, а также системы складирования материальных средств, определяющих уровень стратегической мобильности.

С целью обеспечения бесперебойного оперативного обеспечения ВВТ и средствами МТО подразделений армии США в передовых районах в середине 1990-х годов была создана сеть складов различного военного имущества в Европе, странах Среднего Востока и в Южной Корее. С 1997 по 2002 год министерство обороны США затратило более 5,932 млрд. долларов на очередное массовое обновление судового состава КМП, в ходе которого в состав командования были включены 19 больших среднескоростных ролкера класса «LMSR» [10]. В ходе подготовки и проведения операции «Свобода Ирака» этими транспортом было перевезено более 44 % всех грузов, доставленных за этот период в зону Персидского залива морем, а общий вклад судов КМП возрос с 51 % во время войны 1990 – 1991 годов до 77 %.

Тем не менее, по мнению американских военных специалистов, неопределенность угроз XXI века и опыт, полученный в последних военных кампаниях США в Афганистане и Ираке, диктует необходимость перехода от «передового присутствия» контингентов армии, ВМС и ВВС США к «морскому базированию» объединенных экспедиционных формирований. В этой связи следует ожидать, что уже в скором будущем КМП ожидают значительные реорганизационные изменения и в организационной структуре, и в судовом составе.

Увеличение объема задач, решаемых ВМТС и КМП, возможностей их судов с 1950-х годов до наших дней, как в военных кампаниях и миротворческих операциях, так и в повседневной деятельности носит закономерный и объективный характер, обусловленный общим научно-техническим прогрессом. Тем не менее, все проводимые организационные и технические мероприятия по совершенствованию системы морских перевозок были и остаются ориентированными, прежде всего, на достижение военно-политических и военных целей.

Продолжающееся с 80-х годов XX века увеличение роли собственных судов КМП в морских перебросках при уменьшении зависимости от других стран и частных компаний может свидетельствовать о том, что в будущем военно-политическое руководство США не намерено спрашивать разрешения или одобрения мирового сообщества на проведение ими военных акций по «экспорту демократии».

Подтверждением тому служит неуклонное стремление Пентагона, не считаясь с затратами, создать систему морского базирования, предназначенную для обеспечения дальнейшего роста боевой мощи и мобильности экспедиционных сил, сделав суда КМП ключевым элементом этой системы.

Источники и литература

1. Гаврилов Ф. Командование морских перевозок ВМС США // Зарубежное военное обозрение. 1990. № 6. С 48.
2. Гаврилов Ф. Командование морских перевозок ВМС США // Зарубежное военное обозрение. 1990. № 8. С. 49.
3. Гонтаренко Б. Океанская стратегия США // Зарубежное военное обозрение. 1978. № 2. С. 49.
4. Жеглов Ю. Реконфигурация военного присутствия США за рубежом // Зарубежное военное обозрение. 2007. № 1. С. 3.
5. Кораблев А. Обеспечение стратегической мобильности (Воздушные и морские переброски американских войск) // Зарубежное военное обозрение. 1981. № 9. С 15.
6. Николаев Н. Проект военного бюджета министерства обороны США на 1982 финансовый год // Зарубежное военное обозрение. 1981 г. № 8. С. 20;
7. Николаев Н. Проект военного бюджета министерства обороны США на 1983 финансовый год // Зарубежное военное обозрение. 1982 г. № 8. С. 22;
8. Владимиров И. Проект военного бюджета министерства обороны США на 1985 финансовый год // Зарубежное военное обозрение. 1984 г. № 8. С. 25;
9. Зубров Е, Леонидов И. Проект военного бюджета министерства обороны США на 1986 финансовый год // Зарубежное военное обозрение. 1985 г. № 8. С. 26.
10. A National Security Strategy For A New Century. – Washington, D.C.: Government Printing Office, 1997. 34 p.
11. Sekala S., Chambers C., Driggins J. Strategic Mobility: Late Deliveries of Large, Medium Speed Roll-On/Roll-Off Ships. P. 5.
12. Naval Transformation Roadmap 2003. Assured Access & Power Projection...From The Sea. – Washington, D.C.: Department of The Navy. 2003. 100 p.
13. O'Rourke R. Navy-Marine Corps Amphibious and Maritime Prepositioning Ship Programs: Background and Oversight Issues for Congress. Congressional Research Service Report for Congress. – Washington, D.C.: The Library of Congress. 29 March 2005. 32 p.
14. Rost R., Addams J., Nelson J. Sealift in Operation Desert Shield/Desert Storm... P. 2.

**РОЛЬ ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ В ПРОЦЕССЕ ДЕЗИНТЕГРАЦИИ СССР
В КОНЦЕПЦИЯХ З. БЖЕЗИНСКОГО, Ф. ФУКУЯМЫ И С. ХАНТИНГТОНА**

КАМАКИН М.В.

Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского

Дезинтеграция СССР происходила под воздействием как внешних, так и закономерных исторических причин. Сложно определить, что преобладало в большей степени. Изучая различные подходы к проблеме дезинтеграции СССР, можно выделить три основные концепции американских политологов начала 1990-х гг. Согласно первой концепции, преобладали внешние факторы. Наиболее известным представителем этой концепции является З. Бжезинский. С. Хантингтон являлся автором концепции, согласно которой на процесс дезинтеграции СССР повлияли как внешние факторы, так и определенные закономерные исторические причины. Ф. Фукуяма считает, что дезинтеграция СССР произошла под влиянием закономерных исторических процессов.

Согласно концепции З. Бжезинского, основную роль в дезинтеграции СССР сыграли внешние факторы [2]. В его трудах четко прослеживается мысль о том, что процесс дезинтеграции СССР явился следствием его поражения в противостоянии с США, которые немало сделали для его ослабления [3]. «Холодная война» длилась 45 лет, все это время происходила острая политическая борьба в мире, в некоторых регионах доходило до открытого военного противостояния. Рано или поздно это должно было завершиться. Если исходить из определения этого противостояния как «война», то должны быть победители и побежденные [9]. Многие из президентов США второй половины XX столетия считали, что Советский Союз представлял собой реальную угрозу для США [3] и они внесли существенный вклад в дезинтеграцию СССР. Д. Эйзенхауэр укрепил альянс НАТО, Дж. Кеннеди решительно отразил попытки Кремля добиться стратегического прорыва как во время Берлинского, так и Кубинского кризисов в начале 1960-х годов. Он также запустил гонку за лидерство в полете на Луну, которая отвлекла советские ресурсы и лишила Советский Союз потенциально возможного идеологического и политического триумфа.

Провал американских военных усилий во Вьетнаме и возникшее в связи с этим стремление сократить военные расходы побудили президента Р. Никсона искать пути к достижению разрядки в отношениях с Советским Союзом на базе признания статус-кво. Но вскоре другой президент — Дж. Картер в союзе с Папой Римским Иоанном Павлом II развернул кампанию в защиту прав человека, которая ослабила идеологические позиции СССР. Дж. Картер также возобновил и технологические усилия США в военной области. После вторжения советских войск в Афганистан он предоставил вооружение афганской оппозиции, которая вела борьбу против советских войск в Афганистане, и одновременно стал создавать инфраструктуру для войны США в Персидском заливе. Вслед за Дж. Картером президент Р. Рейган также бросил вызов СССР во всех сферах [9].

Эти процессы происходили не только в самом Советском Союзе, но и в странах-союзниках. Например, в Польше, после того как правительство не смогло подавить движение Солидарность. Готовность М. Горбачева принимать изменения в странах центральной Европы для того, чтобы получить передышку и возможность для проведения внутренних реформ, в конечном счете, привело к поражению советской системы [9].

З. Бжезинский сравнивал окончание «холодной войны» с началом третьего этапа мирового глобального развития. Первый этап наступил после Первой мировой войны, второй после Второй мировой войны, а третий — после окончания «холодной войны» [8]. Однако, несмотря на некоторые сходства международной ситуации, которая сложилась после окончания Второй мировой войны и ситуацией, сложившейся после окончания «холодной войны», существуют значительные отличия. З. Бжезинский высказал мысль о том,

что «последствия произошедшего, столь явственно видимые в 1945-м, не были столь ясными в 1991-м. От радости, что пришел конец кровавой бойне, и от надежд на всеобщий мир люди буквально танцевали на улицах. Четыре с половиной десятилетия спустя их реакция была менее ясной. В столицах победоносного Атлантического Альянса не было танцев на улицах, когда распался Советский Союз. Конечно, еще до этого проявлялась радость в новой Варшаве, освободившей сама себя, а позднее — в Праге и Будапеште и во вновь воссоединенном Берлине, но Запад выражал скорее чувство облегчения, нежели энтузиазма. Усложняло официальное восприятие событий и сдерживало ожидания людей то, что к концу холодной войны мир, который приняла Америка накануне XXI века, не находился в состоянии покоя и подлинного мира» [3].

Завершение «холодной войны», по мнению З. Бжезинского, было не менее решающим и не менее односторонним, чем поражение наполеоновской Франции в 1815 году, Германской империи в 1918 году, нацистской Германии или императорской Японии в 1945 году. Как всегда после окончания войны, особенно после капитуляции, начинаются политические потрясения в проигравшем войну государстве, и это грозит полной потерей государственности. Такой момент капитуляции наступил и для СССР, когда советский лидер М. Горбачев принял условия победителей и согласился на объединение Германии, наподобие того, как Германская империя капитулировала в Компьене в 1918 году. Хотя и советская капитуляция происходила в чрезвычайно дружеской обстановке, по крайней мере, это так выглядело со стороны [9].

В целом прекращение «холодной войны», по мнению З. Бжезинского, имело как положительные, так и отрицательные стороны. Появившаяся надежда на скорое расширение НАТО на восток и перспективы включить в состав альянса все государства бывшей ОВД, сопровождалась опасением по поводу неопределенности ситуации в СССР. Напрашивалось сходство с Югославией, которая, как и Советский Союз, была многонациональным государством с доминирующим положением одной этнической общины. В сложившейся ситуации приоритетной задачей для Дж. Буша становится идея предотвращения распада СССР, хотя об этом и не говорилось публично. Недооценив потенциал насилия в Югославии, администрация Дж. Буша была застигнута врасплох эскалацией кризиса в этой стране, в которой сложилась весьма сложная внутривнутриполитическая ситуация, наподобие той, которая сложилась и в СССР [3], но могла иметь значительно более тяжкие последствия. В частности, это касалось проблемы контроля над ядерным оружием [10]. Эти события усилили опасения администрации Дж. Буша по поводу того, что М. Горбачев утратит контроль за процессом распада Советского Союза [3]. Ситуация могла выйти из под контроля центрального правительства, и ядерные технологии могли бесконтрольно распространяться по миру [10].

Ошибочные представления администрации на этот счет нашли свое отражение в речи президента Дж. Буша, с которой он выступил в августе 1991 года на Украине [3] и призывал к сохранению СССР как единого государства. Он заявил, что «американцы не поддержат тех, кто стремится к независимости, чтобы заменить уходящую тиранию местным деспотизмом. Они не будут помогать тем, кто распространяет самоубийственный национализм, основанный на этнической ненависти». Дж. Буш в своей речи, обращенной к украинцам, по существу одобрил проводившуюся в Советском Союзе реформу и даже пытался убедить своих слушателей, что республики будут сочетать большую автономию с более свободным взаимодействием, как политическим, так и социальным, культурным, экономическим. Также Дж. Буш заверил украинцев, что Америка намерена развивать бизнес в Советском Союзе, включая Украину. Речь ненамеренно дала возможность проникнуть в суть стратегии и инстинктивные устремления, определявшие поведение Дж. Буша [3]. Исходя из этой информации, можно сделать вывод, о том, что США не стремились полностью уничтожить Советский Союз. Скорее всего, приоритетной задачей для Америки было максимально ослабить советское государство, его влияние в мире. Подобно Византийской империи, Америка стремилась не уничтожать врагов, а ослабить и заключить выгодный для себя мир; так как не стоит забывать, что вместо одного сильного противника может появиться другой, еще более сильный, либо несколько новых врагов,

пусть и слабых, которых взять под контроль будет намного сложнее, чем одного, пусть и сильного [4]. То, что прекращение существования СССР как единого государства явилось неожиданностью для США, свидетельствует тот факт, что еще в 1980 году ЦРУ не предсказывало серьезного экономического и политического кризиса в СССР. Это была либо большая стратегическая ошибка для США, либо следствие того, что внутринеополитическая ситуация в СССР была практически непредсказуема, а может, это всего лишь свидетельствует о некачественной работе американских спецслужб [12].

Тем не менее, З. Бжезинский делает акцент именно на том, что решающую роль в процессе дезинтеграции СССР сыграли внешние факторы; согласно З. Бжезинскому, многочисленные внутренние проблемы советского государства значительно усугубились в процессе «холодной войны» [3], которая истощила советскую экономику и разрушила идеологию [9].

Совершенно другая концепция дезинтеграции СССР прослеживается в работе Ф. Фукуямы «Конец истории и последний человек». Одной из основных причин дезинтеграции СССР был экономический кризис. Кризис централизованного планирования связан с проблемой технологических новшеств. В Советском Союзе научные исследования поощрялись, в особенности, в сфере фундаментальных теоретических исследований, и создавались материальные стимулы для новаций в определенных областях, в частности, аэрокосмической и военной. Однако противоположная ситуация была в тех областях экономики, которые связаны с производством потребительских товаров. Скорость роста советской экономики начала снижаться, начиная примерно с середины 1970-х годов. Этот факт, в сочетании с расходами на оборону, ежегодно возрастающими в начале восьмидесятых, означал, что мирная экономика фактически сокращалась заметными темпами десять лет, предшествовавших приходу к власти М. Горбачева [6]. Возможно, причина кроется в том, что советская экономика не была такой конкурентоспособной, как экономика западных государств, и этот фактор способствовал ослаблению советского государства [11]. Однако необходимо признать, что на тот момент экономическая ситуация в СССР не была критической. Многие государства переживали куда более серьезные экономические трудности, и они не приводили к прекращению существованию государства [6].

Основной причиной реформ 1980-х годов было стремление к укреплению экономики, ослабленной с противостоянием с США. Но сами реформы явились результатом внутреннего кризиса, который поразил широкий сегмент советской элиты предыдущего поколения. Подрыв легитимности системы не планировался заранее и не произошел в один день. Сначала М. Горбачев использовал гласность и демократизацию как инструменты для укрепления своей руководящей позиции, а потом — чтобы мобилизовать народную оппозицию против номенклатуры компартии. При этом он не отклонялся от той тактики, что применял в пятидесятые годы Н. Хрущев. Но эти начальные акты во многом символической политической либерализации скоро начали жить своей жизнью и стали требовать изменений уже ради себя самих. Такое массовое разочарование в системе верований, лежащих в основе Советского Союза, не могло случиться за один день, и это заставляет предположить, что тоталитаризм как система рухнул намного раньше восьмидесятых годов. А экономический провал был лишь одним из многих провалов советской системы, которые спровоцировали отказ от системы верований и обнажили слабость самой структуры.

Ф. Фукуяма считает, что главным поражением тоталитаризма оказалась неспособность управлять мыслями. Советские граждане, как выяснилось, все это время сохраняли способность мыслить самостоятельно. Многие понимали, несмотря на годы пропаганды, что их правительство им лжет [6].

По мнению Ф. Фукуямы, процесс дезинтеграции СССР явился лишь элементом куда более масштабного процесса, развернувшегося после Второй мировой войны. Также он считал дезинтеграцию СССР следствием процесса глобализации, становлением общности цивилизованных стран и усилением ТНК в мировой экономике [6].

Иного мнения на процесс дезинтеграции СССР придерживался С. Хантингтон. Согласно его концепции, причиной распада Советского Союза стали как внешние факторы, так и закономерные исторические причины в приметно равной доле. В монографии

«Столкновение цивилизаций», он дал анализ международно-политическим процессам, которые привели к кардинальному изменению геополитической ситуации в начале 1990-х гг. Подобно З. Бжезинскому, С. Хантингтон делил историю XX века на три этапа. Первый наступил после Первой мировой войны, второй – после Второй мировой войны, третий – после «холодной войны». По его мнению, Первая мировая война могла стать *«войной, которая положит конец войнам и установит демократию в мире. Вторая мировая война должна была, как выразился Ф. Рузвельт, покончить с системой односторонних действий, взаимоисключающих альянсов и других средств для достижения цели, которые применялись в течение столетий и никогда не давали результатов. Вместо этого нужно создать «всеобщую организацию миролюбивых наций» и заложить базу долговременной структуры мира»*. Однако, по мнению С. Хантингтона, Первая мировая война породила коммунизм, фашизм и повернула вспять длившееся столетие движение к демократии.

Вторая мировая война породила «холодную войну», ставшую по-настоящему глобальной. А после окончания «холодной войны» начались многочисленные этнические конфликты и этнические чистки, нарушения закона и порядка, возникновение новых принципов альянса и конфликта между государствами, возрождение некоммунистических и неофашистских движений, интенсификация религиозного фундаментализма, обострение в отношениях России с Западом, неспособность ООН и США подавить кровавые локальные конфликты [7]. Однако, в отличие от З. Бжезинского, С. Хантингтон, говоря о причинах децентрализации СССР, делает акцент на цивилизационные различия между государствами. Во время «холодной войны» глобальная политика стала биполярной, а мир разделен на три части. Группа наиболее процветающих и могущественных держав, ведомая Соединенными Штатами, была втянута в широкомасштабное идеологическое, экономическое и, временами, военное противостояние с группой небогатых коммунистических стран, сплоченных Советским Союзом. Этот конфликт в значительной степени проявлялся за пределами двух лагерей – в третьем мире, который состоял зачастую из бедных, политически нестабильных стран, которые лишь недавно обрели независимость и заявили о политике неприсоединения.

Произошло разделение мира по культурному признаку. Страны Запада являлись практически единой цивилизацией. Они теоретически могли бы объединиться в конце 1940-х гг. вместе с Советским Союзом против США. Однако Западная Европа считала, что заокеанские Соединенные Штаты Америки ей ближе, чем соседний Советский Союз. Европа инстинктивно почувствовала какую-то угрозу со стороны СССР. Причем, это касалось не только военной угрозы, но и политической, идеологической и культурной. Это было связано с тем, что система ценностей, культура и законы оказывают всеобъемлющее влияние на то, как государства определяют свои интересы. С. Хантингтон считал, что *«страны определяют угрозу в зависимости от намерений других государств, и эти намерения – а также способы их реализации – в сильнейшей степени обуславливаются культурными ображениями. Общественные и политические деятели в меньшей мере склонны видеть угрозу в людях, которых, как им кажется, они понимают. Они склонны доверять им из-за родства языка, религии, системы ценностей, законов и культуры. И те же политики куда более предрасположены видеть угрозу в странах с чуждой культурой и, таким образом, они не доверяют им и не понимают их»*.

В течение всего периода «холодной войны» шло открытое противостояние между Западом и Советским Союзом, и эту войну, по мнению С. Хантингтона, СССР проиграл. Основная причина заключается в идеологических различиях между СССР и Западом. Коммунистическая идеология привлекала людей по всему миру в 1950-е и 1960-е годы, когда она ассоциировалась с экономическим успехом и военной мощью Советского Союза. Эта привлекательность испарилась одновременно со стагнацией советской экономики, которая уже не была способна поддерживать военный потенциал Советского Союза. Западные ценности и институты привлекали людей из других культур, потому что они рассматриваются как источник западной мощи и благополучия. После этого начинает действовать фактор цивилизационных противоречий внутри социалистических государств. Во время «холодной войны» эти противоречия не проявлялись слишком остро, так как цен-

тральную роль в мировой политике играли объединения с общими идеологическими установками, сплотившиеся вокруг сверхдержав. Эти «линии разлома» между цивилизациями проходили через страны социалистического лагеря и через территорию самого СССР. По мнению С. Хантингтона, многие бывшие советские республики также были разделены линиями разлома между цивилизациями, отчасти из-за того, что советское правительство изменяло границы республик, так, например Нагорный Карабах, населенный преимущественно армянским населением, находился на территории Азербайджана. В Эстонии, Латвии и Казахстане проживали большие русские общины, и это являлось, в значительной мере, результатом советской политики [7]. После того, как концу 1980-х годов национальная идеология начала девальвировать, эти проблемы проявили себя в полной мере и способствовали распаду СССР как единого государства.

Источники и литература.

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 1998. 112 с.
2. Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М.: Международные отношения, 2010. 264 с.
3. Бжезинский З. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. М.: Международные отношения, 2007. 240 с.
4. Люттвак Э. Стратегия Византийской империи. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, Университет Дмитрия Пожарского, 2010. 664 с.
5. Программа «ТВ ИНФОРМ». 1 канал. 25 декабря 1991 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://youtu.be/YQGxjrH19RU>.
6. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2005. 592 с.
7. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2007. 576 с.
8. Brzezinski Z. Selective global commitment // Foreign Affairs. 1991. Vol. 70. N. 4. P. 1-21.
9. Brzezinski Z. The cold war and its aftermath // Foreign Affairs . 1992. Vol. 71. N. 4. P. 31-50.
10. Deutch J.M. The new nuclear threat // Foreign Affairs . 1992. Vol. 71. N. 4. P. 120-135.
11. Eckes A.E. Trading American Interests. 1992. Vol. 71. N. 4. P. 135-155.
12. Turner S. Intelligence for a New World Order // Foreign Affairs. 1991. Vol. 70. N. 4. P. 150-167.

ПЕРЕЯСЛАВСКИЙ МИФ В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ВЫБОРА УКРАИНЫ

Ставицкий А. В.

Филиал МГУ в городе Севастополе

Когда речь идёт о Переяславской раде сегодня, неизбежно погружение связанных с ним событий в более глобальный контекст, который подводит нас к проблеме цивилизационного выбора Украины. И чаще можно услышать, что в результате переяславской катастрофы:

- Украина была вырвана из цивилизованного европейского сообщества и оказалась на столетия погребённой в культурно чуждом ей московско-азиатском мире, который её поработил и истощил материально и духовно;

- её население утратило выработанную ранее веками привычку к демократическим формам жизни и труда и психологически стало тяготеть к авторитарному правлению, которое ей органически не присуще;

- став независимой, Украина вынуждена долго и мучительно возвращаться в «братскую семью» европейских народов [1], подобно библейскому «блудному сыну», который жил и ел со свиньями, но в конечном счёте, понял, что надо возвращаться в отчий дом.

И чем более весомым будет искушение Украины присоединиться к европейскому проекту, тем громче будут убеждать нас в том, что в Переяславе было перечеркнуто некогда существовавшее цивилизационное единство Украины с Европой, и теперь его надо обязательно и любой ценой восстановить.

Какие же в свете этого напрашиваются основные выводы?

1) Современные евроатлантические устремления украинской «элиты», которая уже повязана Западом и комплексно зависит от него, требуют установления новой украинской идентичности в обществе, чтобы данный выбор в общественном сознании закрепить. Но этого не сделать без кардинального пересмотра оценки решений Переяславской рады 1654 года, когда произошло воссоединение русского народа Малой и Великой Руси, а земли Малороссии вошли в состав России. И украинские историки обслуживают этот социальный заказ украинской «элиты», сочетая интерес с убеждениями и предлагая те аргументы в пользу ошибочности процесса воссоединения Руси, которые должны закрепить в общественном сознании их проевропейскую ориентацию [5].

В связи с этим следует подчеркнуть, что украинский проект и действия украинской «элиты» трудно понять в целом и легко принять за исторически обусловленную борьбу за независимость, если не включать его в больший историко-политический, а точнее, геополитический контекст. Контекст, требующий начинать анализ проблемы исторического выбора с вопроса цивилизационной причастности, которую новая украинская «элита» пытается с помощью перекодировки массового сознания изменить [6].

2) Переяславский миф en ukrainien встроен в определённую систему ценностей, связанных с т.н. европейским выбором Украины. Причина этого заключается в том, что украинский проект внутренне не самодостаточен и системно связан с теми глобальными, развёрнутыми во времени процессами, которые ставят задачу создания нового мирового порядка с целью максимально возможного контроля за мировыми ресурсами, львиную долю которых составляют ресурсы России.

Связь в данном случае довольно простая: без изменения национальной идентичности всех граждан Украины «профессиональным украинцам» не добиться утверждения «украинского проекта» с целью превращения страны в аграрно-сырьевой придаток Запада под лозунгом «возвращения в Европу» как главного условия нашего процветания.

Таким образом, с помощью «евровыбора» решаются политические проблемы сегодняшнего дня. Согласно общему замыслу, «евроинтеграция» должна восприниматься как долгожданное и выстраданное «возвращение домой» в дружную семью европейских на-

родов, от которой Украина в своё время в результате подлых козней и коварного обмана своего традиционного исторического врага была чуть ли не насильно отлучена. Теперь Украина должна вернуться в «землю обетованную», и будет ей счастье. Но не раньше. А до тех пор, пока Украина не сделала свой выбор, она будет бедствовать. И чтобы она осознала свою историческую ошибку полностью, её будут водить по «пустыне», пока в стране не умрёт последний «российский» раб, «совок», любитель всего русского.

Этим, кстати, легко объясняется тот факт, почему, став независимой уже более 20 лет назад, Украина продолжает пребывать в таком состоянии, словно живёт в условиях оккупации и непрекращающейся войны, делая свою жизнь своеобразным аналогом безлюдной выжженной пустыни.

3) Чтобы изменить идентичность и цивилизационно перекодировать сознание граждан Украины, нужны такие мифы, как «Переяславская рада». Чем же объяснить роль и место Переяславского мифа в контексте перекодировки массового сознания и цивилизационной перевербовки украинцев [3]? В основе современной критики решений Переяславской рады лежит системное отрицание цивилизационного, этнического, культурного, конфессионального и политического единства Руси [2]. Русь разъединяют, чтобы её ослабить. Ослабляют, чтобы контролировать. Контролируют, чтобы за её счёт жить [6].

Так, благодаря системным усилиям культивирующих любовь к «рідній неньки» «профессиональных украинцев», Украина становится частью нового мирового порядка, где ей отведена почётная роль рассматриваемой как страна-ресурс жертвы. Своеобразного «бутерброда», который должен «интегрироваться» с европейским «желудком», дабы западная Система была сыта и далее. Так, патриотизм действительно становится последним убежищем подлеца. Но, поскольку данное жертвоприношение растянуто во времени, его довольно трудно распознать.

Впрочем, судя по развитию евроинтеграционной интриги в её нынешнем варианте, когда подписание Сделки Украины с ЕС ставится под сомнение, вопрос о цивилизационном выборе Украины продолжает оставаться открытым. И борьба за новую идентичность будет с новой силой продолжаться.

4) В связи с этим отметим, что в исторических мифах Украины отражаются не только когда-то имевшие место реальные события, но и национальные комплексы и исторические вожделения их создателей. Главная задача такой мифологии – не помочь разобраться в эпохе, чтобы лучше исследовать реальные события, но настроить сознание на определённое восприятие, работающее в структуре тех психо-социальных механизмов, без которых украинский проект невозможен.

Предложенная в мифе историческая трактовка может не подтверждаться фактами, но зато оно обосновывается правом на свою собственную историю, которое позволяет делать с ней всё, что заблагорассудится, актуализируя «больные» темы украинской истории на основе потребности поиска и утверждения новой украинской идентичности. А эту идентичность не создать без обладающих нациотворческим потенциалом исторических сюжетов, несущих национально мыслящему украинцу важный и глубокий символически означенный смысл. Иными словами, украинский проект не выживет без своей мифоистории, в которой будут созданы и развёрнуты такие ключевые исторические мифологемы, как «переяславская рада», «батурин» [4], «круты», «конотоп», «центральная рада», «злука», «руина», «голодомор», «украинский Пьемонт», «Украина – новая Эллада» и пр.

Естественно, никакого отношения к научно проверенным фактам и научной методологии такая мифоистория не имеет, оперируя не фактами, а желанными и выстраданными символически означенными образами, которые будут восприниматься как научно доказанные факты сознания. Современный процесс украинского нациотворчества нуждается в сочинённых и актуализированных фактах сознания, которые заставляют человека им сопереживать, соотнося себя с ними полностью. При этом одновременно они являются теми кодовыми установками, опираясь на которые при каждом удобном случае можно вызывать у людей прогнозируемые психологические реакции, чтобы можно было легко ими управлять.

В свою очередь, изучение национального мифотворчества показывает, что чем культурно и политически слабее нация, тем на большее она претендует в своём мифотворчест-

ве, пытаясь самоутвердиться за чужой счёт. Однако в исторической перспективе она ничего не получит, расчищая смысловое поле для кого-то другого.

5) Исходя из этого, можно сделать вывод, что в рамках глобального взаимодействия, когда информационно-психологические войны приобрели столь важную роль и значение, такие факты сознания как «перяславский миф» или «батури́нская резня» по своему эффекту соотносимы с оружием массового поражения, объектом которого являются души и сознание людей.

В отличие от ядерного, это оружие действует тихо, незаметно, постоянно, в режиме «мягкой силы» на уровне подсознания, и рассчитано на долгосрочную стратегическую перспективу. И поскольку его воздействие практически не распознаётся, его можно считать оружием будущего, бесшумным, незаметным, но беспощадным, не щадящим никого. Оружием, цель которого – создавать в своём Отечестве украинских «янычар» и плодить «манкуртов»: людей с изменённой идентичностью. С сознанием, заточенным против ценностей и идеалов своей страны, цивилизации, культуры. С мотивацией самоуничтожения.

Благодаря его воздействию, страна, общество, цивилизация, оказавшись заражённым, начинает слабеть и самоуничтожаться без войны и завоевания, до самого конца не понимая причин самоуничтожения. Однако у Украины ещё есть шанс это понять до того, как гибель украинского государства станет неизбежной. Понять и, в соответствии с пониманием, действовать. Но времени на понимание остаётся всё меньше.

Источники и литература.

1. Давиденко Я. Переяславська рада 1654 року та її наслідки для України // Наслідки Переяславської ради 1654 року. Збірник статей. К.: Смолоскип, 2004. С. 7-124
2. Мицик Ю. Переяславська рада 1654 року: міфи та реальність [Електронний ресурс] // Сайт «Українське життя в Севастополі». – Режим доступу: http://ukrlife.org/main/prosvita/m_1654.htm
3. Ставицкий А.В. Мифологизация украинской истории // Традиции исторической мысли: Материалы научного семинара памяти В. И. Злобина. М.: КНОРУС, 2009. С. 119-127
4. Ставицкий А.В. Мифы Украины: «Батури́нская резня». Севастополь: Рибэст, 2012. 252 с.
5. Ставицкий А.В. Украинская идентичность: общие подходы конструирования и мифологизации. Севастополь: Рибэст, 2013. 160 с.
6. Ставицкий А.В. Украинская «элита»: идентичность и глобальный выбор. Севастополь: Рибэст, 2013. 208 с.

V НАУЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО СТУДЕНТОВ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ДОСТИЖЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ ЧЕРНОМОРСКОГО РЕГИОНА

МАРТЫНКИН Г.А., ШЕЛЕСТ А.Г.

**МАТИ-РГТУ имени К.Э. Циолковского (г. Москва),
Государственный университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)**

В новой непростой геополитической ситуации, в Черноморском регионе безальтернативным направлением ее стабилизации и укрепления режима всеобщей безопасности является расширение экономической интеграции. Региональные экономические связи способны генерировать приоритеты, играющие доминирующее значение в формировании Черноморского политического пространства и препятствовать проникновению сюда сил, способных нарушить баланс интересов, сближающих позиции стран, объединяемых общей территорией.

С подписанием в середине 1992 года в Стамбуле (Турция) одиннадцатью государствами Декларации о Черноморском экономическом сотрудничестве (ЧЭС), перспектива роста экономической интеграции в регионе стала реальностью. В число стран ЧЭС вошли: Азербайджан, Албания, Армения, Болгария, Греция, Грузия, Молдова, Россия, Румыния, Турция, Украина. Инициатором создания ЧЭС стала Турция. Немалую роль в побудительных мотивах создания Черноморского экономического сотрудничества сыграли достижения интеграции в ЕС, перспектива на вступление в который у Турции пока достаточно размыта. Кроме того, государства Черноморского региона исходили из понимания противоречия политического противостояния национальным интересам всеобщности демократических и общечеловеческих ценностей [1].

В «Босфорском заявлении», принятом одновременно с Декларацией о ЧЭС, страны – основатели этой организации подчеркнули, что Черноморская инициатива, ее страны и народы должны внести весомый вклад в строительство новой европейской архитектуры, в создание структур европейской интеграции.

Важной предпосылкой создания ЧЭС стало и то обстоятельство, что страны - участницы объединены в едином районе, выполняющем в глобальном разделении труда свою определенную роль. Фактором сближения членов ЧЭС явился приблизительный паритет в направлениях экономического развития: стремление руководства стран региона к глубокому реформированию хозяйственного организма, темпы и успех которого во многом зависят от регионального партнерства в экономической сфере. Важной предпосылкой создания ЧЭС стало то, что страны-участницы соглашения находятся в географической близости, а большинство из них имеет опыт двусторонних и многосторонних связей.

Экономическое сотрудничество в рамках соглашения определялось необходимостью вклада в создание общеевропейского экономического пространства, а также достижения более высокой степени интеграции стран-участниц в мировую экономику. Создание ЧЭС должно было способствовать дальнейшему развитию и диверсификации как двустороннего, так и многостороннего сотрудничества среди участников ЧЭС, а также других заинтересованных стран в целях ускорения экономического, технологического и социального прогресса и поощрения предпринимательской деятельности. Важно отметить, что создание ЧЭС обуславливалось тем, что интенсификация регионального сотрудничества, «черноморский регионализм» не препятствовали развитию отношений стран - участниц с третьими странами, включая международные организации, ЕС и другие региональные инициативы.

Таким образом, в данном случае «черноморский регионализм» не переходил дозволенные рамки региональных объединений, предписанных ГАТТ/ВТО [2]. Согласно требованиям этих организаций, экономический регионализм не считается негативным фактором для развития мировой экономики в том случае, если группа интегрирующихся стран, развивая свои взаимные экономические связи, не устанавливает менее благоприятные, чем до начала активных кооперационных процессов, условия для торговли с третьими государствами. Экономический регионализм, либерализуя экономические связи между кооперирующимися странами, не должен приводить к их усложнению или сокращению со странами, не входящими в группировку интеграционного типа. До тех пор, пока регионализм не ухудшает условия для торговли с остальным миром, он считается положительным фактором развития мировой экономики.

В целом, помимо названных, к числу объективных причин появления ЧЭС как региональной группировки, стало нарастание значимости Черноморского региона как своего рода моста между Европой и Азией с повышающейся ролью транспортных функций, необходимостью создания коммуникационных коридоров, выходящих по своему значению за территориальные пределы черноморских государств. Еще одной причиной создания группировки стало достаточно тесное переплетение экономических (хотя и не всегда чётко осознаваемых) и, отчасти, политических интересов стран – участниц ЧЭС.

В этой связи важной экономической причиной создания ЧЭС стала необходимость налаживания производственного сотрудничества, международной кооперации производства в рамках субрегионального разделения труда. И, наконец, объективной причиной появления ЧЭС стала необходимость создания зоны свободной торговли на территории стран-участниц. Помимо прямых экономических выгод, которые могут получить её участники за счёт активизации внешнеторговых связей, предполагается, что ЧЭС станет как бы подготовительным классом для вступления в единое экономическое пространство Европы с возможной последующей интеграцией в ЕС (в разных формах и в разное время) стран-участниц группировки еще не являющихся членами Европейского союза.

Провозглашая идеи расширения и интенсификации регионального сотрудничества стран-членов ЧЭС, в качестве первоочередных предполагали развивать следующие направления сотрудничества [3]:

- транспорт и связь, включая соответствующую инфраструктуру;
- информатику;
- обмен экономической и коммерческой информацией, включая статистические данные;
- стандартизацию и сертификацию товаров;
- энергетику;
- добычу и переработку минерального сырья;
- туризм;
- сельское хозяйство и агропромышленный комплекс;
- ветеринарию и санитарную защиту;
- здравоохранение и фармацевтическую промышленность;
- науку и технику.

Особое внимание страны – участницы ЧЭС заострили на развитии проектов по охране окружающей среды, улучшению экологической обстановки в Черном море, а также сохране-

нию, использованию и развитию его баз продуктивного потенциала. Для реализации многосторонних экономических проектов предлагалось также заключить соответствующие кредитные и финансовые соглашения на правительственном и неправительственном уровнях. Предусматривалась возможность создания внешнеторгового и инвестиционного банка.

В числе первоочередных мер для укрепления взаимовыгодного сотрудничества страны-члены ЧЭС обязались улучшать деловой климат, поощряя индивидуальную и коллективную инициативу, главным образом путем [3]:

- устранения препятствий для перемещения предпринимателей из стран ЧЭС, поощрения прямых связей между предприятиями и фирмами;
- поддержки малых и средних предприятий;
- содействия расширению их взаимного обмена товарами и услугами путем дальнейшего сокращения и ликвидации всевозможных барьеров;
- создания благоприятного инвестиционного климата, главным образом, путем исключения двойного налогообложения, поощрения и защиты капиталовложений;
- поощрения обмена информацией о международных торгах, проводимых в странах-участницах, с целью предоставления возможности предприятиям и фирмам этих стран участвовать в них в соответствии с национальными правилами и обычаями;
- поощрения сотрудничества в свободных экономических зонах.

Заявление, сделанное участниками группировки 30 июня 1995 года в Бухаресте, дополнило концептуальные основы ЧЭС. В частности, в Заявлении было заострено внимание на ЧЭС как на инструменте, направленном на содействие преодолению трудностей, обусловленных процессом перехода к рыночной экономике стран – участниц региональной группировки.

Осознавая всю сложность, многоступенчатость и этапность поставленных задач, страны-члены ЧЭС признавали, что экономическое сотрудничество будет развиваться постепенно, путём определения приоритетов в этом процессе. В результате осуществления мер и решения задач, поставленных ЧЭС, процесс деятельности этой организации по активизации сотрудничества можно условно разбить на следующие этапы.

1992-1998 годы – с момента принятия Декларации ЧЭС до официального провозглашения ЧЭС в 1998 году.

Первый этап развития ЧЭС охватывает период становления этой региональной организации, уточнение направлений её деятельности, формирование новых подходов к сотрудничеству. На встречах стран – участниц ЧЭС, проходивших с 1993 по 1998 годы, уточнялись положения концепции ЧЭС. В частности, подчёркивалось постоянство курса на содействие развитию Черноморского региона как пространства, где главенствует принцип *«открытого международного сотрудничества и партнёрства, демократии и рыночной экономики»*.

Страны ЧЭС заявляли о намерении развивать взаимовыгодное сотрудничество с основными европейскими интеграционными группировками, региональными инициативами, а также с Европейской экономической комиссией ООН, ОЭСР, Лигой арабских государств и др. В этой связи важным направлением деятельности ЧЭС стало обращение её участников к ЕС с призывом выработать совместную платформу для развития более тесных связей и взаимного сотрудничества.

Уточняя и развивая подходы сотрудничества в рамках Черноморской инициативы, в середине 90-х годов была выдвинута новая концепция экономического сотрудничества, нашедшая своё отражение в Московской декларации ЧЭС от 25 октября 1996 года. Её суть в том, что в современных условиях международные экономические отношения не должны быть заложниками политической ситуации. Наоборот, политические конфликты могут быть решены через экономическое сотрудничество.

Развитие концепции ЧЭС определялось также признанием многоуровневости, многомерности и многовариантности сотрудничества в рамках региона. Идеологи ЧЭС пришли к заключению, что при использовании всех уровней сотрудничества – от государственного до общественного — можно добиться реального прогресса, оставаясь во многом ещё формальным объединением Черноморской инициативы [4].

В июне 1993 г., с целью оказания парламентского содействия развитию многостороннего укрепления политической стабильности в регионе, была создана Парламентская Ассамблея ЧЭС (ПАЧЭС).

Международный секретариат ПАЧЭС находится в Стамбуле. Рабочими органами ПАЧЭС являются специализированные комитеты по экономическим, торговым, техническим и экологическим вопросам; по правовым и политическим вопросам; по вопросам культуры, образования и социальных отношений.

Российская делегация в ПАЧЭС сформирована Федеральным Собранием в соответствии с установленной для России квотой и состоит из 12 парламентариев (при общем числе депутатов в ПАЧЭС – 70).

Деятельность ЧЭС по мере его становления все больше фокусируется на конкретных региональных проектах.

Один из наиболее крупных – создание транспортного кольца вокруг Черного моря с выходом на трансевропейские магистрали, транспортные сети Центральной и Северной Европы, Центральной Азии, страны Ближнего и Среднего Востока.

В сентябре 1996 г. на встрече заместителей министров энергетики стран – участниц ЧЭС в Москве восемь стран ЧЭС подписали Меморандум о сотрудничестве в области энергетики, «запускающий» проект создания объединенной энергетической системы стран ЧЭС, выдвинутый Россией.

В 1996 г. реализован первый крупный региональный проект – линия волоконно-оптической связи ИТУР (Палермо – Стамбул – Одесса – Новороссийск), подключенной к волоконно-оптическому кабелю Дания – Санкт-Петербург – Хабаровск – Япония – Южная Корея. В стадии завершения находится проект Черноморской волоконно-оптической линии связи (Варна – Одесса – Новороссийск – Потти).

Перспективы развития сотрудничества имеются в области сельского хозяйства, туризма, содействия малому и среднему предпринимательству.

По предложению России и Украины 25 октября 1996 г. страны ЧЭС одобрили «Основные принципы инвестиционного сотрудничества в ЧЭС». Совместно с Турцией прорабатывается многосторонняя схема страхования инвестиций и экспортных контрактов в регионе ЧЭС. В планах рабочей группы по торговле и промышленному сотрудничеству – выработка многостороннего договора об избежании двойного налогообложения [5].

По поручению Правительства РФ от 23 октября 1995 г., был создан Российский национальный комитет по Черноморскому экономическому сотрудничеству (РНКЧЭС) как неправительственная, некоммерческая организация в целях координации участия в ЧЭС российских предпринимательских, научных и общественных структур. Учредительная конференция РНКЧЭС состоялась в МИД России в марте 1996 г. В состав учредителей вошли: МИД России, Ассоциация «Научно-технический прогресс», АО «Ростелеком», ГК «Трансстрой», «Краснодарбанк», Институт Европы РАН, администрации Краснодарского края, Ростовской области, г. Таганрога и ряд производственных объединений регионов Юга России.

Статус РНКЧЭС как органа, координирующего деятельность российских предпринимательских и общественных структур, связанных с участием Российской Федерации в ЧЭС, закреплен постановлением Правительства от 26 апреля 1997 г. № 500 «Об обеспечении участия Российской Федерации в Черноморском экономическом сотрудничестве». Постановлением предусматривается участие РНКЧЭС в подготовке предложений по разработке целевой федеральной программы участия России в ЧЭС, перечня приоритетных для России инвестиционных проектов для представления в Черноморский банк торговли и развития (ЧБТР), организации в ЧЭС информационной сети обмена деловой информацией.

Устав РНКЧЭС предусматривает [6]:

- оказывать практическое содействие реализации основных направлений российского национального участия в ЧЭС, поощрять вовлечение в это сотрудничество регионов Юга России;
- представлять российские предприятия и организации в Деловом Совете ЧЭС, развивать взаимодействие с другими постоянными и рабочими органами ЧЭС в целях обес-

печения более полноформатного российского участия в их деятельности, различных региональных программах и мероприятиях;

- оказывать практическую и технико-консультационную помощь и содействие российским государственным, общественным и коммерческим организациям по налаживанию делового сотрудничества с зарубежными партнерами в государствах – участниках ЧЭС, имея в виду, прежде всего, всемерное развитие российского экспорта в страны региона;
- содействовать привлечению зарубежных инвестиций в российскую часть черноморского региона решена как по линии Черноморского банка торговли и развития и региональных инвестиционных, экономических, научно-технических и экологических программ, так и международных финансовых организаций, стран – доноров, осуществлять экспертно-консалтинговую оценку проектов сотрудничества, а также независимый мониторинг и контроль за практическим использованием средств, выделяемых для реализации этих проектов.

Для реализации указанных целей РНКЧЭС прорабатывается вопрос о создании в его структуре центра анализа и мониторинга российских проектов, предлагаемых к осуществлению в рамках ЧЭС.

Членами РНК ЧЭС могут стать российские государственные учреждения, общественные организации, представители деловых и академических кругов и другие юридические лица, признающие устав Комитета, участвующие в осуществлении его целей и оплатившие вступительные и членские взносы.

Важной инициативой первого этапа функционирования ЧЭС стала Декларация о намерении создать Зону свободной торговли (ЗСТ) ЧЭС, принятая 7 февраля 1997 года в Стамбуле. Принимая во внимание ряд объективных обстоятельств, говорящих в пользу создания ЗСТ, страны – участницы ЧЭС приняли решение об активизации поисков путей и средств, направленных на создание такой зоны.

Первый этап развития ЧЭС характеризуется активным созданием ряда рабочих групп. Это обуславливалось тем, что изначально ЧЭС создавалась как межправительственная структура. Структура рабочих групп, сформировавшаяся к 1998 году, включила в себя рабочие группы по торговле и промышленному сотрудничеству, транспорту и связи, по сельскому хозяйству и агроиндустрии, экологии, по обмену статистическими данными и экономической информацией, по банковской и финансовой деятельности, сотрудничеству в области науки и технологий, туризму и др.

В рамках ЧЭС учрежден Координационный центр по обмену статистическими данными и экономической информацией (на базе Турецкого института статистики). В Варне (Болгария), при участии Комиссии ЕС, создан региональный энергетический центр. Достигнуто согласие о распространении деятельности Балканского центра поддержки малого и среднего предпринимательства (Бухарест) на регион ЧЭС. Странами – участницами также одобрено предложение Греции о создании в Афинах международного Центра черноморских исследований при финансовом содействии ЕС. Болгария продвигает идею о создании в Софии трансрегионального центра по развитию транспортной инфраструктуры в черноморском регионе [7].

Функционирование рабочих групп на первом этапе существования характеризуется ознакомлением с проблемами стран – участниц ЧЭС в области транспорта, связи, торговли, промышленности, инвестиций, экологии и др.

Помимо ознакомления, изучения, обследования, обсуждения тех или иных проблем, разрабатывались различные проекты в области транспорта, связи, энергетики, сельского хозяйства. Была организована разработка Плана Черноморской транспортной сети и др.

В ЧЭС на первом этапе его становления функционировало более 14 активных групп, деятельность которых фокусировалась на конкретных вопросах сотрудничества и многосторонних проектах. В декабре 1997 года и 28-29 октября 1998 года в Краснодаре на базе Кубанского государственного университета были проведены III и IV заседания Рабочей группы ЧЭС по вопросам науки и технологий. В повестку дня заседания входили вопросы [8]:

- 1) итогов Ялтинского саммита и определение актуальных задач и приоритетов научно-технического сотрудничества в Черноморском регионе;

- 2) деятельности национальных научно-исследовательских центров по проблемам Черноморского региона;
- 3) налаживания сотрудничества в изучении сейсмологических явлений в Черноморском регионе;
- 4) концептуальных подходов к созданию математической модели экономического развития региона с учетом специфики отдельных стран.

На заседании Рабочей группы был принят ряд решений, нацеленных на переход к практическому взаимодействию стран ЧЭС в научно-технической области. Среди них: определение приоритетных областей сотрудничества, выработка методики и критериев отбора совместных проектов, разработка мандата страны – координатора Рабочей группы. В общей сложности научными коллективами стран ЧЭС было представлено более 130 проектов. Ряд конкретных предложений по проблемам, актуальным для Черноморского региона, представила делегация Украины, научные организации которой провели работы по поиску партнеров для выполнения этих проектов в странах ЧЭС, и предложили следующие формы взаимодействия [9]:

- образование Международного центра по проблемам водной экологии, включая проблемы эпидемиологии Причерноморья на базе Института коллоидной химии и химии воды Национальной Академии наук Украины;
- создание на базе Института промышленной экологии Украины Центра по проблемам утилизации отходов и трансграничного переноса загрязнений;
- создание Международного центра по реабилитации детей, пострадавших от экологических катастроф, с иммунно-, нейро- и онкопатологией на базе всемирно известного лагеря «Артек».

Около 50 научных проектов было представлено Румынией, интересные проекты были представлены Турцией, другими странами.

На уровне местных властей стран – участниц ЧЭС создан и функционирует Черноморский клуб. В Пирее (Греция) в январе 1997 г. состоялась VI Ассамблея международного Черноморского клуба (МЧК).

Круг участников этой представительной неправительственной организации достаточно широк, в нее входят 18 городов, имеющих выход в Черное море. Наибольшее представительство в Международном Черноморском Клубе имеет Украина: Одесса, Южный, Ильичевск, Николаев, Херсон и Мариуполь. Греция представлена Пиреем, Салониками и Кавалой. От остальных стран в Клуб входят по два города. От России – Таганрог и Азов.

Ассамблея рассмотрела 15 вопросов, среди которых важнейшим было принятие стратегии деятельности МЧК. Сфера влияния Клуба не будет ограничиваться только бассейнами Черного, Азовского и Средиземного морей, в нее могут входить и «сухопутные» города и страны. В частности, посол Армении в Греции заявил, что его страна рассматривает вопрос о членстве в Клубе.

Важным считается создание базы данных МЧК в г. Пирее, через которую можно будет получать коммерческую информацию. Для развития отношений с ЕС принято решение создать Бюро информации в г. Брюсселе.

МЧК будет стараться создавать беспопшлинные экономические зоны. Помимо этого, в сферу интересов Клуба будут входить экология, туризм, участие в конкретных программах по транспорту, коммуникациям и телекоммуникациям.

В рамках МЧК уже идет сотрудничество по ряду европейских программ, начинается работа в рамках программы «ТАСИС» по проекту «Морское сотрудничество». В нем участвуют муниципалитеты Пирея, Кавалы, ряд других греческих организаций. От Украины – Одесса и Николаев, от России – Таганрог.

В целом деятельность рабочих групп ЧЭС на первом этапе существования, хотя и была достаточно многогранна, диверсифицирована, однако, в целом носила малоэффективный характер, что и потребовало в настоящее время их существенного реформирования, как по структуре групп, так и упорядочению их деятельности.

В этот период деятельность организации становится предметом внимания за пределами региона. В результате формируется институт наблюдателей ЧЭС. В их числе – Австрия, Германия, Египет, Израиль, Италия, Польша, Словакия, Тунис, Франция. С этого вре-

мени страны-наблюдатели приглашаются на заседания старших должностных лиц и встречи министров иностранных дел, принимают участие в тех мероприятиях, которые представляют для них интерес. Статус наблюдателя при ЧЭС получают и международные организации (например, Европейская энергетическая хартия), заинтересованные в развитии регионального экономического сотрудничества [9].

В конце первого этапа существования ЧЭС было признано необходимым инициировать процесс трансформации региональной инициативы в полноформатную экономическую организацию. Практическим результатом такого подхода стала разработка и одобрение министрами иностранных дел стран-участниц ЧЭС на десятой встрече в Киеве в октябре 1997 года Устава этой организации. В июне 1998 года он был принят главами государств и правительств стран ЧЭС.

В экономической сфере Устав ЧЭС определяет и закрепляет принципы и области экономического сотрудничества. Устав ЧЭС определяет эту организацию как структуру, открытую для сотрудничества со всеми заинтересованными сторонами. В нём детально проработан порядок такого участия. В целом Устав ЧЭС можно охарактеризовать не только как документ, определяющий статус этой организации, сферы и направления её деятельности, но и перспективы развития ЧЭС.

Именно принятие этого основополагающего документа для ЧЭС и реализация его принципов открывают новый – второй этап в функционировании этой организации, когда она начинает трансформироваться из региональной инициативы в международную региональную организацию интеграционного типа.

Второй этап развития ЧЭС, начавшийся с середины 1998 года, определяется подписанием Устава ЧЭС, давшего правовую основу для превращения её в полноформатную региональную организацию интеграционного типа. В апреле 1999 года в Тбилиси, где проходила 13-я встреча министров иностранных дел стран – участниц ЧЭС, большинство из них предоставило свои ратификационные документы, принимающие и одобряющие Устав ЧЭС. Устав был единогласно ратифицирован Государственной Думой России и одобрен Советом Федерации РФ. В январе 1999 года Президент РФ подписал федеральный закон «О ратификации Устава Организации Черноморского экономического сотрудничества».

На встрече в Тбилиси были рассмотрены вопросы укрепления сотрудничества стран региона с Европейским Союзом, в частности, реализация существующих соглашений, вступление причерноморских государств в ВТО; привлечение инвестиций, финансовой, технологической помощи для сотрудничества в формировании новой структуры для выхода на мировые рынки энергоресурсов, товаров, а также проектов программы ТРАСЕКА [10].

Экономическое сотрудничество дополняется совместной работой по координации деятельности служб чрезвычайной помощи при ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Подписанное соглашение в этой области, направленное на координацию совместной работы служб чрезвычайного реагирования стран региона, позволило спасти многие жизни при ликвидации землетрясений 1999 года в Турции. В апреле 2001 г. в Стамбуле было подписано соглашение о создании Черноморской военноморской группы оперативного взаимодействия – BlackSeaForce (ЧВМГОВ) шести государств – членов ЧЭС: Болгарии, Грузии, России, Румынии, Турции и Украины. Потенциально таящая в себе многие опасности деятельность людей на море диктует необходимость серьезных коллективных усилий по противодействию факторам риска: природным, техногенным, а также порождаемым самим человеком.

ЧВМГОВ – новый шаг в международном сотрудничестве военных флотов стран-участниц ЧЭС. Как подчеркнуто в соглашении о создании ЧВМГОВ, она призвана внести вклад в дальнейшее укрепление дружбы, добрых отношений и взаимного доверия прибрежных государств Черного моря, а также упрочение мира и стабильности в регионе путем укрепления сотрудничества и взаимодействия между военно-морскими силами. Стороны берут на себя обязательства осуществлять деятельность ЧВМГОВ в соответствии с целями и принципами Устава ООН. При этом особо подчеркивается, что деятельность группы не направлена против какого-либо третьего государства, как и не предназначена для формирования военного союза против какого-либо государства или группы государств.

Разнонаправленная деятельность стран – участниц ЧЭС не осталась незамеченной международным сообществом. С просьбой о вступлении в ЧЭС обратились Иран, Македония, Югославия и Узбекистан. Кроме того, Босния и Герцеговина, Иордания, Казахстан, Кипр, Словения, Хорватия, Белоруссия и Венгрия ходатайствуют о предоставлении им статуса наблюдателя. С аналогичной просьбой обратились и около 20 неправительственных организаций Болгарии, Грузии, Румынии, Турции и США.

На 8-м заседании СМИД ЧЭС в Ереване в апреле 2003 г. было принято решение принять в Организацию Македонию. За время существования ЧЭС состоялось шесть встреч глав государств и правительств (саммиты) (Стамбул, 25 июня 1992 г.; Москва, 25 октября 1996 г.; Ялта, 5 июня 1998 г.; Стамбул, 17 ноября 1999 г. и 25 июня 2002 г., Стамбул, 25 июня 2007 г.), одна встреча на высоком уровне (Бухарест, 30 июня 1995 г.) и 24 встречи министров иностранных дел [9].

Как свидетельствуют основные итоги деятельности ЧЭС, объективные основы для расширения и интенсификации сотрудничества стран – участниц имеются достаточно весомые. Однако реальной основы для подлинной интеграции стран – участниц в начале 90-х годов ещё не было, не сложились они и к началу XXI века. ЧЭС можно рассматривать как самую начальную, подготовительную ступень интеграционного процесса. Эта ступень определяется политикой, дополняющей существующую систему международного разделения труда, где преобладают вертикальные связи с развитыми странами, комплексом горизонтальных связей между собой. В определённой степени эта ступень включает объективное и зачастую стихийно протекающее хозяйственное сближение, как правило, через посредство транснационального капитала.

Основная объективная движущая сила процессов формирования ЧЭС – это использование конкретных преимуществ, объединение национальных потенциалов, определение форм интернационализации экономической жизни и интенсификация связей. Конечная цель – модернизация экономики в условиях более обширного хозяйственного пространства, создаваемого в результате действия соглашений интеграционного типа.

Экономическая интеграция это надёжный способ стабилизировать обстановку в Черноморском регионе посредством тесных взаимоотношений стран-участниц ЧЭС.

К сожалению, на данном этапе интеграционные процессы, создание единого экономического пространства в регионе не обеспечивают необходимых объёмов сотрудничества.

В процессе глобализации через регионализацию, процесс экономической интеграции становится неотъемлемой частью стабильного развития экономики в рамках отдельного региона. Такой процесс позволяет вывести организацию сотрудничества на новые высоты, урегулировать состояние политического пространства на международном уровне, создать необходимый баланс сил.

Источники и литература.

1. Кравченко В. Море небрежения, Зеркало недели. – [Электронное издание] - режим доступа URL: http://gazeta.zn.ua/POLITICS/more_nebrezheniya.html (дата обращения: 14.01.2013)
2. Михайленко А., Груздов С. Понятия и вызовы национальной безопасности на примере вступления в ВТО // Обозреватель – 2011/2
3. Тымчук Д. Крым в контексте военной безопасности Черноморского региона – [Электронное издание] - режим доступа URL: <http://vybor.sebastopol.ua/show/articles/2463> (дата обращения: 21.04.2013)
4. Совместное заявление президентов Российской Федерации и Украины по вопросам безопасности в Черноморском регионе [Электронное издание] // режим доступа: <http://korrespondent.net/ukraine/politics/1077017-yanukovich-i-medvedev-dogovorilis-o-sotrudnichestve-mezhdu-chf-rf-i-vms-ukrainy>
5. Юрченко В., Юрченко И. Информационная безопасность России в Черноморском регионе. // Власть. – 2009, № 4. С. 73-76.
6. Юрченко И.В. Национальная и региональная безопасность как политическая стратегия современной России. Дис... д-ра полит. наук. Ставрополь, 2009.
7. Яров Ю. Ф. 10 лет Содружеству Независимых Государств // Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию СНГ. Минск, 27-28 августа 2001 г. М.: Финстатинформ, 2001. С. 20.
8. Черноморский флот РФ в Украине. Юридическая правда // Украина сегодня. 2010., №3. С. 13-18.
9. Представительство Европейского Союза в России – [Электронное издание] // Режим доступа: http://eeas.europa.eu/delegations/russia/key_eu_policies/human_rights/index_ru.htm
10. Михайленко А., Груздов С. Понятия и вызовы национальной безопасности на примере вступления в ВТО // Обозреватель 2011/2.

РАЗГРАНИЧЕНИЕ СФЕР ВЛИЯНИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И РОССИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

Михайленко Е.А.

Филиал МГУ в городе Севастополе

Завершением англо-русских переговоров последних десятилетий XIX века стало соглашение о разграничении территории на севере Афганистана. Однако решение этого вопроса не могло уладить все противоречия между державами. Одной из главных проблем в их отношениях конца 80-х гг. XIX века стала территория Памира. По соглашениям 80-х годов, большая часть Памира (Бадахшан, Рушан, Шугнан, Вахан) передавалась Афганистану. Российское руководство претендовало на собственный контроль этих районов, но было вынуждено отступить во время переговоров. Тем не менее, в конце 80-х годов XIX века обстановка несколько изменилась. Действия России в Центральной Азии стали более активны, так как руководство страны считало, что Англию больше волнуют дела в Судане, чем в горных среднеазиатских ханствах [6]. В периодической печати этого периода говорят с интересом о Центральной Азии, описывают хорошее отношение местного населения к России: *«они воинственны и проникнуты симпатией к русским, о которых отзываются с уважением»* [5].

Фактически Россия выступала гарантом освобождения памирцев от «афганского рабства». Однако ключевым моментом было желание восстановить естественные границы. Таковыми считались горы Гиндукуша (Кух-и-Баленд), которые отделяли Афганистан от подчиненных Англии индийских княжеств. Ещё одним важным пунктом в желании присоединить Памир было желание приблизиться к Индии: *«наконец, через южную границу Памира идут пути в Канджур и Читрал и далее в Индию, угроза которой не может не поколебать престижа Англии, нашей постоянной соперницы в Азии»* [1]. Летом 1891 года, а затем в 1894 г., на Памир, до Читрала, был направлен казачий отряд Ионов [2], который максимально точно должен был исследовать наиболее удобные пути в Индию. И таковым был выбран путь, который начинался с верховьев Бай-Кары, по ущелью ее левого притока, Ходар-Гурта, в долину Саксаравата, впадающего в Гильгит, один из притоков Инда. Через этот перевал пролегает кратчайший, безопаснейший и удобнейший путь в Индию.

В районе Малого Памира на р. Вахан на Читральском пути произошла встреча Ионов и английского агента Юнгенсбенда [5], который направлялся от индийского правительства в Китай для решения вопроса о границе соединения Китая с Афганистаном. Это было выгодно для преграждения пути русским на подходе к Читралу. Ионов Юнгенсбенда не пустил, обосновав это отсутствием специального пропускного листа, а если англичане попытаются пройти – то это могло грозить арестом.

Англичане в итоге ушли с Памира, но и влияние России на Гиндукуш не распространилось. Одновременно произошли ещё несколько инцидентов российских военных отрядов и английских агентов. Россия вела в этом плане более активную игру, отправляла экспедиции и захватывала новые оборонительные пункты. Главной причиной этих военных действий Россия считала исправление 1 пункта соглашения 1872-1873 гг. [3].

В конце 1894 года Памир был освобождён от жителей Афганистана, и Англия с Россией понимали, что необходимо продолжить разграничение сфер влияния, но уже на Памире: *«...инциденты, подобные памирскому, могут и, вероятно, будут повторяться, если вопрос об афганских границах и владениях, входящих в состав Афганистана, останется в том неопределённом состоянии, в каком он издавна находится, при тех разногласиях во взглядах на этот предмет России и Англии, о которых мы не раз указывали в нашей ста-*

ть» [5]. К 1894 году Россия была ослаблена, и военных походов совершалось значительно меньше. Война России на этом этапе была не нужна и, по этой причине, она шла на уступки и предложила собственное решение проблемы. 27 февраля (11 марта) 1895 г. русский посол в Лондоне Стааль, по наставлению Петербургского кабинета, предложил создать третью пограничную комиссию [4]. Документ включал в себя следующие пункты:

- Примерная граница проходила от озера Зор-Куль (Виктория) до перевалов Бендерского и Орта-Бель.
- В комиссию, в отличие от предыдущих комиссий, допускались участники со стороны Афганистана.
- Комиссии должны были собрать информацию о китайской границе.
- Российское и Британское правительства должны были воздерживаться от политического контроля или влияния – первое к югу, второе к северу от разграничительной линии.
- Англия должна была взять на себя обязательства: «...в том, что территория, входящая в сферу английского влияния между Гиндукушем и чертой, идущей от восточной оконечности озера Виктории до китайской границы, войдет в состав владений эмира афганского, что эта территория не будет присоединена к Великобритании, и что на ней не будет возведено ни военных постов, ни укреплений» [4].
- Было поставлено категоричное требование об очищении афганцами от пограничных постов всего левого берега реки Пандж (Пяндж).

Таким образом, получалось, что северо-восточной границей Афганистана была естественная граница. В 1895 году была произведена демаркация границы на местности. В конвенции от 18 (31 августа) 1907 года все прежние договоренности о положении Афганистана были подтверждены. Особо подчеркивалась независимость его от Англии и невозможность оккупации территорий.

Подводя итог, можно сказать, что к концу XIX века в целом ситуация в Центральной Азии для России складывается несколько лучше и она, чувствуя некоторое спокойствие англичан, всё активнее начинает своё укрепление в Среднеазиатском регионе. Это можно проследить и в ходе туркменских завоеваний, и в укреплении своей власти на территории Памира. Нельзя не сказать, что Англия, несомненно, зорко наблюдала за этой ситуацией и всячески сдерживала российский энтузиазм, однако, к военному столкновению обе страны были не готовы, и легче было разрешить вопросы мирным путём. Таким образом, к началу XX века начинает складываться более устойчивая среднеазиатская политика держав, так как невозможность (или нежелание) серьёзной войны усиливала необходимость дипломатических переговоров по всем спорным вопросам.

Источники и литература.

1. Соболев А. Н. Возможен ли поход русских в Индию. Москва. 1901.
2. Ген.-штаба капитана Скерского. Краткий очерк Памира // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Выпуск 1. СПб. 1892.
3. Переговоры между Россией и Великобританией 1872-1885. СПб. 1886.
4. Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917. Москва., Гос.изд-во пол-лит. литературы, 1952. С. 284-286.
5. Уманец. Памирский вопрос и его значение // Исторический вестник. № 1, 1892.
6. Хопкирк П. Большая Игра против России: Азиатский синдром". М.: Рипол Классик, 2004. С. 427-430.

РОЛЬ ИСЛАМА ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ АФГАНИСТАНА СО СТРАНАМИ ВОСТОКА (1747 Г. – НАЧАЛО XX ВЕКА)

Хоменко С.В.

Филиал МГУ в городе Севастополе

После образования Дурранийской империи (1747 г.), ее территория стала привлекать внимание Англии, чье влияние было распространено в Иране, с целью не допустить усиления Российской империи. А уже с конца XVIII века Российская империя оказалась вовлеченной в конфликт между Великобританией и Афганистаном. Поэтому обе державы (Россия и Великобритания) с невероятной скоростью налаживали дипломатические контакты в этом регионе. Стоит учитывать, что на тот момент Англия действовала в интересах Индии [15], а Российская империя наступала со стороны Ирана. Таким образом, территория Афганистана оказалась «в клешнях» между Британской Индией и Ираном. Тем не менее, помимо России и Великобритании существовал ряд других стран, которые оказывали влияние на ислам в Афганистане. Манипуляции религией, как всеобщим явлением, привели к ускорению образования целостного афганского государства на основе ислама, в том числе предопределили историческое развитие Афганистана. Среди таких стран можно выделить Иран, Индию и Турцию, благодаря которой в стране зародилось младоафганское движение. Взаимодействие этих стран с государственными институтами Афганистана посредством религии в целом определило положение страны на политической арене. Но для понимания современного исторического развития Афганистана, в первую очередь, необходимо рассмотреть внешнеполитические связи государства до начала XX века, а именно – до момента обретения государственности (1919 г.), когда ислам всецело будет диктовать порядок жизнедеятельности афганцев и неразрывно связывать и примирять их между собой.

На протяжении веков между шиитским Ираном и суннитскими афганскими княжествами, а в дальнейшем и Афганистаном складывались далеко не дружеские отношения, хотя в истории были случаи, когда два враждующих толка ислама пытались договориться. Но взаимоотношения двух стран-соседей постоянно трансформировались.

В начале XVIII века, когда Иран еще владел значительной частью современного Афганистана, страны находились в состоянии политической борьбы. Шахи Ирана, чтобы подавить восстания и мятежи племен абдали и гильзаев, непрерывно назначали на должности наместников высших лиц из соседних государств, которые уже были подчинены империи Сефевидов. Так, например, шах Ирана предложил царю Картли¹ Георгию XI занять пост беглербега² Кандагара.

Георгий XI осознал проблему, которую ему предстояло решить – настроить друг против друга племена абдали и гильзаев [11, с. 43] для того, чтобы их конкуренция не мешала захвату афганской территории. На тот момент Мир Вайс – вождь племени гильзаев – проводил взвешенную политику в отношении подобных завоевателей. Несмотря на то, что царь Картли разжигал вражду между двумя афганскими племенами [11, с. 43], Мир Вайс добивался обратного: получить разрешение на хадж в Мекку для обоих племен. Цель данной необходимости политическая – ускорить падение державы Сефевидов, но методы ее достижения были религиозными.

В финальной битве против Георгия XI в 1709 году, афганские племена в единстве его побеждают войско и убивают его самого [7]. Однако для получения разрешения на хадж необходимо было убедить шаха Хусейна в том, что афганцы – правоверные мусуль-

¹ Картли считается исторической и географической областью Грузии, также эту область принято называть центром государственности Грузии.

² Господин господ, титул некоторых наместников афганских, турецких и иранских провинций.

мане. В итоге, после поражения царя Георгия, при обыске его войска были обнаружены иконы, кресты и другие христианские атрибуты [7], что явилось доказательством обмана иранского шаха. Ранее Георгий XI убеждал Хусейна в том, что он является мусульманином. И только после того, как Мир Вайс отправил добытые реликвии шаху с объяснениями, ему был разрешен хадж. После чего религия и идеология афганцев начала крепнуть, что помогло противостоять иранской агрессии.

Также стоит снова упомянуть факт осады Исфахана афганцами в 1822-1823 годах [14, с. 86] как яркий пример иранско-афганских отношений, где столкнулись ислам шиитского и суннитского направлений. Когда «...афганцы...перебили народ, ограбили имущество, и увели с собой...5000 суннитских семейств» [8].

Такие отношения между Ираном и афганцами продолжались до русско-английской экспансии, когда Иран и Дурранийская империя оказались под влиянием России и Англии соответственно. Великодержавная внешняя политика заставила страны поменять приоритеты. Правительства Ирана и Афганистана не могли принять интервенционных порядков, которые были абсолютно неприемлемы для их политического устройства. Тем не менее, страны по-прежнему враждовали. Но из-за нехватки сил в первой англо-афганской войне и пленения первого эмира Афганистана Дост Мухаммеда, афганцы попросили помощи у «*вождей шиитского вероисповедания*» [6, с. 69-70] с лозунгом «Вооружить всех шиитов!», чтобы противостоять английским солдатам. Попытки установить временные дружественные связи с Ираном ранее также предпринимались [13, с. 246] в связи с идентичной религиозной принадлежностью.

Ситуация вновь менялась с приходом на пост эмира «русского» Абдурахман-хана и установлением прочных связей с Российской империей на момент войн с Англией: гонения на шиитов продолжились. Шиитские мусульмане попали под конфискацию земель и были лишены жалования [10, с. 52].

В начале XX века, а именно после англо-русского соглашения 1907 года, Иран и Афганистан вновь оказались сферами влияния России и Великобритании. В связи с этим, в Иране обостряется национально-освободительное движение, направленное против иностранцев и всяческого притеснения ислама. Настроения иранской революции 1905-1911 годов были поняты в Афганистане в 1919 году Амманулой-ханом, который поддержал движение младоафганцев. Национальное движение развернулось с новой силой, особенно после 1912 года, когда английский полковник Бит высказался в парламенте за то, чтобы «*вымести, как мусор «диких» соседей Индии*» [9, с. 67] – Иран и Афганистан. Афганистан был охвачен массовыми волнениями, после которых исламское начало получило развитие во всех без исключения процессах, протекающих на его территории.

Но более интересные взаимоотношения складывались с Индией. Еще с XVII века Империя Великих Моголов пыталась всячески расположить к себе афганские племена, используя в качестве инструмента ислам. Затем англичане, «приручив» Индию, стали применять различные методы усмирения населения Афганистана. Для этого британцы брали в оборот абсолютно все ресурсы, находящиеся на территории Индии. В данном случае рассматриваются человеческие ресурсы. Например, для реализации захватнических планов, были использованы сикхи во главе с Раджитом Сингхой [6, с. 88], который пытался договориться с высшим духовенством афганских княжеств.

Так, за сотрудничество с Британской Индией и Раджитом Сингхой, Шуджа-шах потерял влияние среди исламского духовенства: его имя перестали упоминать в хутбе. Население начало считать установление власти «неверных» осквернением мусульманского правоверия. В данном случае народные массы, взволнованные положением ислама в стране, стали символом неподчинения в серии англо-афганских войн. Войска, вдохновленные священной войной, выступили на восток от истока реки Кабул, где под страхом казни эмир Шуджа намеревался сбежать в английский лагерь.

Собственно позже уже Британская империя начала использовать исламский фактор в качестве регулятора отношений. А с начала XX века, когда в Афганистане наступило время модернизации страны, в школах и высших учебных заведениях за основу была взята образовательная система Индии [9, с. 25], только несколько усовершенствованная. Улучшения коснулись набора предметов для изучения: были добавлены религиозная филосо-

фия, богословие и успешно сочеталось изучение современных естественных наук и наук социально-гуманитарного цикла. Попросту афганцы перенесли систему образования на почву ислама, где он, как религия, стал основой. Тем самым афганцы продемонстрировали Индии более чуткое отношение к исламу и мусульманам.

С вступлением Хабибуллы-хана на пост эмира англичане провоцировали афганцев на ведение агрессивной внешней политики по отношению к Британской Индии, и одновременно призывали ее поддерживать дружбу, несмотря на бывшие случаи небрежного отношения к мусульманской религии. Разница была в том, что действия координировались из двух центров: Лондона и Калькутты.

Но, несмотря на это, Хабибулла-хан симпатизировал Британской Индии из-за того, что Индия была способна на тонкие дипломатические уловки. Успешно составленный текст договора о сотрудничестве стал одной из главных причин благосклонного отношения [9, с. 55]. Во-первых, договор начинался со слов «Во имя Аллаха...», что не могло не привлечь Хабибуллу-хана на их сторону, а во-вторых, эмир был признан *«светочем нации и религии»*. После чего эмир с удовольствием отправился в поездку по Индии, где посетил соборную мечеть в Пешаваре, медресе и одобрил строительство новой школы «Содействие исламу» [9, с. 56]. Причем самыми вызывающими поступками эмира были запрет мусульманам приносить в жертву коров в Индии и провозглашение речи за объединение с шиитскими улемами. Фактически, за попытки такого сотрудничества эмир и был убит.

Существовал и третий политический партнер Афганистана, который был заинтересован больше в идеологической составляющей взаимоотношений. Турция обратила внимание на положение Афганистана, как только эмиры начали проводить серию реформ по улучшению жизни населения. Немаловажно, что эти реформы в большинстве случаев коснулись и религиозной стороны общества. Хотя попытка провести преобразования в стране уже предпринималась дважды, но из-за агрессии Англии они были прерваны.

По этой причине религиозно-политический деятель Джамал ад-Дин Аль-Афгани (1839–1907 гг.) эмигрировал из Афганистана. До эмиграции Аль-Афгани находился на службе у афганских эмиров, а свою просветительскую деятельность начинал с увлечения суфизмом [1, р. 25]. Его взгляды были абсолютно неприемлемы для общей массы афганцев на пути создания отдельного государства, но к концу XIX века они оказались актуальными в Турции. Абдул-Хамид II, чтобы вывести страну из кризиса, попытался объединить турок на основе религиозных идей Аль-Афгани. Но в Турции по-прежнему процветали коррупция и казнокрадство. Тем не менее, идеи панисламизма Аль-Афгани были приняты младотурками, которые в свою очередь трансформировали их в пантюркизм с лозунгами панисламизма [12, с. 129]. Однако 1914 год показал, что политическое движение не имело достаточных сил для сохранения границ и объединения населения.

Так, по примеру уже произошедших революций в Турции, Иране и даже в России, Хабибулла-хан осознал, что реформы лучше начать проводить «сверху» и постепенно, связывая нововведения с исламом. Таким образом, у афганцев появилось *«...страстное желание превзойти прочие народы, утвердить свои приоритеты в создании интеллектуальных и духовных ценностей»* [2, р. 90]. Правительство в Афганистане полностью пересмотрело опыт тех стран, которые неумело воспользовались сочетанием политических целей с исламом.

С началом Первой Мировой войны Турция предприняла ход, который требовал уважения со стороны афганского эмира. Турецкое правительство уговаривало Афганистан вступить в войну, при этом употребляя религиозно окрашенные эпитеты: «Великая мусульманская страна», «Одобренное Аллахом правительство» и тому подобные выражения [4, р. 246-247]. Но эмиру очень важно было сохранить позицию нейтралитета, так как на территории Афганистана уже были завязаны интересы Великобритании и России. Хабибулла-хан тем самым обезопасил себя от военно-политического влияния Германии, но оставался зависимым от Турции. Эмир признавал, что турецкие «революционеры» влияют на умы афганцев, поэтому турецкое правительство ждало от Афганистана если не вступления в войну, то джихада против России и Англии.

По замыслу Энвера-паши, джихад должен был объединить Иран и Афганистан как мусульманские страны против агрессоров под протекторатом Германии [5]. Для этого не

раз предпринимались турецко-германские дипломатические миссии в Герат, Кабул и другие регионы Афганистана. Однако доверие к турецкому правительству было потеряно после того, как на территории Афганистана были замечены иностранные агенты, которые призывали население к джихаду против Англии и России.

Тем не менее, самая главная заслуга Турции состояла в том, что она инспирировала в Афганистане этап 18-летних преобразований до вступления на престол Амануллы-хана. Хотя корни турецких идей об объединении страны на основе религии и об освобождении от колониального гнета берут свое начало в Афганистане. Спустя полвека призыв Аль-Афгани к национальному освобождению был услышан на его родине. Самым ярким деятелем младоафганского движения считают Махмуда Тарзи, который стал министром иностранных дел при Аманулле-хане. Отсюда следует, что идеология младоафганского движения была поддержана на государственном уровне, в том числе и самим эмиром. Махмуд Тарзи акцентировал внимание на забывчивости людей, которые не помнят о Коране, пророке, национальной чести [3, р. 167-170], вдохновляя афганцев на «великие свершения».

Таким образом, благодаря тому, что ислам среди афганского населения занял лидирующие позиции, религия составила основу для государственной организации, юридической и экономической составляющих страны. Это позволило объединить ханства после распада Империи Дуррани в целостное государство путем проведения постепенных реформ, которые учитывали внутренние и внешние факторы для дальнейшего развития страны. Афганистан, обретя политическую и религиозную независимость в 1919 году, перешел на новый этап своего исторического развития, но с новыми противоречиями внутри государства и новыми «игроками» у его границ.

Источники и литература.

1. Adams Ch. Islam and Modernism in Egypt. London, 1933. P. 25.
2. Afghani J. Refutation des materialistes // пер. Pakdarnan H. Djamal-ed-din Assad Abadi dit Afghani. Paris, 1942. P. 90.
3. Gregorian V. The Emergence of Modern Afghanistan: Politics of Reform and Modernization 1880-1946. Stanford, 1969. P. 167-170.
4. Sykes P. A history of Afghanistan. Vol. 2. London: Macmillan and Co. LTD, 1940. 416 p.
5. Абдуллаев Камолидин Смерть «летучего голландца Востока» [Электронное издание] // Время Востока. Режим доступа: <http://www.easttime.ru/countries/int/2/6/79p.html>
6. Бабаходжаев М.А. Борьба Афганистана за независимость (1838-1842). М.: Издательство восточной литературы, 1960. 105 с.
7. Вахушти Багратиони История Царства Грузинского. Жизнь и деяний царей Картли после распада царства на три царства и пять княжеств [Электронное издание] // Сайт «Восточная литература». Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus6/Wachushti/text4.phtml?id=244>
8. Гиланенц П. Дневник осады Испагани афганцами, веденный Петросом ди Саргис Гиланенц в 1722 и 1723 годах [Электронное издание] // сайт «Восточная литература». Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus/10/Gilanenz/text.phtml>
9. Губар М.Г. Афганистан на пути истории. М.: Наука, 1987. 206 с.
10. Гульджанов М. Политика Абдуррахман-хана в отношении духовенства (1880-1901) // Страны Ближнего и Среднего Востока. История Экономика. М.: Наука, 1972. С. 49-56.
11. Маркарян С.А. Георгий XI и Кандагарское восстание 1709 // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность, 2009. № 5. С.41-46.
12. Степанянц М.Т. Мусульманские концепции в философии и политике (XIX-XX вв.). М.: Наука, 1982. 248 с.
13. Хоменко С.В. Исламский фактор в российско-афганских отношениях // Тенденции и перспективы современных геополитических и религиозных процессов: теория и практика: международная научная конференция, г. Севастополь, 14-16 мая 2013 г. Симферополь: ИН-ФОЛИО, 2013. С. 246-249.
14. Хоменко С.В. Истоки исламской религиозности в Афганистане // Сборник докладов международной научно-практической конференции «Слинкинские чтения» памяти профессора М.Ф. Слинкина. Симферополь, 2013. С. 86-89.
15. Хопкирк П. Большая Игра против России: Азиатский синдром [Электронное издание]// Библиотека «Гумер». Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/hopkirk/

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- АВТУШЕНКО**
Михаил Николаевич
Редактор газеты «Севастопольский бриз».
- БУЛГОВА**
Дарья Дмитриевна
Член Украинско-арабского Центра научно-культурных связей «Аль-Китаб» (г. Севастополь), соискатель ученой степени кандидата политических наук.
- ГРУШЕЦКИЙ**
Богдан Павлович
Аспирант кафедры новой и новейшей истории зарубежных стран Таврического национального университета имени В.И. Вернадского
- ЕВСЕЕВ**
Владимир Михайлович
Исследователь, кандидат исторических наук
- ИГУМЕН НИКОН**
(Демьянюк)
Магистр богословия, настоятель Свято-Покровского храма г. Судака, наместник Кизилташского Свято-Стефано-Сурожского мужского монастыря
- ИРХИН**
Александр Анатольевич
Доктор политических наук, профессор кафедры истории России и новой и новейшей истории ТНУ имени В.И. Вернадского, руководитель Центра исследования динамики международных отношений
- КАМАКИН**
Максим Владимирович
Аспирант кафедры политических наук и международных отношений Таврического национального университета им. В.И. Вернадского
- КАНАХ**
Аммар Махмудович
Кандидат политических наук, доцент Севастопольского национального технического университета, директор Украинско-арабского Центра научно-культурных связей «Аль-Китаб»
- МАРТЫНКИН**
Андрей Владимирович
Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе
- НЕЛИНА**
Лариса Павловна
Аспирант кафедры новой и новейшей истории зарубежных стран Таврического национального университета имени В.И. Вернадского
- ПАШКОВСКИЙ**
Пётр Игоревич
Кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и правовых дисциплин Института стран Востока и Африки Международного славянского университета (г. Симферополь)
- СИЧНАЯ**
Анна Владимировна
Аспирант кафедры новой и новейшей истории зарубежных стран Таврического национального университета имени В.И. Вернадского
- СТАВИЦКИЙ**
Андрей Владимирович
Кандидат философских наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе
- ЧИБISOVA**
Анастасия Александровна
Аспирант кафедры истории стран Ближнего зарубежья Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

* * *

- МАРТЫНКИН**
Григорий Андреевич
Студент VI курса МАТИ-РГТУ имени К.Э. Циолковского (научн. руководитель – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе **Мартынкин Андрей Владимирович**)
- МИХАЙЛЕНКО**
Екатерина Александровна
Студентка IV курса отделения «История» Филиала МГУ в г. Севастополе (научн. руководитель – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе **Мартынкин Андрей Владимирович**)
- ХОМЕНКО**
Сергей Васильевич
Студент IV курса отделения «История» Филиала МГУ в г. Севастополе (научн. руководитель – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе **Мартынкин Андрей Владимирович**)
- ШЕЛЕСТ**
Антонина Георгиевна
Студентка V курса ГУ «Высшая школа экономики» (научн. руководитель – доктор философских наук, профессор кафедры публичной политики ГУ ВШЭ **Никитин Александр Иванович**).

Научное интернет-издание

Избранные статьи по материалам докладов, прочитанных в секции «Международные отношения в Причерноморье» на XI Международной научной конференции «Лазаревские чтения» 2013 года / под общей редакцией С.Ю. Сапрыкина.

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА:

А.В. МАРТЫНКИН, В.В. ХАПАЕВ

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редколлегии.

НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

**Дизайн, макет и верстка выполнены
в историко-археологической лаборатории
кафедры истории и международных отношений
Филиала МГУ в г. Севастополе**

**Подписано к публикации 15.04.14 г.
Формат 70 x 108 1/16
Объем 14,75 п.л., уч. изд. л. 10,8.
Распространяется через сеть Интернет**

